

18+

Александр Черенов



ПАДЕНИЕ КРЕМЛЯ



Воспоминания о будущем

Александр Черенов

Падение Кремля.

Воспоминания о будущем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63374183

ISBN 9785005181305

Аннотация

Россия ближайшего будущего (?). У «левых» происходит раскол: молодёжь Компартии не устраивает коммунизм на словах и конформизм на деле. Глава Администрации Президента узнаёт о существовании у них мощной боевой организации, действующей под видом клубов патриотического воспитания. Он решает воспользоваться ситуацией и перевербовать вождей «красной» молодёжи для борьбы с преступностью и региональным сепаратизмом. Он и не подозревает о том, что сам выпустил «джинна из бутылки». «Красного джинна». Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава первая	14
Глава вторая	28
Глава третья	35
Глава четвёртая	51
Глава пятая	62
Глава шестая	73
Глава седьмая	78
Глава восьмая	98
Глава девятая	113
Глава десятая	127
Глава одиннадцатая	139
Глава двенадцатая	147
Глава тринадцатая	160
Глава четырнадцатая	172
Глава пятнадцатая	181
Глава шестнадцатая	195
Глава семнадцатая	210
Глава восемнадцатая	218
Глава девятнадцатая	228
Глава двадцатая	236
Глава двадцать первая	247
Конец ознакомительного фрагмента.	253

Падение Кремля

Воспоминания о будущем

Александр Черенов

© Александр Черенов, 2020

ISBN 978-5-0051-8130-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия

– ...твою мать!

Я едва успел отскочить в сторону: украшенный синим колпаком представительский «мерин» решительно игнорировал «красный свет», пешеходный переход и пешеходов. «Три – в одном» – и фонтан грязи «освежил» то место, где я только что стоял. Находящийся рядом гаишник невозмутимо отвернулся, демонстрируя тонкое понимание момента.

Матерясь лаконично и не слишком разнообразно, я пересёк «зебру», и уже на той стороне продолжил «облегчать душу» «по полной».

В адаптированном виде – примерно так:

– Ну, суки! Неужели это никогда не кончится?!

– Кончится: можете в этом не сомневаться.

«Что такое? «Мне голос был, он звал утешно...»?»

И я «пошёл на голос». На лавочке под деревьями сидел «гражданин отсутствующей наружности», каких – миллионы: пройдёшь и не заметишь.

– Кончится.

Мужчина глядел на меня отчего-то доброжелательно. Похоже, моя экспрессия пришлась ему по сердцу.

– И очень скоро. Точнее, уже кончилось.

«Мило» оскалившись в ответ, я «вздохнул в глубине души».

«Везет же мне на сумасшедших! Судьба, что ли, такая?»

Полагая самым разумным «проскочить на красный свет», я прибавил ходу, ещё активнее ослабился и даже буркнул что-то вроде: «Да, хорошо бы!» С этой публикой надо быть «дипломатом»: иной подход «чреват последствиями». Для собственной задницы. И потом: о себе я могу сказать то же, что и один из героев Зошенко: «Я скандалов не люблю!»

Очень я не хотел тормозить, да меня притормозили. Ну, то есть, ноги вдруг сами застопорили ход. Мгновение спустя я уже «знал», почему: это Его взгляд «приклеил» меня к асфальту. И тут я почувствовал, что и у меня «сносит». Да и было, с чего: от них обоих – и от мужика, и от его взгляда – отдавало чем-то «неотсудовым», «из книжек».

– «Кончилось»?»

«Зачем?!»

По опыту своему я знал, что погрязать в теме, которую

«предлагает к обсуждению» «шизик», категорически не рекомендуется. Если уж попался, то лучше всего перевести разговор на что-нибудь нейтральное, вроде погоды или окружающего пейзажа. Но я не успел. А, может, и не смог.

– Присаживайтесь!

Предложение было сделано тоном, каким в армии отдают приказы.

Я уже открыл рот, чтобы «с благодарностью» отказаться, но мужик его закрыл. Одним взглядом. У меня, само собой – и сами собой – подкосились ноги, и я присел. На самый краешек скамейки. Не снимая с лица «благожелательной улыбки». Хотя со стороны она вряд ли смотрелась таковой.

– Я, вообще-то, должен... – начал я «лепить». Но даже «слепить» я не смог. По причине «дезактивации» челюстей.

– Я задержу Вас ненадолго.

И он задержал. «Ненадолго»: до первых фонарей. А ведь «присели меня» в полдень! Не стану врать: рассказывать дядя умел. Рассказ его захватил меня настолько, что я ни разу не взглянул на часы. Многое из того, о чём он говорил, казалось мне удивительно знакомым: персонажи, факты, события. Иногда я ловил себя на мысли о том, что это он – обо мне! О моей жизни. В общем контексте современной мне. Правда, некоторые вещи были столь невероятны и даже чудовищны, что несколько раз я дерзнул на скептический хмык. Нет, вру: не дерзнул – сорвался. Хорошо ещё, что без текста. Одного взгляда рассказчика оказалось достаточ-

но для того, чтобы я почему-то вспомнил незавидную судьбу Берлиоза. Ну, того – из книжки.

Я слушал «докладчика»... нет, не как делегат съезда: как дитя, раскрыв рот, и не обращая внимания на то, что происходит вокруг. Для меня не существовало никого и ничего, кроме этого странного человека и его ещё более странного рассказа. Хотя, вряд ли кто заинтересовался парой болтающих мужиков, даже, если бы мы «не только болтали», но и «принимали вовнутрь». Да и в тени деревьев мы «рассредоточились» вполне квалифицированно.

В самый кульминационный момент незнакомец выразительно посмотрел на едва «живой» фонарь.

– Однако, заговорил я Вас – а Вы куда-то спешили...

И это – в такой момент! На пике интереса!

«Ну, дядя: тебе бы сценарии для „мыльных опер“ писать! Ты бы стал миллионером на одних только концовках: такое „многоточие“! Или „пространственно-временная дыра“ закрывается?»?

В голосе незнакомца я почему-то не уловил иронии. Значит, мне надлежало умирать от нетерпения. Потому, что я не желал «второй серии»: я хотел всё здесь и сейчас.

– А дальше?! Что было дальше?!

Удержись тут «в рамках»: я ведь – обычный человек, теплокровный! Я – не «оттуда»! А мужик уже опирался на трость.

– Один вопрос?!

Я уже понял, что «кина не будет».

– Как Вы можете это знать?!

Не глядя на меня, мужик перебросил через руку плащ, который я бы постеснялся и под дверь постелить.

– А что, если я был очевидцем и даже участником этих событий?

«Тьфу, ты! А я чуть было не „купился“! А товарищ, если и „переместившийся“, то лишь из „жёлтого дома“. И не из того, который „в другом измерении“: из нашего, в двух кварталах отсюда!».

Я уже собрался всё сказать ему хотя бы взглядом – ан, не тут-то было! Не во что было говорить! То есть, лицо в наличии имелось, а вот «поймать его в прицел» я не мог! Оно то «уходило», то «просвечивало»!

Для рядового психа – не рядовая «аномалия»! Или это у меня случился «временный сбой»?

– Но почему Вы рассказали именно мне?!

Отчаяние сподобило меня на «убойный вопрос». От такого шуточками не отделаешься.

– Потому, что Вы напишете об этом.

Никаких просьб: сплошной императив!

– Почему я?!

– Вы подходите – по взглядам и мыслям. И, потом, Вы – не без способностей: Вы ведь пописываете? Кому, как не Вам, и передать людям знание.

– А на кой хрен оно им?! – не выдержал я. – Да и приелась

уже фантастика...

Зондажа ради, я, всё-таки, «лягнул» рассказчика. Но он почему-то не обиделся.

– «На кой хрен», спрашиваете? Ну, одним – чтобы верить и надеяться. Другим – чтобы задуматься над перспективой, ибо час близок.

Он вновь просветил меня. Взглядом.

– Значит, мы договорились? Вы напишете и опубликуете. Если боитесь последствий, возьмите текст в кавычки. Ну, словно Вы – «сбоку бантик».

– Ну, почему я боюсь... – отважно слицемерничал я: мысль о кавычках появилась у меня ещё до того, как незнакомец «внёс предложение».

Он уже сделал шаг во тьму – фонари у нас уцелели на «первый второй – рассчитайсь!» – как вдруг застопорил ход и отыграл назад.

– Напоследок: я не ограничиваю творческих порывов. Можете расширить текст за счёт «лирических отступлений»: у Вас это должно получиться.

– Ну, так уж и... – попытался я дать скромности. Не вышло: не взяли.

– Словом, «разведи мантифолию поцицеронистей», – безапелляционно «приговорил» он меня Чеховым. – Но никаких фантазий! Не пытайтесь «выйти за рамки»: всё предопределено. И, кроме того...

Он квалифицированно выдержал паузу, за которую я

успел мысленно «извертеться на пупе».

– ... Но об этом – в своё время.

«Тьфу, ты: зря только „вертелся“!»

Пока я отплёвывался – и не только в мыслях – мужик пропал из виду. Я даже не заметил, как. Но точно – не убежал. Видок у товарища явно не спортивный. «Ушёл в другое измерение»?

...На другой день я пошёл к психиатру. А куда ещё?! Нет-нет: это я не насчёт себя. Когда-то, давным-давно, ещё во времена моей «юридической молодости», я нередко обращался сюда по делам клиентов. Наверняка кто-то из старожил должен был вспомнить меня – и не матерным словом. Психиатры, как и судебные медики, до пенсии сидят на своём месте, как ржавый гвоздь – в стене.

Мне повезло: отделением заведовал мой старый знакомый, тогда – начинающий «интерн». На мою удачу, «момент узнавания» был обоюдным. Именно ему я и «сбыл» «легенду». Совершенно бесхитростную, и уже одним этим обязанную вызывать доверие.

Я не стал «изобретать велосипед»: якобы иногородние родственники просили меня встретить одного «товарища», приехавшего на лечение. О диагнозе я догадался лишь тогда, когда увидел «гостя». В первый же день он возьми, да и сгинь без следа. Ну, я, потыкался по разным местам, а потом вдруг подумал: а не у вас ли он? А что тут такого: «вернулся домой»!

Вопрос о фамилии и прочих реквизитах я «отвёл» простым способом: шизофреники – фантазёры, и могут назвать себя хоть Господом Богом. «Легенда» прошла «на ура» – и доктор не стал «доставать» меня вопросами.

– Да, но как Вы его узнаете?

«Тоже мне: бином Ньютона!» Ответ и на этот вопрос входил в «домашнюю заготовку».

– А Вы покажите мне их всех – на всякий случай.

И мне показали всех. Но рассказчика среди них не было.

– А никто не рассказывал Вам, что прибыл из будущего?

Я ухватился за соломинку. Последнюю в поле зрения.

Доктор улыбнулся.

– Нет. Сейчас наши клиенты вновь предпочитают работать историческими личностями. «Инопланетян» давненько не приводили: не «в моде-с»!

Мы посмеялись: доктор – заразительно, я – постарался. На том и расстались.

«Выходит – не „шизик“. Кто же тогда? Или все эти рассказы о параллельных мирах, о временных разрывах, о дырах в континууме „пространство-время“ – не бред?!»

Некоторое время я искал ответы на свои вопросы, сколь старательно, столь и безрезультатно. В конце концов, я оставил эту затею – и сел за стол. Не обеденный: письменный. Работал я основательно – и сначала рассказ превратился в повесть, а затем и вовсе в роман. Незнакомец не зря намекал на мою склонность к «лирическим отступлениям».

Спешу предупредить вопросы: ничего в рассказе незнакомца я не менял. Ни одного факта. Ни одного события. Ни одной авторской интонации или оценки. Да я и не смог бы сделать этого: предопределённость. Как-то раз я попытался «выйти за рамки», так меня быстро вернуло «в канву». Что-то. Больше я уже и не пытался. Ни выяснить, «что», ни выйти.

Поэтому моя задача свелась к литературной обработке рассказа, несколько сухого и лаконичного. Я позволил себе раскрыть то, что автор обозначил лишь схематично. Ну, ещё «оживил» его телеграфный стиль.

То есть, раскрасил готовый шаблон – ну, так как это делают дети с набором «Раскрась картинку». В литературе это называется «набить черновик». И насчёт кавычек я не забыл. И не только «по причине боязни»: не моё это, хоть и в моём изложении. И не по мотивам: «они самые-с и есть-с».

Если за что и следует меня укорить – смягчил. Потому, что увидел будущее. Своё. И не «где-то там»: здесь. Не мог не смягчить.

На всякий случай, хочу сразу же заявить: я лично не был свидетелем описываемых событий. Поэтому ручаться за их достоверность не могу. Я всего лишь сделал литературную запись. На манер тех, которыми записывались воспоминания косноязычных мемуаристов. То есть, факты — «ихние», текст – мой. Но на обложке-то – фамилия мемуариста! А я – всего лишь переписчик. Перо, которым водил

чей-то Промысел. Редактор чужих слов. Вроде гоголевского Рудого Панька или новозаветного Иоанна: мне передали, чтобы я передал! И всё. Какой с меня спрос?

А все возможные совпадения – «как и положено», случайны. Никого конкретно в виду я не имел. Чтобы потом меня «не имели в виду». «Имел в виду» рассказчик, а не литзаписчик. Поэтому моя запись чужих «мемуаров о будущем» и идёт «в бронжилете»: «утопия с элементами антиутопии».

А если это и Откровение, то не «то самое». Пусть оно – отчасти – и в духе «того самого» Откровения «...Иисуса Христа, которое дал Ему (Иоанну – *пересказчик*) Бог, чтоб показать рабам Своим, чему должно произойти вскоре». Это – Откровение Другого Товарища. Так сказать, Откровение номер Два...

Переписчик, он же пересказчик.

Глава первая

Какой шикарный кабинет у Президента! Не кабинет, а царские палаты: весь в золоте и в камнях! В ювелирных! Как говорится, «тут бы только и жил!» Одно плохо: работать в нём решительно невозможно. По причине нерабочей обстановки и не расположенного к работе президента. Поэтому оба выполняли другую функцию: представительскую. Кабинет «представлял» отсутствующее величие страны. Президент – «вождя из телевизора». Первое шло на «внешний рынок», второе – на «внутренний».

Нет, Президент был, конечно же, не дурак. Но и от гения он находился на таком же расстоянии. Непростое это дело – скрывать несоответствие формы содержанию. Форму ещё можно как-то «поддержать»: «сделать лицо», сдвинуть брови, нахмурить лоб, «сверкнуть» «оловянным» глазом. А вот с содержанием – беда. Особенно когда его нет. Благо ещё, что народ попался хороший: простой, доверчивый, «без затей». «Пипл», одним словом. Как-то вдруг, разом поглупевший, он являл собой идеальный фон для достоинств Президента, незаметных в иных условиях. По причине «наличия отсутствия».

Ох, уж эта «шапка Мономаха»! И дело тут не в тяжести: не подходила она Президенту. По размеру не подходила. Не на того шили. Тут нужна была черепушка Сократа или

какого-нибудь Ильича. А с наличным ресурсом Президент «утонул» в этой шапке. Или она его «утопила». По всё той же причине «наличия отсутствия». Хотя... оно, может, и хорошо: за шапкой-то лица не видно. Как и отсутствующих мыслей.

Кабинет – вместе с портфелем – достался нынешнему хозяину от предшественника. Сам бы он не дерзнул покуситься. А всё потому, что не умел делать простых вещей, без которых нет «вождя». А вот предшественник умел. Всё умел. Всё то, отчего «и холодно, и жарко». И не только, какому-то, там, народу: «родной» челяди.

А нынешний Президент умел тогда лишь одно: выглядеть из-за хозяйского плеча и улыбаться застенчивой улыбкой. По причине отсутствия другой. Да и то, лишь тогда, когда это требовалось моментом и работодателем. Всё это вкупе с «покровительственным окрасом»: «человек-невидимка» – пришлось «Отцу Родному» по душе. Пусть даже и отсутствующей.

И «мальчонку» было решено определить в вожди. Очень уж не хотелось Первому Всенародноизбранному Суд Божий над собой предварять судом человеческим. В соответствии с нормами Уголовного Кодекса: по достоинству его деяния мог оценить только он.

Будущий Президент видел, как неустойчив трон – и берег седалище. Вместе с остальными «структурными элементами». Однако «сесть» пришлось. Поскольку сопротивление

было бесполезно, он особенно и не упирался. Да и неплохо всё же попасть в историю! Пусть даже не попасть, а «вляпаться». Ну, как это поминутно делал «едва просыхающий» Первый Всенародноизбранный.

А что до того, что «не сам, а посадили»... Ну, посадили! Ну, не сам! Уязвляет? Не без этого. Больно ранит? А вот это уже – литература. Ведь сам он даже места «придворного мухобоя» не получил бы: ну, не сподобил его Господь по части талантов! Хотя одним, таки, не обнёс: парень умел не высываться, а ждать, пока его «высунут» другие. Это – великий дар, и не каждому он даётся.

И потом: как и все «чернорабочие политики», будущий Президент не обольщался насчёт своих достоинств. Поэтому он верно определил свои достоинства как слагаемое достоинств всех остальных. Той самой команды, которая и образует фундамент власти любого, кто лишён талантов и харизмы вождя. Один из этой команды и сидел перед ним сейчас.

– Рад видеть тебя.

«Обрадовался» Президент традиционно: в столешницу. Там же он и «видел» того, кого был «рад». Ну, вот не любил он «глаза – в глаза». Зато по части «нырков» и «уходов» второго такого ищи – не найдешь.

– Ну, как, там, наши дела? Докладывай!

Министр обороны – а это ему «обрадовался» Президент – раскрыл папку. И тут же её закрыл.

– В общем и целом – всё хорошо...

– ... прекрасная маркиза! – «поучаствовал в докладе» Президент. – Кончать «гнать дезу» – не в телевизоре! Правду давай!

Президент не боялся оказаться непонятым. В своё время они с будущим Министром обороны числились за одним ведомством. Тем самым, «штаб-квартира» которого находилась на большой круглой площади с «мужиком в пиджаке» посередине.

Правда, в «штирлицы», «абели» и «лонсдейлы» ни один из них не попал: уж очень активно они притягивали к себе внимание чужих спецслужб. И не хотели, а притягивали. Как магнитом. Это оказалось их единственным «профессиональным достоинством». Поэтому их использовали только «в открытую» – для «легального прикрытия» настоящих шпионов. Проще говоря, в качестве подставных лиц. Здесь «провалиться» они уже не могли: некуда было «проваливаться».

– Правду? – отвесил губы Министр. – У меня – только это. И он покосился на закрытую папку.

– А чем это плохо?

Если он и потерялся, то нашёлся быстро. Сам. Без посредников.

– Каждый факт – «конфетка»! Любую цифру – хоть в гранит, хоть в бронзу! Не доклад – скрижали!..

– «Скрижали»! – хмыкнул Президент, и махнул рукой. – Ладно: «скрижаль» дальше...

Доклад оказался столь мажорным, что «на финише» обо-

им можно было заказывать себе по лавровому венку. И пока ещё на голову.

– Да, – шумно потянул носом Президент, не слишком усердно давая иронию. – «Разгромили атаманов, разогнали воевод...» «Не жизнь, а малина»!

Министр тактично уклонился от ответа. Вместе с лицом, которое он увёл от насмешливого взгляда Президента.

– Так, что ли?

– Понял, – вздохнул Министр обороны. – Есть и кое-что не из папки. «На любителя»... К числу которых ты до сегодняшнего дня не принадлежал.

С соблюдением всех мер предосторожности Министр иногда мог «дерзнуть на дерзость»: они с Президентом были выходцами из одного детского садика. И в период «от двух до пяти» будущий Президент «попил» из будущего Министра. Крови. Но потом он усовестился – и определил «друга детства» в министры обороны. И неважно было, что тот не знал, с какой стороны за портянку братья. Ну, а потом Президент настолько возлюбил ближнего своего, что и вообще сделал его первым вице-премьером по совместительству. Как перспективного «многостаночника».

– Итак?

– Видишь ли... Ситуация, как известно, зависит от точки зрения...

– ???

Президент оторвал взгляд от роскошной столешни-

цы и неодобрительно удивился. Воспитанный не только папой с мамой, докладчик «выключил» улыбку: «соблюдать дистанцию» обязаны все. И друзья – не исключение: ПДД – для всех одни.

– Ну, если говорить об экономических показателях, то они вполне благоприятны. Наблюдается рост экспорта в количественном и денежном выражении...

– Становимся ведущей энергетической державой? – опять усмехнулся Президент. Нет, он не был глуп, этот «посажённый в кресло».

Докладчик смутился: что-что, а это он делал мастерски. Как никто другой.

– Да... нет... Просто торгуем нефтью... газом... Ну, одним словом...

– Активно распродаёмся?

Министр снова откашлялся в кулак.

– Ну, если так ставить вопрос, то... оно... конечно...

– А как ещё его ставить?!

В отдельные мгновения Президент почти уподоблялся Александру Матросову – и бесстрашно глядел прямо в амбразуру лиц соратников. Как в амбразуру вражеского дота. И те зачастую не только «демонтировали» «пулемёты» своих взглядов – сами «падали, как подкошенные».

– Меня интересует правда, а не вариации на тему «Кипучая, могучая, никем непобедимая...»! Почитаешь: не Россия, б... дь, а страна Лимония, где «сорок звонков – и все

на обед»!

Министр не стал «падать, как подкошенный». Потому что «имел на себе два бронежилета»: приятельские отношения и «пуленепробиваемое» простодушие. Но дать качественное изумление не мешало. Что он и сделал.

– Что с тобой сегодня?

– Печёнка!

– Шалит?

– Чувствует!

– ???

Предваряя ответ, Президент выдал «уксусное лицо» – так, будто и впрямь имел проблемы «по линии печени».

– Печёнкой чувствую – и без всяких политологов с социологами.

– ???

Министр был более лаконичен – но не менее красноречив.

– Такое ощущение, что это – наш КПМ, – раздражённо пояснил Президент. – «Конечный пункт маршрута». Или, как говорят у нас в народе, «слезай – приехали!»

Некоторое время Министр осмысливал признание шефа. Наконец, осмыслил.

– Ну, что ж, господин Президент... Как говорят всё в том же народе: «раз пошла такая пьянка – где мой верный огурец?» Если ты мне – дифирамб, то и я тебе – панегирик!

Он решительно раскрыл папку – и не менее решительно закрыл её. Оглядевшись по сторонам и «убедившись» в том,

что «хвоста» за ним нет, он перегнулся через стол, и с заговорщическим видом припал к уху благодетеля.

– Только между нами: дореформировались.

– ???

Президент, кажется, перенял лаконизм детсадовского приятеля.

– Армии нет, – отважно «капитулировал» Министр обороны. – Есть, как у Шолохова в «Тихом Доне»: «вооружённые люди». Ни кадров, ни оружия, ни стратегии, ни тактики! За волю я вообще молчу!

Он то ли усмехнулся, то ли отработал усмешку.

– Помнишь, как у Высоцкого: «Главное дело, чтобы воля, говорит, была к победе!»... А мы?! Худо-бедно протянули десятки лет на большевистском наследии – а сами ни хрена! «Распродаёмся», как ты верно заметил, а «заливаем», будто бы «от тайги до британских морей Красная Армия всех сильнее!» Ты представляешь...

Он сменил усмешку на ухмылку. Видели бы его сейчас в телевизор!

– ... подлатали «дедушку истребителя», а выдаём за «наш ответ Чемберлену»! «Истребитель, бл... дь, «пять плюс плюс плюс»! А Америка без всяких, там, «плюсов» уже всюю штампует машины шестого поколения!

– «Шестого»? – удлинил физиономию Президент. За счёт отвешенной челюсти. – Это ещё, что за зверь?

– Многоцелевой самолёт поля боя. Беспилотный. Полёт –

только на сверхзвуке. Преодоление любой ПРО. Так сказать, «Звёздные войны» в действии... Да разве в одних самолётах дело... дело, которого нет и до которого – тоже никому никакого дела! С ракетами – такой же швах! Миллиардеров в год штампуют больше, чем ракет! Да и теми одних только журналистов пугать, и только своих! Старые уже трижды выработали ресурс, но мы упорно продлеваем «покойникам» жизнь!

– Опровергаем физику, словом? – «добавил юмора» Президент, явно и по адресу ракет, и по адресу «нас, упорно продлевающих».

– Точно! А в отместку физика сделала так, что ни одна из этих ракет – голову даю на отсечение! – не выйдет из шахты! Ну, как тогда, на ракетноносце, помнишь?

Президент нахмурился: мог бы и не напоминать. А ещё друг, называется! Ещё бы он не помнил: «посмеялись вместе со всеми». Над собой. «Продемонстрировали свою мощь»! А как красиво всё начиналось! Он тогда облачился в новенькую форму подводника – и перед телекамерами с биноклем в руках старательно работал Верховным Главнокомандующим! Во всех возможных ракурсах!

Правда, иногда его настроение портила мысль о том, что Сталин так никогда не поступал. Что вместо смены гардероба да «туристических поездок» на кораблях и самолётах тот обеспечил бы ускоренную разработку новейших видов вооружений. Но он тут же отгонял эту мысль: другие време-

на. Сейчас «творить» образ «мудрого вождя» – не прихоть, а веление времени. А для этого сгодятся и «туристические поездки», и прочие «карнавальные» мероприятия.

– Кстати, насчёт ракетноносцев...

Голос Министра «вернул» Президента в кабинет.

– Толку от них, как от козла – молока!

– Это почему?

– А на кой хрен они нужны, если ракеты не хотят из них вылетать?! Это – не ракетноносцы, а ракетовозы, и то в лучшем случае! Разумнее возить этот груз в трюмах обычных посудин – дешевле обойдётся! Да и ракеты – хреновые: не летают!

Министр был прекрасен в саморазоблачении. У стороннего наблюдателя он обязательно создал бы впечатление бесстрашного ревизора, только что прибывшего на Русь с другой планеты – и режущего правду-матку в глаза.

– Иэ-э-х-х, господин Главкомандующий!.. А ведь Советский Союз в отдельные годы строил больше десяти АПЛ! И не только многоцелевые, но и «Акулы», которые одни в мире и могли на равных соперничать с американскими «Огайо»!

Чувствовалось, что Министр основательно «натренировался» на выступлениях перед разной аудиторией, для чего ему пришлось всерьёз «заняться самообразованием». В основном – из открытых источников: книги, журналы, газеты, Интернет. Насмешки профессионалов не пропали втуне:

ляпсусов типа «миля в час» Министр обороны больше не допускал.

– Да и по остальным позициям ситуация – «шик, блеск, красота»!

ПВО «оптимизирована под корень»! Воздух гостеприимно распахнут на пятьдесят процентов площадей. Новые ЗРК обслуживают чужое небо. Ну, парочкой дивизионов «заслоняем» Москву и Питер. Новые танки «работают» экспонатами на заводских полигонах. В войсках – заслуженные «ветераны» «Афгана». Да и – вообще...

Он трагически – и очень качественно – дрогнул голосом.

– А мы всё распеваем: «броня крепка и танки наши быстры...» По телевизору втюхиваем лохам, что «в небесах, на земле и на море наш ответ и могуч и суров...»! Картинки показываем – из «выставочных» частей! Министр обороны бодренько докладывает Верховному Главнокомандующему: «Всё хорошо, прекрасная маркиза, и хороши у нас дела!» Да и как докладывает: по бумажке!!!

Градус негодования в адрес самого себя перешёл в Министре пределы допустимого. Подвергая себя беспощадной критике, он начал квалифицированно рикошетить в Президента. Едва ли не по принципу времён перестройки: «Метили в коммунизм – а попали в Россию!» Президент вначале молчаливо поощрял саморазоблачения Министра: не понял ещё. А когда понял, «об остановить» разоблачения уже не могло быть и речи.

– Ты представь только себе, чтобы кто-нибудь докладывал Сталину по бумажке! Не можешь представить? Вот и я не могу – а докладываю! Тебе!

Уже всё понявший Президент старательно «прижимался взглядом к полу». А «над головой свистели пули».

– И не потому, что не могу запомнить текста: боюсь пропустить хоть одну цифру по поставкам оружия в войска! Их так «много», этих цифр, что приходится дорожить каждой! А пока я докладываю, армия и флот продолжают свой крестный путь. На Голгофу!

Он замолчал. Президент ещё немного «полежал на полу» – и составил компанию Министру. В данной ситуации это было наилучшим решением: не хуже Министра он мог «аттестовать друг друга». По части положения «в небесах, на земле и на море». И если и было ему за что журить своего назначенца, так лишь за смягчение оценок.

Конечно, он не сидел, совсем уж сложа руки. Худо-бедно, но кое-что делалось. Пусть и штучно, потешая военных атташе стран «дружественного» НАТО, но в войска поступала новая техника. Пусть не новая качественно – НИОКР недофинансировали «до смерти» – пусть новая лишь по времени изготовления, но всё-таки! Правда, при таких темпах на замену морально и физически устаревшего оружия требовалось по некоторым видам вооружений от трёх до четырёх жизней!!! И это в то время, когда могут и одной лишить!

«Братский» Запад это чувствовал и с каждым годом всё

больше «работал «старшим братом». Отсюда, по причине «старшинства» – и игнорирование им робких протестов «младшенького» по поводу оседания на его границах «дружественной» НАТО, почему-то не рвущейся «самораспутиться». Ни «топанье ножкой», ни «выдувание щёк», ни делание «страшного лица» «младшеньким» «старшего» почему-то не пугало. Скорее всего, потому, что он мог в любое время заставить «младшенького» не только сделать другое лицо, но и «сделать в штаны».

– Всё?

Президент задал вопрос таким тоном, что только дурак не понял бы, что босс «передёрнул затвор».

– Всё.

Министр был лаконичен голосом – но не взглядом. А взгляд был не менее выразительным, чем речь: «Живи... пока».

– Ну, и на том спасибо.

Президент сделал вид, что не смог прочитать взгляда.

– Хотя и не это меня сейчас занимает больше всего...

– ???

Это «прозвучало» не «слабее», чем изумление Карлсона по поводу декадентской фразы Малыша «Не в пирогах счастье...» «За что боролись?!» – вопиял глазами Министр. А он-то надрывался! Да и как это «не это»?! Разве может быть что-то хуже? Или «нет предела совершенству»? В контексте гамлетовского «Есть многое на свете, друг Горацио,

что и не снилось нашим мудрецам»?!

– По правде говоря, меня куда больше меня сейчас интересуют не внешние «друзья», а внутренние...

– Ты хочешь сказать, что...

Хозяин кабинета энергично уронил голову.

– Так ведь они все по норам сидят! По отведённым! Какие это «друзья»?!

Поскольку хозяин кабинета не спешил разделить его энтузиазм, Министр счёл за благо задуматься.

– Но если ты так ставишь вопрос, то... по «друзьям» специализируются другие люди. Кстати, оба они – в приёмной. Позвать?

Президент ещё ниже упал головой...

Глава вторая

Лавровый венок легче шапки Мономаха – аксиома. И не по причине «конструктивных особенностей» каждого из головных уборов. Президент ежедневно познавал эту истину собственной головой. И ладно, если бы, нею одной: и хребтом – тоже.

Что и говорить: приятно купаться в лучах славы. Но месить ногами грязь, да ещё время от времени валяться в ней – это несколько иное мероприятие. Пусть даже грязь – «всего лишь» политическая. А ещё нести... нет: тащить... нет: влачить на себе груз тяжёлых и уж совсем малоприятных обязанностей – тут поневоле начнёшь склоняться. В пользу аксиомы.

Порой он и не рад был тому, что его, маленького серого чиновника, извлекли из политического небытия и поставили во главе некогда великой страны. Да что, там, «из небытия»: с самых его задворков! Неприметный сотрудник органов госбезопасности, он хоть и сумел вовремя сориентироваться в обстановке и быстренько изменить и партии, и разведывательному сообществу, не имел никаких шансов на то, чтобы стать тем, кем он стал. Ну, вот не сподобил Господь, в которого он впоследствии «уверовал» по должности. Не имел он для этого данных. Личных данных.

Так бы и прозябал он в тени, за спиной перманентно

нетрезвого Хозяина, если бы тот, вразумлённый доводами родни, не решил «вовремя смыться». Хозяин, наконец-то, понял, что приближается время ответить за всё, что он тут натворил «по линии демократических перемен». В связи с этим срочно понадобился человек, который смог бы гарантировать ему спокойное «дожитие» за государственный счёт.

Сколько кандидатов он перебрал за последние два года – и не сосчитать! Хорошие были демократы, а всё не то! И не сказать, чтобы теоретики: у каждого руки были по локоть... «в демократии».

Хозяин отдавал им за это должное – местами, рублями и долларами – а всё равно чувствовал, что никто из них не является гарантией от будущего воздания. И, к сожалению, не в другой жизни.

И тут один из его советников обратил внимание протрезвлявшегося изредка патрона на серенького услужливого чиновника из президентской Администрации.

– Этот подойдёт! Надо только хорошо подать его в СМИ!

И патрон рискнул. Безликого чиновника «наделили лицом», «подретушировали», «подкрасили», «покрыли лаком», немножко даже «сусальным золотом» – и образ Преемника был скормлен «пиплу»! «Пипл», который «голосует сердцем», а «думает» «телевизором», «съел – и не подавился»!

Преемник в полной мере оправдал надежды благодете-

ля. Первым же указом на посту свежеизбранного Президента он выдал тому индульгенцию от любых «поползновений» «недругов демократии»!

Ну, а дальнейшее было делом техники. Самой современной. Электронной. Того самого «глупого ящика для идиотов». На обывателя, не склонного к размышлениям, обрушился настоящий вал зрительной информации – другую наш «пипл» не потребляет – в которой Новый был выставлен абсолютной противоположностью Старого!

Имиджмейкеры решили сыграть на контрасте: относительно свеж, не пьёт, не курит, «не выражается», на званных приёмах не норовит «сковырнуться с копыт», ежедневно делает утреннюю зарядку – и даже может говорить не по бумажке!

«Пиплу» этих качеств нового «вождя» оказалось с избытком. Неважно даже, ЧТО он там говорит: всё равно не понять! Важно, что ГОВОРИТ! Не по бумажке!

Несколько месяцев Второй существовал исключительно на контрасте с Первым. То есть, следовал анекдотическому рецепту: «Всё вали на меня!» (на предшественника, то есть). Для «углубления» контраста он даже пытался что-то предпринять «по линии исправления линии». Но только пытался: ни действительного желания, ни персональных данных, ни возможностей для этого у него не было.

И не усидеть бы в Высоком Кресле тому, кто в первое время честно «позиционировал» себя не как вождя, а всего

лишь как управляющего, если бы вовремя и очень высоко не подскочили цены на нефть – единственную «заслугу» режима. Поток нефтедолларов позволил быстро заткнуть дыры и рты – и всё утишилось. Как на болоте. Правда, «товарищи» из Администрации настояли на другом определении: «стабильность». Подумав, владельцы мозгов решили не спорить: и так их – меньшинство.

«Оставаясь на позициях», нельзя сказать, что Президент только и делал, что ничего не делал. То есть, что он заботился лишь об обслуживании своего «несколько избыточного» рейтинга. Нет, он своевременно озаботился и вопросом более прочных «костылей». Как всякий, кто поднимался с самых низов, потому что был лишён талантов и харизмы, Второй «до нутра» постиг сущность власти. Он понял главное: «короля делает окружение». Без преданных людей не обойтись.

А преданность можно обеспечить только стимулом – и только материальным. «Кормило» (власти) отныне производилось от «корма». И он дал его тем, кого решил сделать опорой своей власти: чиновникам.

Государство, до недавнего времени принадлежавшее олигархам, перешло в руки чиновников. Обе стороны остались довольны сделкой... пардон: союзом. Чиновники – тем, что обрели статус новоявленных «Салтычих». Президент – тем, что обеспечил лояльность (в виде холуяжа) помянутых чиновников. Холуяж действительно был: никому не хочется по-

терять место у корыта! Да и разве это – цена за власть?! О нём нельзя было сказать даже словами Пушкина. Теми самыми: «ярем он барщины тяжёлой оброком лёгким заменил». Чины потянули бы и «ярем» – но Президенту хватило и «оброка лёгкого». Вкупе с прогибом спины.

По этой причине – «волеизъявление» «пипла» не в счёт – за первым избранием последовало второе. За вторым – третье. За третьим – четвёртое. Потом – опять первое «от обнуления». И в результате экс-серый чиновник – теперь уже «общенациональный лидер» – ...надцатый год президентствовал в некогда великом государстве.

Но в последнее время какое-то странное чувство поселилось в душе Президента – нахально и без приглашения. Её уже не грели даже беспрецедентные, откровенно неприличные восхваления челяди, племса и «независимых» СМИ. Ей было не по себе. Ему – тоже. Он и прежде не умел ничего скрывать – как только его держали в разведке?! – а теперь и подавно.

И душа полезла наружу. И не в виде «души нараспашку», как у какого-нибудь бесшабашного морячка. Это было «явление неглиже народу». Духовного неглиже: дискомфорта.

Президент стал неудобно чувствовать себя наедине с мыслями: в отличие от благодетеля, он их не растерял с годами. В центре внимания он ещё держался: мысли давило лаврами и панегириками. Но потом... Он вдруг «услышал», как «закачался» трон. Может, ему померещилось. Один раз. По-

тому, что не может же мерещиться каждый день?! Он оглядел трон со всех сторон, даже заглянул под него, но ничего не увидел. Никто трон не расшатывал, а он всё равно шатался. И Президент догадался: подкоп. Под него. Следовало немедленно установить «личность землекопа». Потому что он почувствовал близость призрака. И не того, который «бродит по Европе»: того, который – «от родных осин».

Казалось бы: психоз. Никаких оснований для паники. «Стабильность» продолжала иметь место: богатые богатели, бедные беднели, население «оптимизировалось», сырьё распродавалось энергичнее, чем прежде, оборонная мощь «крепчала» парой отремонтированных «немножко не бипланов». То есть, всё было как обычно. Демократический процесс шёл.

Оппозиция – что «правая», что «левая» – по причине работы «административного ресурса» давно уже переключилась на «завоевание власти парламентским путём». Неслышным шёпотом «протестовала» она из-за угла, отведенного ей режимом на задворках городов и сёл. Вроде бы, чего бояться: судьба и кресло – в надёжных руках и филях. Но Президент, как оказалось, был недостаточно умащён миром и елем для того, чтобы «носить розовые очки», не снимая их хотя бы на время.

Нагоняя страх на окружение, он ввёл в практику ежедневное заслушивание отчётов «двора» о положении дел в подведомственном государстве. «Двор» вначале дивился причу-

дам шефа: ведь прежде с докладом к нему можно было попасть лишь «в стаде» телевизионщиков, снимающих очередную «мыльную оперу» о «мудром вожде», «пекущемся о благе народа и государства». Но потом настроение шефа как-то незаметно передалось и им самим. Настроение кошки, которая чует, чьё мясо съела. Той, которая увидела вьющуюся верёвочку – и поняла, что, сколько ей не виться – а всё равно на шее окажется. И, к сожалению – не на чужой. Не на шее того, чьё мясо было съедено.

Сегодняшнее рандеву с Министром обороны ещё больше укрепило кошку... тьфу, ты: Президента в мыслях о лингвистической мудрости народа...

Глава третья

Уже несколько лет подряд все политические партии России переживали... «небывалый подъём доверия масс к Кремлю». Но это бы – ещё ладно: все они переживали кризис. Кризис доверия Кремля. К самим себе. Страшнее его ничего и быть не могло.

Председатель ЦК ПУК – Партии умеренных коммунистов России – нервно вышагивал по кабинету. До недавнего времени он возглавлял КПР – Коммунистическую партию России, но потом решил, что ПУК – это больше «в духе времени». И благозвучнее. Для Кремля. Кремль тоже так решил, но с дополнительными благодеяниями не торопился.

– Ещё Ильич говорил...

Заместитель Председателя – постоянный компаньон и собеседник босса – тут же заскучал: ссылки на Ильича теперь всегда предваряли апологию ревизионизма.

– На последних выборах мы получили...

– Нам дали, – вроде бы невзначай, поправил Зам.

Поправка была существенной: именно дали. Деятели ПУК-а, конечно, рассчитывали на большее, но не отказались и от выделенной квоты... на «выборах» в Кремле, в Администрации Президента, где они и «состоялись». Это уже потом для «обнародования результатов» подключили массовку. Так называемый электорат.

Политическая жизнь в России кончилась – при всей имитации кипучей деятельности под бдительным оком Кремля. Причин тому было немало. Тут и «жёсткая вертикаль власти», когда чиновничество в центре и на местах, используя пресловутый «административный ресурс», сумело успешно профилактировать массы. Тут и относительная стабилизация... в темпах, которыми богатые богатели, а бедные беднели. Тут и приоритет личного устройства в жизни, с каждым днём всё громче взывающей... к личному устройству.

Но главная причина заключалась в том, что масса умерилась. Масса повзрослела. Масса уже не производила романтизм. Никакой не производила: революционный, контрреволюционный. Установки конца восьмидесятых – начала девяностых годов прошлого века канули в Лету. Кремлёвские вожди тактично объяснили России, что она устала и ей нужно отдохнуть. А лучший отдых – это летаргический сон. Ну, а они будут стеречь её покой. Бдеть, значит.

Больше всех поимели от пресловутой «стабильности» и административного «террора» партии «правого» толка. Точнее: их «поимели» больше всех. И это – самое мягкое определение актов власти.

Но в случившемся – или не случившемся – им следовало винить самих себя. Свои, «нетрадиционные» для Руси, демократические пристрастия. Народ ещё не забыл, как «попользовались» им в девяносто втором и девяносто восьмом.

Да и нынешняя власть не давала ему забывать об этом,

и весьма умело. Поэтому сегодня он с удовлетворением наблюдал за тем, как «удовлетворяли» его прежних «удовлетворителей». Наблюдал, не становясь в очередь, но и не откликаясь на «крики о помощи».

В результате «системных» – и систематических – «надругательств» вчера ещё всесильные любимцы Запада вместе с «девственностью» утратили политическое мужество – и скатились. «На самое дно самого глубокого ущелья». Потому, что «оторвались от коллектива». Теперь, если о них и вспоминали, то лишь для того, чтобы показать отечественному «пиплу», «что такое хорошо, и что такое плохо». Нетрудно догадаться, какую роль им отводили в этом представлении. Все попытки их дискредитированных лидеров выбраться из политического небытия пресекались немедленной депортацией. Обратно в небытие. И уже не всегда – только политическое.

Партии и партийки, которые самой программой избрали себе участь маргиналов, оказались в положении изгоев общества. Даже при Первом их не подвергали такой «активной заботе», как это стало происходить с его «сменщиком». В итоге «маргиналов», как левого, так и правого толка, довольно скоро «попросили выйти вон». Разместиться на обочине, то есть. На обочине политической жизни. С ярлыками проблем не было. Одни были наречены «фашистами», «националистами», «ксенофобами», «антисемитами». Другие – «губителями России», «грабителями», «носителями чуждых

ценностей». Не выдержав «позора мелочных» – и совсем не мелочных – «обид», товарищи и господа партийцы оставили свет и полусвет – и ушли в подполье. Их «ушли».

В порядке «контрольного выстрела» все они были объявлены неправильными партиями. Не народными. Хотя бы потому, что все «кремляне» (или кремлёвцы?), все народные олигархи – плоть от плоти народа – состояли в других партиях. В правильных, значит. В партиях «патриотов», кричащих «ура». В «ура-патриотических», то есть.

В вопросах «партийного строительства» фантазия президентской Администрации не знала удержу. Партии возникали, как зайцы из шляпы фокусника. На это дело «кукольных дел мастера» не жалели ни кукол, ни материала, ни «административного ресурса». Разумеется, не жалели и денег: ни бюджетных, ни полученных в результате «добровольного» «пожертвования» ещё не ошипанных олигархов.

В результате пропрезидентская «суперпартия» ВЕПРЬ, что на общепринятый язык переводилась как Всеобщая Единая Партия России, стала единственной «направляющей и руководящей». Почти так, как это было во времена КПСС. С небольшим отличием: Всеобщая Единая Партия не являлась... партией. Хотя бы потому, что не обзавелась идеологией. Борьба за доступ к корыту – дело хорошее, нужное, но не слишком идейное.

Да и выбор идеологий, откровенно говоря, невелик. «В природе», по большому счёту, существуют только две

идеи: одна обосновывает власть бедных, другая – власть богатых. На них и базируются все идеологии. Политические «обёртки» – не в счёт.

В Кремле понимали это – и всё же пытались «надуть природу». Но, чем больше они «надували» «воздушных шариков» и «мыльных пузырей», тем больше убеждались в правоте старой истины: идеи не выдумаются – они рождаются. И рождаются не потому, что хочется. К тому должны быть предпосылки, как то: развитие общества, экономического базиса и политической надстройки.

И, несмотря на то, что народу в ВЕПрЕ было собрано больше миллиона человек, родиться партией этот «зверь» так и не смог. Фактор административного ресурса в качестве объединяющего начала хорош, но, уж слишком отдавал он «ресурсом». Какое, уж, тут: «Считайте меня коммунистом!» Как Егор Прокудин Василия Шукшина не мог «быть на этой земле никем – только вором», так и чиновник любого ранга не мог принадлежать никакой иной партии, кроме ВЕПРя. Здесь нет опечатки: ни «к партии», а именно «партии»! Чиновники являлись собственностью ВЕПРя. Её крепостными. По должности. За «талон к корыту».

Но так как партия – «народная», то членством в ней активно охватывались и другие слои общества. «Стальными кольцами» – чтобы не вырвались. Охватывались сразу массы: чего мелочиться? Так, студенты «совершенно добровольно» «записывались» во избежание несдачи экзамена – и да-

же исключения из вуза. Конечно же, «за систематическую неуспеваемость и пропуски занятий».

Бизнесмены средней руки учились у жизни – и её представителей – ещё быстрее. Кому же хочется быть объектом пристального, и главное, непрерывного внимания господ из контролирующих инстанций? Ну, а тому, кто не мог усвоить уроки сам, помогали. С уроками. И их усвоением. В итоге ряды «неуспевающих» стремительно редели.

Не представлял трудностей и охват рабочего класса. Здесь, как говорится, «сам Бог велел» – на пару с Марксом – записываться коллективами. Поголовно, то есть. В отделе кадров брали списки – и заводчане в один день становились не только тружениками одного коллектива, но и членами одной партии. Непонятливые – сиречь, принципиальные – потом долго стучали в запертые ворота некогда «родного дома». Со стороны улицы. По причине избытка трудовых ресурсов государство не могло гарантировать таким рабочим трудоустройства хотя бы дворником. То есть – чистая экономика: никакой политики.

В итоге ВЕПРЬ активно... имитировал власть. Почему так скромно? Потому, что реальная власть в России принадлежала... Нет, не Президенту. И даже не его всесильной Администрации. Реальная власть принадлежала чиновникам на местах. «Крепостным партии». Никакого парадокса: никто лучше них не усваивал народные мудрости. Например, такую: «До Бога – высоко, а до царя – далеко». По причи-

не этой «усвояемости» можно было орудовать в своих губерниях, как в улусах. Главное – не забывать о четырёх «не»: «не зарываться»; не лезть в политику; не забывать вовремя посылать «дань»; не экономить на славословиях в адрес Всенародноизбранного.

Но, как бы там ни было, ВЕПРЬ имитировал не абы, что, а власть. Всем же остальным партиям настоятельно «предлагалось» либо участвовать в хоровом исполнении «Славься!», либо исповедовать завет Александра Сергеича. Той самый: «во глубине сибирских руд храните гордое терпенье». В качестве «жеста доброй воли» – и даже «спонсорской помощи» – предлагался кляп. И не только для экономии нервов и сил, но и для «сбережения народа»!

Партия умеренных коммунистов – ПУК – «в свете беспросветности положения» не являлась исключением. Нет, она не была малочисленным «кружком любителей русской словесности». В рядах ПУКа всё ещё насчитывалось до трёхсот тысяч «романтиков (или „рабов“?) идеи».

По нынешним скудным временам – нехилый показатель. По численности партия занимала «почётное» второе место в России, оставив далеко позади «тоже партии», вроде «трудовиков» и МЗР – «Мы – за русских!» Главного Клоуна российской политики.

Партия также являлась и второй по численности думских мандатов. Правда, разрыв с ВЕПрем был откровенно неприличным: на триста пятьдесят мест ВЕПря – пятьдесят мест

ПУКа. Остальные пятьдесят власть пожертвовала «клонам» ВЕПРя, не слишком искусно маскирующимся под оппозицию.

Вследствие этого, влияние умеривших себя – и умеренных властью – коммунистов на политическую жизнь страны было ничтожным. Точнее: было бы – если бы политическая жизнь имела место. Хотя и её отсутствие не мешало этому влиянию не быть. По существу, ПУК «обслуживала» «имидж» режима, утверждая «пипл» во мнении. Во мнении о том, что, если даже коммунисты представлены в Думе, то обвинять власть в зажиме демократии как-то неприлично.

Не сегодня – и даже не вчера – ПУК оказалась в «кармане» Администрации. Незаметно для себя: вожди постарались. Их словесные «залпы» не только не пугали Кремль – напротив: даже приветствовались. Кремль был жизненно заинтересован в сохранении ТАКОЙ «оппозиции»: законопослушной, парламентской, исповедующей «эволюционные взгляды на пришествие во власть». Той, которая по поводу «отъёма» голосов на выборах протестует исключительно «плачем Ярославны». Той, которая «оппонирует» только в суде, где ей вручают бумажки о том, что объегорили её в соответствии с законом.

Поэтому Администрация никогда не обходила вниманием «последовательных оппозиционеров». «Третировала» она их нещадно: то – повышением оклада, то – квартирой в Москве, то – приватизацией служебного лимузина за гро-

ши, то устройством депутатских чад в престижные вузы. Словом, «преследовала», «оскорбляла» и «где-то даже» «совершала надругательство». Создавала «невыносимые условия» работы.

После таких «оскорблений» удержаться от критики антинародного режима было уже невозможно. И депутаты не «удерживались»: «крыли» власть «во всю ивановскую». В стенах «независимой» Думы. «Крыли», выпуская не только пар из себя, но и дух из партийцев, не удостоенных «надругательств» режима. За паром и духом выходили и «экстремистские призывы» к массе. Выходили из моды, из лексикона, и, как апофеоз – из оборота.

Да масса и не стремилась уже «работать массой». Все переключились на индивидуальные методы. В крайнем случае, групповые. К числу первых относилось «Я вам всем покажу!» при помощи револьвера, верёвочной петли и горюче-смазочных материалов. К числу вторых: объявление в телевизор о решительном переходе на сухую диету. И те, и другие методы оказывали исключительное воздействие. На исполнителей. А власть к «фильмам ужасов» уже как-то по привыкла. Она и не такое видела. Первого Всенародноизбранного, например...

...Председатель ЦК ПУК был хмур. Хмур даже больше, чем этого требовал имидж. Как «заслуженный критик режима», он ясно видел, что горизонт не становится ближе. Тот самый, на котором должна замаячить власть. Та самая, ради

которой он пожертвовал всем. В том числе – и идеями Маркса и Ленина. По этой причине не радовали даже показатели роста: не перевелись «богатые на Руси» – или дураки. Да, что, там, показатели роста: не радовали даже показатели личных доходов! А уж кому и было радовать, как не им! Потому, что было чему. И от чего. От бескомпромиссной борьбы с властью. Посредством решительных компромиссов.

Нет, Председателя совсем не огорчало то обстоятельство, что его партия, как выражались на политическом жаргоне, окончательно «структурировалась в режим». Потому что – в его понимании – только это и могло обеспечить ПУКу «место под солнцем» политической жизни: насмотрелся он уже на «подвалы». Хорошо ещё, что на примере других.

Конечно, *noblesse oblige* – и, как лидер «оппозиционной партии», он обязан был громить режим. И он «громил» его: на ток-шоу, на званых обедах в Кремле и в прочих местах скопления значительных масс трудящихся. Иногда даже позволял себе «рвать тельняшку» на трибуне в Госдуме. Потом ему в Администрации выдавали новую.

Но Председатель не был наивным романтиком. Ни «от жизни», ни «от революции». И, «клея», он никогда не переходил на лица. Разве, что на «мурло капитализма». Потому, что «капитализм» не мог отвести его в суд и лишить заслуженных «надругательств» режима. О социалистической революции он давно уже говорил исключительно в контексте её неизбежности. Той, что сродни смене ночи

днём. А так как последнее не нуждается в посредничестве человека, то Председатель уже не призывал к торопливости: сама придёт. В свой час. Когда появятся – опять же сами! – предпосылки. А пока их нет, пока только «призрак бродит по Европе», надо беречь партию. Для будущих решительных боёв. В стенах Думы...

– Как идёт подготовка к выборам?

Задавая вопрос, Председатель не глядел на Зама: тот мог выдать бестактность даже глазами. Зам был немолод, но, на взгляд Председателя, ещё политически незрел. Он ещё не проникся идеями «эволюционной революции», которые их автор так старательно внедрял в мозги соратников... в Кремле.

Избирательность – по части глаз – подвела всё же Председателя. Надо было озаботиться и ушами: Зам не изменил ни себе, ни репертуару.

– Нормально, – ухмыльнулся он. – Бежим по кругу... Как лошади в цирке... Под щёлканье кнута дрессировщика...

Только что бледный, Председатель отработал иллюстрацией к песне «Окрасился месяц багрянцем». «Вот и образовывай таких! Сколько их не корми эволюцией, а они всё в революцию смотрят!». Но «лезть в бутылку» Председатель не стал: можно ведь и «не вылезти». Без продолжения. И оно последует тут же: в этом он нисколько не сомневался. И, что самое неприятное: Зам обращаться за словом в карман не станет. По этой причине рассчитывать на куртуазность

не приходилось.

– Думаешь, приращения не будет?

Зам pokrивил губами и неопределённо двинул плечом.

– Ну, ты же знаешь: и роли, и места уже распределены.

И на эту бестактность Председатель отреагировал «политически выдержанным» молчанием. Хотя Зама – этого «Калисфена от ПУКа» такое обстоятельство, похоже, ничуть не смутило.

– Мы сохраняем «статус кво»... Точнее, нам его сохраняют... Ах, да: один приятный момент всё же имеется. «Там»...

Он пометил взглядом потолок.

– ... решено «кончать» Главного Клоуна. И на это раз – не «в него», а «его».

Председатель моментально оживился. Да и как было не оживиться, если идейные разногласия с упомянутым персонажем касались самого святого: кремлёвской пайки Председателя. Клоун откровенно «разевал роток на чужой вершок». А это уже – не какая-то, там, абстракция «о путях России»: это – реальная политика.

– Да-да: там решили, что на довольствии в Кремле состоит избыточно много оппозиционеров. Постановили: ряды оптимизировать. Ну, и Клоуна определили в дармоеды. Посчитали, что своими выходками он только расшатывает «вертикаль». Он, конечно, валялся в ногах, плакал, кричал, что его «оппозиционная» МЗР – чуть ли не единственная опора вла-

сти. Не помогло: с довольствия его сняли – и скоро его «партийцы» разбегутся по более состоятельным работодателям.

Лицо Председателя осветила мстительная улыбка: за пайку можно было не опасаться. Но ведь не пайкой единой жив человек. И Председатель вновь озаботился челом.

– А что – молодёжь?

Он осторожно покосился на Зама – и замер в ожидании неприятности. Другого, увы, вопрос не сулил.

Зам выразительно отработал щеками – так, словно они были гуттаперчевыми.

– Да, чёрт их... Раньше, когда они норовили пристроить нас к пулемётам и обличали сожителем с властью, всё было ясно: молодёжь – она и есть молодёжь. Жизни ещё не знают. Я особенно и не дёргался...

– А теперь?

– Молчат... Затихли... Я бы даже сказал: законспирировались...

Он ухмыльнулся. Складывалось впечатление, что плохие вести воодушевляют его больше, чем хорошие.

– Выразительное молчание... Вроде затишья перед бурей...

– Думаешь, готовятся дать нам бой?

Председатель бесстрашно пошёл взглядом на Зама. Пошёл, не боясь «лобового столкновения». Да и то: ни один вопрос не занимал его сегодня так, как этот. По одной только причине: если с Кремлём он разговаривал на одном языке –

и его понимали – то со своими...

– Чёрт его знает...

Нет, Зам не уходил от ответа. Не тот это был человек. Будучи в чём-то уверенным до конца, он глушил этой уверенностью всех без разбора. Не пожалел бы и Председателя. Более того: это доставило бы ему эстетическое наслаждение. Ведь, в отличие от Председателя – ревизиониста... пардон: эволюциониста законченного, он ещё только формировался. В качестве такового. Наличие остаточного скепсиса в нём спонсировала большая разница с Председателем в милостях Кремля. Очень большая. Это, можно сказать, было «идейной подкладкой» его оппозиции.

– Мы и они... Кто бы мог подумать...

Он продолжал иронически хмыкать, раз за разом «добивая» и без того «подраненного» босса.

– Знаешь, я не хочу предаваться иллюзиям...

– ???

Председатель был прав: в чём, в чём – а в склонности к иллюзиям его прагматичный Зам не был замечен ещё ни разу.

– Думаю, что раскола не избежать...

То, что не было иллюзией, не стало и откровением: об этом писали уже не только в газетах, но и на стенах думских туалетов.

– А, с другой стороны, у нас – неплохие отношения с Администрацией...

– Политика – искусство возможного.

Председатель не выдержал «надругательств» – и немедленно «оседлал любимого конька». Любимого не только им, но и всеми остальными казёнными оппозиционерами. Оппозиционерами от казны, то есть.

– Да, сегодня мы не можем открыто выступить против режима. Нет у нас такой силы. Нет...

– Не силы у нас нет...

И в намёках Зам оставался бестактным. На этот раз Председатель решил «взвиться».

– Нет, у нас нет именно возможности! Да, мы вынуждены сегодня быть в конституционной оппозиции режиму!

Он покраснел от злости и натуги. От злости на себя: что толку злиться на Заму? Убеждать приходилось опять же себя. Себя, уже, казалось, давно убеждённого Кремлём и жизнью!

– Но в оппозиции непримиримой! И наши избиратели это видят и ценят!

Верный себе – и своей бестактности – Зам не выказал пингетета и на этот раз.

– Угу. Только непримиримость эта относится лишь к двум моментам: неполнота и несвоевременность выдачи довольствия. С этими кознями режима мы действительно ведём принципиальную борьбу.

Он неожиданно отклеил взгляд от окна и «поймал в прицел» «убегающего» Председателя.

– «Оппозиция»... С талоном на очередь к «корыту»...

Председатель уже распахнул рот для аргументированной отповеди, но передумал. По причине «отсутствия наличия». Аргументов. Достоинство отповеди не получалось, рот был раскрыт – и пришлось использовать наличный ресурс. Тот самый: «сам дурак».

– Ты говоришь, как их агент...

«Не снимая с лица» усмешки, Зам неспешно «перезарядил оружие – и произвёл контрольный выстрел»:

– Увы, приятель: мне – как и тебе – сегодняшняя жизнь, мягко говоря, не в тягость...

Сражённый «пулей», Председатель «упал». Упал в мягкое кожаное кресло, жалобно заскрипевшее под тяжестью его рыхлого тела. «Выстрел» был за ним.

– Мы – легальная оппозиция.

Мимо: Зам даже не шелохнулся. Всего-то и добился Председатель, что поставил точку. В обмене мнениями. Пусть не по праву первенства в споре. Пусть всего лишь по месту в ведомости на получение довольствия. Той, что в Администрации.

– И бороться за власть мы будем исключительно легальными способами: лимит на революции исчерпан...

На Зама Председатель не смотрел: боялся разочароваться. В собственных словах...

Глава четвёртая

В приоткрывшуюся дверь просунулась голова Главы.

– Можно?

Главный Администратор просочился в кабинет настолько виртуозно, что ни на миллиметр не расширил «зазора» между дверью и коробкой.

– Садись.

Президент вяло махнул рукой на кресло.

Глава – моложавый, не старше сорока лет, ярко выраженный семит, с пухлым мальчишеским лицом и по-детски непосредственным взглядом, осторожно присел на самый краешек. Столь неподобающая для чиновника его ранга наружность никого не вводила в заблуждение: Глава был умён, коварен и беспринципен. Забывать об этом, глядя в его глаза, излучающие «любовь ко всему человечеству», категорически не рекомендовалось.

– Ну, чем обрадуешь?

Моментально «отсканировав» Президента, Глава растянул губы в улыбке.

– Как всегда господин Президент: «дела идут и жизнь легка!»!

Он выразительно похлопал по кожаной папке.

– Хм...

– Ну, зачем Вы так, господин Президент? – старательно,

во весь рот, оскорбился Главный Администратор. – Разве я посмел бы обманывать? И кого? Вас – благодетеля и почти что отца?!

Президент хмыкнул ещё раз, уже вполне добродушно. Его, специализировавшегося на получении тонкой лести, иногда тянуло на что-нибудь простое, грубое, «в лоб». Без виньеток, словом. А лучшего мастера на такие дела, чем этот чёрт с лицом херувима, и в природе не существовало.

– Скажи мне... только откровенно....

Глава моментально обратился в слух. По части исполнения и этого «номера» он также не имел конкурентов. У одних получалось раболепно, у других – театрально, у третьих – топорно. И только он мог «обратиться» и раболепно – и с достоинством, и достоверно – и напоказ, и грубовато – и изящно. Всё потому, что не только солдатами не рождаются: и царедворцами – тоже. Ими становятся. А тот, кто не родился, не мог и стать.

Вторично «удовлетворённый», Президент забарабанил пальцами по столу. На лице его – лицо хоть и никудышного, но профессионального разведчика – отнюдь не отобразилась «вся гамма чувств и эмоций», которые «по сюжету» должны были переполнять его. Напротив, оно, лицо, оставалось непроницаемым. В силу годами выработанного умения быть «безликим». Хотя, вряд ли только умения: безликость – дар Божий. Или Божье наказание. И то, и другое дающееся от рождения.

– ... как там наша оппозиция?

– А что «оппозиция»? – улыбнулся Глава. – Как Вы правильно заметили, господин Президент, она – наша. С потрохами. Работает по плану. Держится в рамках – в строго очерченных. «Оппонирует» «по роли» – в строго отведённом для этого месте. В Думе, то есть. Мы, со своей стороны, тоже не уклоняемся... от борьбы. Недавно, вот, всю «непримиримую оппозицию» рублём наказали. Увеличили гонорары, то есть. Так, что... А что?

– «Что»?

Убаюканный «благовествованием», Президент встрепенулся – и потянулся к кнопке звонка.

– А, вот, мы сейчас узнаем, «что»...

На пороге бесшумно выросла фигура помощника.

– Там должен сидеть директор ФСБ...

– Так точно, господин Президент: должен и сидит.

– Введите.

Помощник дематериализовался – и спустя мгновение уже отступал в сторону, пропуская шефа контрразведчиков. Войдя в кабинет, тот лаконично кивнул головой Президенту и молча проследовал к столу. Заняв кресло напротив Главы Администрации, он квалифицированно не заметил визави. Глава же, напротив, улыбнулся генералу, как другу – улыбкой крокодила, изготовившегося к randevу со звеном пищевой цепочки: отношения членов одной команды были «исключительно приятельскими».

Взглянув на генерала – в стол – Президент недовольно поморщился: до сих пор он не мог «тыкнуть» этому человеку. Перейти на «ты», проще говоря. Причиной тому был не только характер контрразведчика, не допускавший дружественного – пусть и одностороннего – «тыканья» начальства. Президента удерживало и знание некоторых фактов биографии Директора ФСБ. К моменту развала Союза последний – уже генерал – предательски не изменил «конторе». Даже тогда, когда всё «вопяло» об этом. Когда все порядочные люди – вроде будущего Президента – давно уже сделали «правильный выбор». Президента, дослужившегося всего лишь до майора и «избравшего политическую карьеру» при первой же возможности, такое сопоставление не могло не уязвлять.

И ещё: директор ФСБ был известен своей исключительной порядочностью, не только немодной, но и откровенно непорядочной по нынешним временам. Оскорбляя товарищей, он не брал взяток, не строил себе роскошных дач, не покупал «роллс-ройсов» по миллиону долларов за штуку. И, вообще: вёл себя как последний... Христос. Поэтому его нельзя было держать «на коротком поводке» намёками на «рыло в пуху» и стандартными угрозами разоблачения как «оборотня в погонах».

Но самую большую сложность в общении с директором ФСБ представляло то, что он взял за моду служить не отдельному «благодетелю», а «какой-то» стране. Как минимум –

своей «конторе». Её интересам, каковы он демонстративно не отделял от интересов этой страны. И всё – ради того, чтобы лишний раз «уколоть» товарищей. Тех, кто «...мы трудную службу сегодня несём...» – и по этой причине имеющих право на «небольшую компенсацию».

И всё же Президент держал на посту Директора ФСБ человека с такими «сомнительными данными». Никакого противоречия и никакой загадки: Президент однажды уже попробовал в этом кресле «надёжного человека». Но тот настолько быстро «довёл» «контору», что пришлось спасти карательный орган от этого неосознанного карателя. Президент тогда понял: есть участки, где выгоднее держать не «своего», а служаку. Не преданного, а умного. «Таковы суровые законы жизни, вернее, жизнь диктует нам свои суровые законы» – по меткому выражению Остапа Бендера.

– Скажите, генерал: как, там, наша оппозиция?

Судя по тому, что генерал даже не притронулся к папке, вопрос Президента не застал его врасплох.

– Как Вы верно заметили, Господин Президент, оппозиция – наша.

Президент и Глава Администрации обменялись многозначительными улыбками: пока – «в цвет».

– «Правая» оппозиция всё ещё объединяется и будет делать это «до морковкина заговенья». Хотя, даже если бы она и смогла это сделать, то единственным «плюсом» этого объединения для них стало бы устранение пустот в зале, где они

проводят свои съезды. У них нет ни идей, ни денег. Точнее, идей и не было, а денег не стало. Конечно, мы не оставляем их без внимания. Тем паче, что оно им льстит. Ведь наше внимание – это последнее, что у них осталось.

– А «левые»?

– «Левые» – это другое дело. У них есть и идея, и опора в массах.

– Но нет денег?

Увидев, как вспорхнули брови Президента, Глава Администрации немедленно пришёл на помощь боссу. «С успокоительным».

– Нет, – согласился генерал под облегчённый выдох Президента. – Но у них есть кадры. И не все они охвачены Администрацией.

Покраснев, Глава взглядом пообещал Генералу «при случае не забыть его». «Припомнить», значит.

– Если я Вас правильно понял, коммунисты сегодня представляют для нас серьёзную опасность, пусть и всего лишь потенциальную?

Под вопросительный знак Президент хотел негодуяюще повести бровью, но вместо этого неожиданно – и очень квалифицированно – дрогнул голосом.

– Нет, господин Президент, – бестактно не изменился ни в лице, ни в голосе генерал. – То есть, то, что Вы сказали о потенциале угрозы – это правда. Но именно этой партией он не будет реализован никогда.

– «Никогда»?

Президент смотрел на генерала уже чуть более доброжелательно: сказалось благотворное влияние «бальзама», даже если Директор ФСБ не имел и мыслей проливаться им.

– Так точно, господин Президент: никогда. Потому, что у вождей этой партии отсутствует та самая политическая воля, которая только и движет массами в истории. Вспомните хотя бы, как Ваш Предтеча упразднял Верховный Совет? Вот у него была политическая воля, несмотря на то, что его действия должны оцениваться не историей, а Уголовным кодексом.

Удовольствия на лице Президента – как не бывало: директор ФСБ «надерзили дважды»: и упоминанием о предшественнике, и контекстом.

– Так, что ПУК – правильная оппозиция. Свою задачу её лидеры понимают так, как им её объяснили в Кремле. С этой стороны вы тоже можете не опасаться сюрпризов.

«Опять «вы»!

Президент уже с трудом сдерживал раздражение.

«А ты, „чьих будешь“?! Ох, доиграешься, парень: отдам тебя на съедение. Сначала – телевизору, потом – Генеральной прокуратуре!»

– А с какой стороны нужно их ожидать?

Директор ФСБ пожал плечами.

– Нужно подумать.

– То есть?!

Президент и Глава Администрации обменялись возмущёнными взглядами. И то: думать в кабинете Президента! Здесь, куда приходят на доклад, а не на посиделки! Это же надо: дойти до такого нахальства!

На месте генерала любой чиновник давно бы уже «портил» штаны. Но тот видел и не такое. Да и Президента он видел разного. Не того «отца народа», которого дают «пиблу». Со «своими» Президент частенько был самим собой, а не «блюдом для телевизора». В комплекте с матерками и угрозами «оставить без сладкого». Поэтому-то Директор ФСБ и не дезинтегрировался от страха.

– Сожалею, но дело обстоит именно так, как я Вам доложил, господин Президент. Надлежащий ответ я смогу дать лишь тогда, когда проанализирую итоги сегодняшнего пленума ЦК.

– А какого чёрта там анализировать, – «дал сердца» Президент, – если и так всё ясно: в партии случился раскол?!

– Да, в самом деле!

Глава немедленно поддержал босса возмущённым текстом и взглядом. Но Директор в очередной раз проявил вопиющую бестактность: невозмутимо игнорировал возмущение вместе с его автором. По причине «неубиения» генерала пришлось «стрелять» дальше.

– Часть коммунистов самого трудоспособного возраста открыто заявила о своём несогласии с политикой руководства – и даже о готовности выйти из рядов ПУК! В кулуарах

рах некоторые из них заявили о своём намерении не только признать власть народной, но и пойти на сотрудничество с ней! Вплоть до вступления в ряды «партии власти»! Что тут неясного?!

Взглядом поблагодарив Главу за поддержку, Президент «стрельнул» в контрразведчика и от себя.

– Что Вы скажете на это, генерал?

– Только то, что такой факт действительно имел место.

– Вас что-то смущает?

– А Вас ничего уже не смущает?

Один такой ответ тянул на полновесную отставку.

С трудоустройством в архиве. Но Президент решил ещё немножко «понести крест».

– То есть?

– Молодёжь, упрекающая «старперов» в сотрудничестве с Кремлём, сама готова предложить свои услуги?!

Выдавая переполненную сарказмом фразу, генерал даже не ухмыльнулся. Какой-то бесчувственный генерал! Но отсутствие генеральского сарказма Глава немедленно компенсировал своим – уже по адресу генерала.

– А Вы не подумали, за что молодёжь упрекает «старперов»?! Не за то ли, что те непоследовательны в своих отношениях с Кремлём? Не за то ли, что вместо открытого союза они занимаются недостойным политиканством? Наконец, не за то ли, что они не пускают их к корыту?!.. Ну, конечно, слова – другие, но смысл – этот самый!

Как ни старался Президент, а Директор выбрался из-под словесных завалов целым и невредимым.

– Мне поручено разобраться с этим делом, и пока я с ним не разберусь, я не готов делать выводы.

Нет, всё же повезло Директору, что по заведённой привычке Второй Всенародноизбранный испепелял взглядом столешницу. А вот ей точно не повезло.

– И сколько времени Вы будете разбираться?

– ...

– А если углубить?

Президент мужественно держался на последнем пределе.

– Ровно столько, чтобы разобраться в сомнениях: либо подтвердить их, либо рассеять.

Президент опять «пощадил» генерала: ушёл взглядом в столешницу.

– Хорошо. Я не ограничиваю Вас сроками, и буду терпеливо ждать результатов. Смею только надеяться, что они у Вас появятся ещё до того момента, как это кресло займёт другой работодатель.

Он вывел на лицо слабую усмешку. Глава усмехнулся иначе, не скрывая готовности по первому же приказу начальства больше не таить «земляные работы» под «неправильного» чекиста. – Я могу быть свободен?

Президент молча кивнул головой. В столешницу.

Директор ФСБ щёлкнул кнопкой, закрывая папку, и медленно, с достоинством покинул кабинет.

– У-м-м-м!

В одном выдохе-мычании Глава объединил все известные ему матерные выражения. Покосившись одним глазом на «свою тень», Президент консолидировался с ней молча...

Глава пятая

Вожак тех самых раскольников, о которых говорил Директор ФСБ, стремительным шагом вошёл в кабинет. Руководитель его личной «контрразведки» и один из руководителей службы безопасности ПУКа вошёл следом и плотно закрыл за собой дверь.

Вожак был молодым ещё человеком, явно моложе сорока. При первом же взгляде на него сразу чувствовалось, что это – человек действия. К «серьёзной» конституции прилагалась внушительная харизма. Не в пример главе ПУКа: пожилому, располневшему, «колхозно» выглядящему мужичку. У Вожака была крупная голова с хорошо развитыми лобными долями, крупный прямой нос, узкие, всегда плотно сжатые губы, резко очерченные скулы, и упрямо выступающая вперёд мощная нижняя челюсть. Портрет довершали умные, часто прищуренные серо-голубые глаза, густые, коротко остриженные волосы и отсутствие растительности на лице.

Спутник Вожака считался его самым близким другом и сотрудником. Это был профессионал. И, не абы, какой: «высшей пробы». То есть, место своё он получил не по знакомству. Этот человек в своё время не один год прослужил «в органах» и участвовал во многих «деликатных» операциях «родных» спецслужб.

Недавно ему стукнуло тридцать пять. Двумя годами рань-

ше, дослужившись до полковника, он уволился «из органов». «Помог» «дар» одного из северокавказских «товарищей», полученный при «уговаривании» оного. Несмотря на поток заманчивых предложений от коммерческих структур, отставной полковник «записался» в ПУК. Точнее, «предложил» самому молодому члену руководства, «разработку» которого по поручению начальства он в своё время активно проводил. Правда, о том, что «объект» оказался, чуть ли не другом детства «разработчика», руководство ФСБ узнало только постфактум. Эта агентурная информация оказалась единственной. Никаких сведений об «объекте» работодатель от полковника так и не получил. А было, что. Именно это «что» и стало причиной его решения «податься в коммунисты».

– Садись, Полковник.

Для «своих» они были Вожак и Полковник. А потом и для чужих стали.

– Ну?

Полковник извлёк из кармана портативное записывающее устройство...

...Аппарат уже вернулся в карман, а Вожак всё ещё разглядывал пейзаж за окном. Молча. Информация «располагала к лирике».

– Значит, флотские товарищи организовали нечто вроде «Северной Звезды»?

Полковник усмехнулся.

– На тихоокеанский манер.

Усмешка не задержалась на его лице. И не только по причине лаконичности фразы: Полковник был от природы скуп на эмоции, а потом и служба «помогла».

– Но, как ты сам слышал, речь идёт не только о флоте, но и о трёх военных округах. Так, что, есть, где развернуться.

Вожак квалифицированно отбарабанил пальцами «По улицам ходила большая крокодила». Для верности даже снабдил дробь мелодией.

– Ты уверен в том, что информация не пошла дальше «носителя»?

– Уверен, – даже не улыбнулся Полковник. – Мы организовали его «взятие ФСБ» – и он немедленно принялся убеждать «коллег» в том, что это – ошибка. Что он уже всё рассказал «товарищу из органов», которого «прислали к нему на связь». Он даже сказал, что всё равно бы «подстраховался личным контактом», но чуть позже: хотел «поглубже внедриться». «Чтобы принести больше пользы Родине».

– И? – вопросительно пороботал бровями Вожак.

– Информация не пошла дальше. И уже не пойдёт. Вместе с её «носителем».

В отличие от Полковника, Вожак не скупился на эмоции, почему и не удержал лицо «в портретных рамках».

– Ладно, этот вопрос мы отработали. Теперь главное: съезд – через три дня.

Он не констатировал: он вопрошал.

– Съезд готов.

Полковник остался верен лаконизму.

– В одном смысле: уже. В другом – будет.

– То есть, готов и «готов»? – на всякий случай уточнил

Вожак.

– Так точно.

– Тогда – с Богом. В смысле – к чёрту...

...Очередной съезд Партии умеренных коммунистов России катился по накатанной колее. Все выступающие без устали клеймили «позором и разными нехорошими словами» антинародный режим, призывали «сплачиваться и активизироваться» – «для завоевания власти мирным, парламентским путём».

Вожак пожалел, что не захватил с собой солнцезащитные очки: в глазах уже рябило от седины и сверкающих лысин.

«Ну, надо же! Прямо, не кремлёвские столовники, а «солдатушки, браво, ребятушки!» Не речи – трубы Иерихона! И «пипл хавает!»

Он поискал взглядом Оратора. Так среди «своих» называли одну бывшую «звезду» телевидения. Тот пришёл к ним недавно. Даже не пришёл: скатился. С горы – под гору. Некогда он сделал себе имя на «заказном» разоблачении «тёмных делишек» конкурента будущего Второго Всенародноизбранного. По выполнении «задания Центра» – в «благодарность», не иначе – он был списан с корабля. Даже не за ненужностью: из предосторожности. Уж очень он впечатлил своей

квалификацией «заказчика». Вот именно ему Инициативная группа – так себя легализовали «раскольники» – и поручила озвучить свою позицию.

Оратор словно почувствовал затылком скользящий по головам взгляд Вожака, и обернулся. В ответ на немой вопрос Вожака Оратор улыбнулся. В переводе эта улыбка не нуждалась...

В перерыве к Вожаку подошёл сам Председатель. Один, без свиты.

– Надо поговорить.

По причине тучности, возраста и забвения физзарядки он задыхался уже от ходьбы по залу. Лицо его, «украшенное» склеротическим изменением сосудов, было красным и блестящим от пота. Так же, как и его лысина. Несмотря на тревогу, тщетно маскируемую псевдоорлиным взглядом, голос его был строг и даже сердит.

Вожак молча кивнул головой в знак согласия и последовал за Председателем. Они вошли в просторную комнату, временно оборудованную под штаб-квартиру главы партии.

– Ты, что, хочешь всё погубить?

Не дойдя и до кресла, Председатель сходу приступил к иллюстрированию плаката «Береги минутку!»

– Погубить всё, за что мы боролись?! Всё, ради чего мы вынуждены были отказаться от простых радостей жизни? Ты хочешь погубить партию, которая тебя воспитала?

Вожак не стал пока развивать неосторожно затронутую

Председателем тему «отказа от простых радостей жизни». Это всегда успеется. Пока же следовало всего лишь поставить босса на место. Загнать в угол, то есть.

– Вы полагаете, что это – удачное начало для серьёзного разговора?

Председатель мгновенно осознал «масштаб прокола». Некоторое время он старательно работал анфас: переждал «опомидоривание» физиономии. Но краска оказалась стойкой – и пришлось работать с наличным лицом. Он «включил» глаза – даром, что водянистые и полинявшие – и «метнул первую молнию».

– Хорошо. Давай говорить серьёзно. Готовитесь дать нам бой?

Правильно: если и ходить конём, так только по голове. Но Вожак не зря занимался боксом: ушёл от удара. И ладно бы, только ушёл.

– Нет, – парировал он с бестактной усмешкой, не снисходя ни к возрасту, ни к служебному положению шефа. – Мы не воюем с женщинами, детьми и... стариками.

Пурпур на лице Председателя заиграл всеми оттенками.

– Эти «старики», как ты выражаешься, жизнью своей обеспечили тебе и таким, как ты, возможность хотя бы говорить подобные слова! Уже за одно только это их можно уважать!

Если Вожак и думал «зарезать ффраерка небожно», то теперь передумал.

– Уважать?! Вас?! А за что? Только не делайте круглых глаз, а не то пойдём по вехам!

Председатель уже понял, что допустил ошибку, пожертвовав инициативой за качество. По вехам идти ему не хотелось: уж больше приметными они были. И все – из числа тех, для забвения которых он ничего бы не пожалел. Даже... половины денежного содержания от Администрации. Разового.

А Вожак уже приступил к «добиванию». Перегнувшись через шахматный столик, он фамильярно похлопал босса по плечу. Всё это сопровождалось качественно глумливой улыбкой и такого же содержания текстом.

– Дядя, седина и лысина – это ещё не основание для уважения политического деятеля. Уважение заслуживается не стажем и не утратой волос, а конкретными делами. И не на благо себя лично.

Вот теперь можно было и намекнуть на «отказ от радостей жизни». Председатель намёк понял, неконтролируемо вспыхнул, но углубляться благоразумно не стал. И правильно: а вдруг этот мальчишка возьмёт, да и вытащит из рукава... нет, не кролика – это бы ещё ладно: одну из платёжных ведомостей «от Администрации». А ведь он на всё способен! И будет тогда уподоблен Председатель ПУКа в лучшем случае попу Гапону!

Но, хотя бы по минимуму, соблюдая меры предосторожности, а возмутиться следовало. Не углубляться, тем более, в опасном направлении, а именно возмутиться. Потому что

лучшая защита – нападение. И не только в футболе. И Председатель возмутился. В тандеме со своими склеротическими изменениями.

– Я думал, что это у вас – по молодости лет, от недостатка опыта и избытка энергии, – достоверно задохнулся он. Не столько от злости, сколько от избытка веса. – А тут, оказывается – целая философия. Да-а-а... И что же вы намерены делать дальше? Разложить партию?! Добить её?!

Председатель был великолепен в своём благородном возмущении. Он даже пытался сверкать уже несверкающими, давно выцветшими глазами. Но, если кого-то эта «огнедышащсть» а-ля Конек-Горбунок и могла впечатлить, то только не Вожака. Да и, «оставаясь на позициях реализма», «огнедышащий» сам понимал несостоятельность своих упрёков. По части «разложить» и «добить». Спустя мгновение он уже жалел о своей «революционной» горячности.

– Разлагать давно разложившееся? – «обдал его укусом» Вожак.

И Председателю оставалось лишь благодарить его за сдержанность и лаконизм, и надеяться на то, что «продолжение не последует». Но... «надежды юношу питали».

– Да-да, господин Председатель!

Вожак начал делать один «контрольный выстрел» за другим.

– Вы ведь не станете отрицать кооперацию с Кремлём? «Кремль с ПУКом». ООО: Общество с отсутствующей от-

ветственностью!

«Доказательства!» – чуть было не сорвался Председатель. Точнее, сорвался, но только глазами. Опомнившись, он наверняка с радостью ощупал зубами укушенный язык.

«Пронесло!» – открытым текстом дало лицо Председателя. – «А ведь был на краю! Сам чуть не сиганул вниз! Одно слово – и не было бы уже борца за социалистическую... эволюцию! «Вы ведь не станете отрицать!»! «Отрицнёшь, тут – на свою голову! Этот Вожак – такой гад... такой неправильно правильный. Уж он-то не преминул бы подать меня как Азефа или Малиновского!»

– Поэтому, как Вы сами понимаете, нам с такой партией не по пути!

«Годится!» – капитулировал глазами Председатель. И был прав: в сравнении с тем, что ему грозило лично, эта жертва была такой малостью, что и говорить стыдно. Вслух. Но капитулировать тоже надо уметь. С гордо поднятой головой. По этой части у Председателя был немалый опыт.

– Народ вас не поддержит!

Прозвучало несколько в духе «сам дурак», но, вместе с тем, достаточно мужественно.

– А его услуги нам и не понадобятся!

Моментально отвисшая челюсть говорила о том, что к такому ответу Председатель был явно не готов. Но он бы не был Председателем, если бы челюсть тут же не вернулась на исходную позицию.

– Как: опять декабристы?!

Качественно изумившись, Председатель округлил глаза – и взбудрил голос насмешливыми интонациями.

– В двадцать первом веке?!

– Нет.

Вожак поддержал его улыбку своей, не менее ядовитой. «Ответно укушенный», партийный фюрер померк.

– Но в услугах этой «движущей силы революции» мы не нуждаемся... Как некогда сказал один товарищ, «мы пойдём другим путём»...

Даже не зная «маршрута», Председатель совсем загрустил.

– Как я уже сказал, драться с вами мы не собираемся. Ну, так: лягнём для приличия. Надо же «представить суду официальную причину развода» Но, обещаю: мы удержимся в рамках приличий.

Председатель немедленно вывесил на лице «Надежда – наш компас земной».

– Да-да.

Сорокалетний мужик покровительственно улыбнулся шестидесятипятилетнему.

– Мы не станем переходить на личности. Никаких упоминаний о личных счетах, недвижимости на юге... Европы, расписках в получении довольствия и прочих «несущественных» мелочах.

«Всё знает...»

Для того чтобы прочитать этот текст на лице Председателя, услуги переводчика не требовались.

– Мы всего лишь заклеим вас «позором и разными нехорошими словами». На тему «Разошлись пути-дорожки». Кстати, Вы также можете не стесняться в выражениях – и на ту же тему.

Председатель уже и не знал, что делать: то ли клеймить раскольника, то ли благодарить за чуткость. Так и не определившись с выбором, он в очередной раз «окрасился», и, не глядя на собеседника, дезертировал из собственного кабинета...

Глава шестая

– ... Мы просили Вас дать нам возможность поучаствовать в борьбе! Вы не дали! Теперь же мы хотим иметь возможность самим решать свою судьбу! И мы уже не просим Вас даровать нам её: сами возьмём! С романтикой покончено: считайте, что мы повзрослели!

Оратор громил «отцов партии» не менее убедительно, чем «заказанного» ему некогда претендента на Кремль. Что тут скажешь: талант – он и в «контрольных выстрелах» талант!

Председатель, пусть и намёками, но уже «ознакомленный» Вожаком с «позицией оппозиции», не хватался рукой ни за сердце, ни за лысину. С первых слов уяснив, куда уносит Оратора, он уже сосредоточился на мыслях. Сочинял отповедь, то есть. И не для вразумления раскольников: для «внутренних нужд». Нужно было немедленно подать себя «бронзовым». Тем, которые уже начали шумно негодовать, и не только с мест, но и из Президиума.

А Оратор, словно не замечая «дружественного приёма», продолжал энергично «блюсти договорённости». По части разоблачения «вредительской линии большинства».

– Дайте жизни, господа старички! Мы не просим Вам «дать порулить»: рулите, куда хотите! Но только без нас! Разошлись пути-дорожки! Мы хотим немногого: достойно жить! Разве достойно жить – недостойно человека? Особен-

но – мыслящего?! Уважаемый Председатель был прав: довольно революций! Даёшь эволюцию! Вот мы и эволюционируем! Тем паче, что власть предоставляет для этого все возможности. А критика власти – это не обязательно борьба с ней!

Как ни был занят Председатель своими мыслями, а услышал. А, услышав, вынужден был слегка позеленеть и схватиться за сердце: ишь, как вывернул, подлец! «Эволюционируют» они! Нашим же салом – да нам по мусалам!

– И кто тут пытается учить нас жизни?! Кто?! Как говорится, «врач, исцели себя!»

Председатель лишился окраса: а как же договорённости?! Оратор и в самом деле намеревался сейчас выдать в эфир кое-что о моральном облике «старших товарищей». Вполне безобидно: без цифр, документов – даже без фамилий. Так – лёгкий перечень «движимого и недвижимого имущества», состоящего на балансе отдельных «беззаветных революционеров эволюционного толка». То есть, никакого коварства. Всё в рамках негласных договорённостей. Но и этого вполне хватило бы для того, чтобы «закапать» «бронзовый монумент» Председателя. Голубиным «добром». А если запустить на орбиту «корову»? «Дойную корову» доброкачественного компромата? И не для того, чтобы подоить её?

Заприметив обесцвеченного Председателя, Оратор взглядом обратился за инструкциями к Вожаку. «Палец кверху» – и Оратор воздержался от «контрольного выстрела».

– Вы, дяденьки, как хотите, – заключил он под возмущённый рёв зала, – а мы намерены признать выбор народа. Мы намерены признать существующую власть народной и демократической. А вот, чего мы больше не намерены делать, так это плестись у вас в хвосте, и вставлять палки в колёса законной власти!

После этих слов «ортодоксами от эволюции» была предпринята попытка овладеть телом докладчика. И, если от чувств, то вряд ли лирических. Но Оратор был готов к «излияниям» – и атака была отбита по всем правилам демократической полемики. В основном, ногами. Отразив натиск, Оратор выкрикнул в микрофон:

– От имени и по поручению Инициативной группы имею заявить следующее...

И зазвенела тишина! И в зале, и в ушах делегатов. И совсем даже не серебряным колокольчиком. Ну, так, как ей и полагается делать в ответственные моменты.

– ... мы выходим из рядов ПУКа. Хватит: «насосостоялись»! И «пукать» тоже хватит! Мы заявляем, что признаём существующую власть – и никакую другую! Мы признаём законно избранного Президента! Мы признаём руководящую роль Всеобщей Единой Партии России! И мы готовы сотрудничать со всеми ними на благо России! Мы готовы вступить в ряды этой, действительно всенародной партии, если нам будет оказана такая честь! Всё: расплевались. Спасибо за внимание!

На этот раз на штурм Оратора пошли старички – и взяли его штурмом. По причине своей обманчивой ветхости и его ошибочной неготовности. Мощи оказались, пусть и не святыми, но достаточно крепкими. Основательно «потрудившись» над докладчиком, партийные деды вынесли его тело в двери, где и «предали» дворцовому мрамору. Партийное большинство громом аплодисментов и напутственных проклятий: первое – «своим», второе – Оратору – провожало «траурную процессию».

Когда тело Оратора исчезло в дверях, все старички грудью встали на защиту Председателя и его теории «революционной эволюции». Все рвались к трибуне, чтобы «осудить, заклеить и заверить». Сценарий Вожака претворялся в жизнь.

Председатель также «не подвёл» своего, бывшего теперь уже, товарища по партии. Его выступление было самым выразительным по части выражений, которыми он аттестовал ренегатов. Нет, он не переходил на лица, но в оценках случившегося себя не сдерживал. И хотя лексикон его составляли преимущественно цензурные слова, но совсем избежать ненормативной лексики не удалось даже и ему, обычно не опускающемуся до уровня пивной. В результате ренегаты «одним гамузом» были заклеены всего лишь «суками», «блядями», «ублюдками», «подонками», «педерастами» и «продажными тварями». В общем и целом – вполне пристойно и «где-то даже» безобидно.

Заклеймив, Председатель выразил уверенность в том, что партия ещё теснее сплотится вокруг своего руководителя, и на гнусное предательство жалкой кучки ревизионистов ответит ещё более активной защитой интересов трудящихся... в стенах Государственной Думы!

Уже предвкушая роскошный обед – постаралась Администрация – делегаты решительно и безоговорочно поддержали вождя...

Глава седьмая

...Вдохновлённый слухами о расколе в рядах ПУКа, Президент с нетерпением ждал их подтверждения. Конечно, ПУК – партия «правильных» коммунистов. Но всё равно: неправильно именовать партию коммунистической. Ну, «не поймут нас». Там, где нужно. Поэтому, умеренные-то они умеренные, но пора было уже умерить и умеренных. Окончательно умерить.

Вот почему он засиделся в своём «мини-дворце» допоздна, чем вызвал немалое удивление челяди. До сего времени хозяин Кремля ни разу ещё не был замечен в нарушении распорядка. В этом отношении он неукоснительно следовал указаниям незабвенного Никиты Сергеича. Тот однажды заметил, что работать надо в рабочее время, то есть, с девяти до восемнадцати. Потому оно и называется рабочим. А, если ты засиживаешься на работе после этого времени, то значит, весь день бездельничал. А Президент, по его собственному выражению, на службе пахал, как раб на галерах. С девяти до восемнадцати.

То и дело Президент бросал взгляд на часы: с минуты на минуту съезд должен был уже завершить свою работу. Поэтому он не рассердился на Главу Администрации, который ворвался к нему – иначе и не скажешь – ровно в полночь, чуть ли не с двенадцатым ударом.

– Ты, брат – чисто Сатана, – усмехнулся Президент. – Не зря тебя сравнивают с советником Президента из романа Проханова «Крейсерова соната».

«А тебя – с тем самым Президентом!» – не остался в долгу Глава. Но только молча. Хотя Президент понял: не дурак ведь. Но поскольку сам напросился, топтаться на собственной мозоли не стал.

– Ну?

Многозначительно улыбаясь, Глава щёлкнул кнопкой портфельчика из крокодиловой кожи – и на стол Президента легла папка того же материала. Отступая в сторону, Глава улыбался уже торжествующе. Во всю... лицо.

Президент начал читать. По мере того, как он углублялся в текст, брови его всё решительнее штурмовали лоб. Наконец, он оторвал взгляд от бумаг. Обычно серое лицо его даже порозовело.

– Это – победа! Так, сказать, добились зверя в его же логове!

– Вот именно!

Глава активно поддержал президентские восторги своими.

– Мальчишки превзошли все самые радужные надежды! Максимум, на что мы могли рассчитывать – это раскол и образование ещё какой-нибудь партийки левого толка! Но чтобы вот так расплесться?! Решение – явно не спонтанное, оно готовилось давно, втайне от стариков! Иначе откуда такой ивстречный энтузиазм?

– Что: действительно унесли Оратора?

– Как в кино! – просиял Глава. – С небольшой поправкой: такое и в кино не увидишь!

– Так качественно сыграли?

Улыбка моментально осыпалась с лица Главы.

– Вы хотите сказать...

– А Вы не хотите?

Кажется, Президент смог не поддаться эйфории. Или не смог поддаться. Но Глава не был бы Главой, если бы тотчас не увёл глаза в сторону и не занялся «калькуляцией». Вот за что, среди прочих достоинств, Президент ценил Главного Администратора: его нельзя было огорошить – его можно было только озадачить. И не в смысле: «поставить в тупик», а в смысле: «поставить задачу». Сейчас он как раз и занимался её решением. И судя по тому, какой рожей он снабдил своё лицо при подведении баланса, выпад Президента его не сразил.

– Значит, ты полностью исключаяешь вариант «отвлекающего манёвра»?

Предваряя ответ, Глава добавил скепсису. Не удовлетворившись этим, он ещё и плечами пожал.

– Зачем такие сложности, шеф? Зачем «нашей» партии какие-то, там, манёвры?

Насчёт партии возражений у Президента не было. И он удовлетворился бы вопросом-разъяснением... если бы не метаморфозы. Ну, вот, не любил он метаморфозы.

– Всё это – так, но... очень уж радикальная метаморфоза... Ты знаком с древней историей?

– Вариант «троянского коня»?

Глава немедленно представил доказательства не только знакомства, но и сообразительности.

– Анализ обстановки на съезде – а там были и наши люди, – «пополз» он в душу Президента, – говорит о том, что, если это и драма, то настоящая, из жизни. И потом: я не вижу смысла в работе с «конём». По Гомеру, воины «из коня» лишь «изолировали» охрану и открыли ворота, чтобы впустить своё войско. А какое войско у пуковцев? Горста старых пердунов, вполне довольных окладом и тем, что власть разрешила им поиграть в революционеров! Нет, думаю, что в данном случае мы имеем дело с последствиями реальной оценки сил. Как сказал один дяденька: «Если не можешь победить врага – стань ему другом!»

– Ну, не знаю, не знаю...

Президент нервно побарабанил пальцами по столу.

– Ты хочешь их использовать?

– Непременно!

– И как же?

Глава усмехнулся: чуть-чуть можно было.

– А я приглашу к себе «на чашечку чая» вождя раскольников – там и посмотрим!

Неулыбчивый Президент изо всех сил попытался улыбнуться: повод-то, какой!

– Действуй! О результатах докладывать немедленно!

Двери за растворившимся в них чиновником неслышно закрылись.

Наморщив лоб, Президент ещё долго смотрел невидящим взглядом куда-то мимо окружавшей его роскоши кабинета. Радостное возбуждение никак не одолевало в нём сомнений...

– Он пришёл.

Глава Администрации оторвался от бумаг, и прищурился красными от бессонницы глазами: в канцелярии «подручного Сатаны», как его аттестовали некогда коммунисты, ещё не случилось безработицы.

– Он пришёл.

Наклонившись к самому уху шефа, помощник «дал дубля» и многозначительно повёл бровями. Глава встал из-за стола, и лично распахнув двери, вышел в приёмную. Референт провожал шефа изумлёнными глазами. Было чему удивляться: никогда ещё всесильный Глава Администрации не выходил в приёмную встречать посетителей, кто бы они ни были – хоть сам премьер-министр!

– Прискорбно, очень прискорбно...

– ???

– ... что мы с Вами встречаемся только в первый раз! Но, надеюсь, не в последний!

Сияя, как только что сошедшее с конвейера изделие фабрики Гознака, Глава Администрации бережно подержался

за руку Вожака.

– Прошу Вас!

Не переставая испускать флюиды радости от лицемерия дорогого гостя, Глава раскошелится на широкий хозяйский жест.

– Чай? Кофе? Или, может быть... за знакомство, так сказать?

Вожак улыбнулся.

– Нет, благодарю Вас. Думаю, что мы и чаем хорошо познакомимся.

Пока Глава отдавал распоряжение прислуге, Вожак огляделся. Он не только впервые обменялся рукопожатием с «правой рукой» Президента, но и впервые был его гостем. Кабинет всесильного Администратора удивлял. И совсем даже не роскошью: таковой не значилось.

Удивление вызывал, прежде всего, какой-то старомодный аскетизм: он создавал действительно рабочую атмосферу. Это было несвойственно и даже чуждо демократии. Её носители чаще всего замещали блеск отсутствующего ума блеском присутствующего интерьера. А здесь не было ни одного предмета, который по части сияния мог бы конкурировать с мозгами хозяина. Не в пример апартаментам его патрона, здесь царила едва ли не спартанская обстановка. Каким-то образом здесь сохранилось почти в нетронутом виде убранство ещё сталинских времён. Как минимум, дубовый стол зелёного сукна и раритетная лампа такого же стекла в глазах

Вожака «добавляли очков» Администратору.

Глава Администрации заметил взгляд гостя и «комбинированно» усмехнулся: умно, иронически и самодовольно. «Три – в одном».

– Да-да: здесь нет ничего такого, что не соответствовало бы понятию «рабочее место». Только предметы функционального назначения!

Неожиданно перегнувшись через стол, он добавил вкрадчивым шёпотом:

– Ничто ведь не должно отвлекать интригана от его «грязного» занятия? Ведь именно так – как «грязного интригана» и чуть ли не «порождение Дьявола» – меня, уже который год, преподносит ваша печать?

– А Вы хотите откреститься от родства?

В широте улыбки гость не уступил хозяину. Тот не успел ответить: принесли чай и всё, что к нему полагается.

Сделав глоток, Глава Администрации отставил чашку в сторону.

– Мы с Вами – люди дела, поэтому я предлагаю перейти к сути вопроса сразу, без предисловий. Не чай ведь пить мы здесь собрались, в самом деле?!

После любезного «Чай? Кофе?» это впечатляло! Гость кивнул головой – и его чашка с недопитым чаем присоединилась к чашке визави.

– Так вот, дорогой Вожак... Ничего, что я Вами – по-партийному? Ведь ПУК – не чужая нам... Можно сказать, одно

дело делаем.

«Что за чёрт!» – восхитился про себя Вожак. И не только про себя: какая-то часть выплеснулась на лицо.

– Сделайте одолжение.

– Так, вот, поскольку мы – я имею в виду Президента и себя – в курсе событий, имевших место на съезде ПУКа, то я предлагаю не заикливаться на оценках, а идти дальше. То есть, сразу же заняться вопросами, производными от демарша Ваших сторонников.

Вожак спокойно выдержал милый иезуитский взгляд Главы Администрации. Наверно, таким взглядом инквизитор сопровождал вопрос о том, не является ли подсудимый исчадием ада.

– Согласен. Иначе нам и незачем было беспокоить друг друга. Чай можно попить и в более комфортабельной обстановке.

Теперь уже хозяин отметил восторгом в адрес гостя. Остаточным и молчаливым, а оттого неподдельным. «Обнародовав чувства», хозяин удовлетворённо откинулся на спинку кресла.

– Я рад тождеству наших взглядов. Хочу лишь предварить деловую часть коротеньким заявлением о том, что и Президент, и я лично с чувством «глубокого удовлетворения» – гы-гы! – встретили решение Инициативной группы, То самое: о готовности сотрудничать с «властью народа», гы-гы!

В отличие от Председателя ЦК и его «дедушек», мы

не расцениваем это решение как ренегатство. Мы подходим к этому, так сказать, диалектически. Нам претит лексикон политических банкротов. Наоборот, мы считаем, что это – Поступок! С большой буквы! И мы готовы принять Вашу помощь.

«Да, дураков здесь не держат, – в который раз уважил хозяина Вожак. – Кого угодно – только не дураков!»

– Да, мы готовы принять Вашу помощь. Любую. В чём бы она не заключалась.

Неожиданно Глава замялся.

– Но у меня есть одно предложение... Как раз – по части помощи... Правда, я не знаю, как Вы к нему отнесётесь... Но я бы хотел, чтобы Вы отнеслись к нему... как бы это сказать... с пониманием, что ли...

– ???

На этот «вопрос» гостя хозяин ответил не сразу. И вряд ли он собирался с духом. Хотя бы потому, что в момент «заготовки ответа» плутоватые глаза его без остановки блуждали по сторонам, не забывая «по пути» сканировать лицо гостя.

– Вы ведь не станете утверждать, что с Вами ушли все «штыки» партии?

Глава «заходил издалека», но оказался близко. К пониманию. Вожаком. Что тот и замедлил продемонстрировать.

– Не стану.

– И это правильно. Да, за Вами пошло много трезвомыслящих молодых людей. Но много и не пошло. И тоже моло-

дых и трезвомыслящих.

Отсюда – вопрос: смирятся они с фактом Вашего «ренегатства»? Не попытаются ли они активизироваться и убедить руководство в необходимости более жёстких форм борьбы, нежели хождение бабушек по квартирам да «каждодневное устройство революции» в стенах Думы?

Вожак не выдержал: хмыкнул.

– Удивлены моей откровенностью?

Главе не составило труда «расшифровать» усмешку гостя. Хотя тот и не слишком её «шифровал».

– А чего нам притворяться?! Мы ведь – свои люди... будем... Так вот: не считаете ли Вы, что ПУК начнёт готовить формирования – и совсем даже не старичков со знамёнами? Говоря о ПУКе, я, разумеется, имею в виду не Политсовет, а «молодёжь слева»? За Председателя и старичков мы спокойны...

Глядя прямо в глаза Вожаку, Глава квалифицированно отработал Мефистофелем. По части работы с душой клиента.

– Ну, что нам темнить: свои люди... почти... Так вот, отсюда мы ничего не ожидаем. А вот молодёжь?.. Вдруг они извлекут из нафталина старенький лозунг Председателя? Ну, тот: о готовности прибегнуть к «иным» способам борьбы с «антинародным режимом»? А? Как Вы думаете?

Препарируемый глазами хозяина, Вожак не стал вилять. Ни словом, ни взглядом.

– В ПУКе сейчас, как минимум – четыре страты: «ле-

вые», «правые», старички и «болото». Вас беспокоят «левые»? Правильно беспокоят. Среди них имеются и трезвые головы, и горячие. Этого уже достаточно для того, чтобы трезвые головы спланировали, а горячие осуществили отход от «генеральной линии».

Получив ответ, Глава немедленно принялся массировать гладко выбритый подбородок. Момент истины наступал – и он уже не считал нужным вывешивать на лице улыбку.

– И насколько это реально?

Ничуть не играя, Вожак пожал плечами.

– Ну, это, смотря, что иметь в виду. Если «дубликат Октября», то нет: кишка тонка. Да и массы... уже не хотят быть массами. Что поделаешь: тлетворное влияние демократии. А если говорить о подрыве «стабильности» и даже шансах вызвать «бессмысленный русский бунт», то вполне вероятно.

– Вот!

Глава Администрации многозначительно «оперпендикулярил» указательный палец.

– Именно это больше всего занимает меня сейчас! Чего сочинять угрозу, когда и наличных хватает! Вот именно над разрешением этой проблемы я и хотел предложить Вам поработать. Вместе.

Гость «проявил» искреннюю заинтересованность. Так, как проявляют фотоплётку. Результат понравился хозяину. Возможно, он был бы иным, но на расшифровку подногот-

ной у него не было времени. Да и качество «экспозиции» было высоким – не для «любительской» дешифровки.

– Поскольку мы встречаемся как соратники...

С надеждой на подтверждение Глава обратился к лицу гостя – и получил его. И лицо, и подтверждение.

– ... то я хочу предложить Вам организовать работу по... как бы это сказать помягче...

– Я Вас понял, – «смягчил» за Главу Вожак.

– И любыми способами! – поблагодарил за чуткость хозяин. – В том числе, и самыми радикальными.

«Вскапывая» реакцию Вожака, он буквально «с ногами» залез в его глаза. «Вскрышные работы» дали результат: Вожак слушал его с непритворным интересом. Действительно непритворным.

– Как Вы посмотрите на то, что я предложу Вам организовать... ну, что-то вроде отрядов противодействия...

– ??? – поинтересовался Вожак.

– ... коммунистической угрозе?

Дипломатия кончилась – вместе с аллегориями. Дышать стало «понятнее». По этой причине Вожаку не было необходимости изумляться: не так поймут. А, хуже того: не поймут. Вовсе. И поэтому он не изумился. Напротив: слегка «обнажил тельняшку». Для «последующей работы с ней на груди».

Похоже, Глава ожидал именно такой реакции, потому, что тут же принялся активно убеждать гостя в жизненной необходимости этой меры.

В продолжение всего периода «обработки» Вожак работал под адресата Александра Сергеича. Ну, того, которому предписывалось «во глубине сибирских руд» – по части «гордого терпенья».

Хозяин уже начал опасаться, что его визави сейчас откажется от такой «чести» и предложит свои услуги в менее радикальных сферах. И он примет их: у доброго хозяина в хозяйстве ничего не пропадёт. Но напрасно он волновался: «честь была уважена».

– Мы согласны. Давайте уточним детали.

– Вот! – просиял хозяин. – А ещё говорят, что коммунисты только болтать горазды! И так?

– И так, для того, чтобы не волновать оппонентов...

Гость вынужден был «сдать назад». В буквальном смысле: Глава настолько подался вперёд, что едва ли не парил над столом. От природной сдержанности, наверно.

– ... нам целесообразно замаскироваться. Под военно-спортивные клубы. А что: вполне невинно, патриотично и актуально, особенно в свете расширения НАТО на восток! И куда эффективней всяких «ваших»!

– Неплохо!

Хозяин «работал» уже «на половине» гостя.

– Я и сам задумывался о таком способе прикрытия. Согласен: объединения прокремлёвской молодёжи для серьёзных дел непригодны. Так что, наши мысли работают в одном направлении. Насчёт материально-технического обеспечения

можете не беспокоиться: им займётся один из отделов Администрации – под моим личным контролем.

С лицом Мефистофеля Глава откинулся на спинку кресла.

– Я распоряжусь, чтобы он выполнял все Ваши запросы по части «военно-патриотического воспитания молодёжи». Вооружать людей будем не бутафорскими пистолетами: у нас достаточно оружия, неподконтрольного ни Министерству обороны, ни Министерству внутренних дел, ни ФСБ. В случае необходимости позаимствуем недостающее количество стволов в этих «учреждениях». Да, что, там, позаимствуем: сами принесут! «На блюдечке с голубой каёмочкой!» И ещё долго будут вилять хвостом, чтобы мы приняли подношение!

«Нет, ну что за сволочь!» – в очередной раз восторгнулся гость. – Гений! Миллиарда бы не пожалел на то, чтобы заполучить этого мерзавца: окупится сторицей!»

– Теперь – о кадрах.

Хозяин кабинета перестал генерировать энтузиазм.

– Как я уже сказал, все наши попытки создать молодёжную боёвку успеха не имели. Да, мы загнали в ряды «России молодой» чёртову уйму народа. Но за это «спасибо» не идеологии, а административному ресурсу. «Идейность» у нас – платная. Вот, уж, когда позавидуешь коммунистам: и где они берут такой материал?! Тот, который посягает на основы демократии и поступает в точном соответствии с идиотской

установкой: «прежде думай о Родине – а потом о себе»?!

Он сокрушённо отработал головой, и продолжил:

– Конечно, мы можем выделить инструкторов «спецназа».

Но это не решение проблемы. Нужен костяк, а его-то, как раз, и нет!

По причине искреннего огорчения он вышел из роли – и принялся умолять взглядом гостя. Гость проявил понимание – и с ответом тянуть не стал.

– Ну, что ж: мы подберём людей и нашпигуем ими дружины. И насчёт обучающего персонала можете не волноваться: будет.

– Вот это «я понимаю»!..

И Глава приступил к немедленному «пониманию». Характерной мимикой и жестикуляцией.

– Вам, конечно, потребуются изрядные суммы денег. Можете не беспокоиться: для обеспечения Ваших нужд будет открыт спецсчёт в одном из московских банков. «Голодать в дороге не придётся»!

Лицо хозяина расплылось в довольной улыбке.

– Ну, вроде – всё? Ах, да!

Он вынул из чернильного прибора ручку и сделал пометку в ежедневнике. Это было удивительно, но Глава Администрации Президента по старинке пользовался бумагой и пером, не особенно доверяя «электронным помощникам», хотя их у него имелось превеликое множество.

– Властям на местах будет дано указание не вмешиваться

в Вашу деятельность... и вообще не проявлять любопытства. Что ещё?..

– Кое-что «на посошок»...

Вожак уже извлекал тело из кресла.

– Создание боевой организации «впрок» со временем может привести к нежелательным последствиям...

Глава перестал улыбаться.

– Я думал уже об этом. Действительно – проблема... У Вас есть конкретное предложение?

– Есть. Теоретические знания – по мере их накопления – надо будет использовать на практике. Для начала, например...

Гость мастерски выдержал паузу, во время которой хозяин даже перестал дышать. Это, правда, не помешало ему выматерить гостя «за надругательство над психикой». Про себя, конечно.

– ... против ОПГ.

Глава «перестал материться» и задумался: начать грызть ногти. Ногти недолго мучались: хозяин думал быстро.

– А что: интересное предложение! И дело сделаем, и капитал наживём! Ну, как же: власть не только декларирует, но и реально борется за то, чтобы граждане могли спокойно ходить по улицам! Хотя бы – за это: бюджет – не резиновый!

Если бы Глава не был... Главой, то он немедленно устыдился бы своих слов. Ведь «не резиновым» бюджет стал буквально на днях. После очередного распределения доходной

части. Между «нуждающимися». В миллиардах.

– Тогда, может, имеет смысл возродить ДНД – Добровольные народные дружины?

Вожак приступил к овладению Главой. Мыслью.

– Но не подчинять их МВД, а сделать самостоятельной структурой. Самодостаточной. Ну, и не бутафорской, конечно: с оружием, с полномочиями. Общий контроль – за Администрацией.

– Самодостаточной? – насторожился Глава. И имел на это полное право: самодостаточность правовых структур в условиях демократии – очень широкое понятие. Настолько широкое, что и не обхватишь. Рамками закона. Этому джину всегда нужна бутылка. И не ему вовнутрь, а его – вовнутрь! «На всякий пожарный случай».

– Ну, на первых порах – за счёт бюджета. А затем – за счёт «доходов от хозяйственной деятельности».

– Надеюсь, не доходов от работы с населением на ночных улицах? – успокоенный разъяснениями, хохотнул Глава Администрации. Кончив смеяться также внезапно, как и начал, он отработал ладонью по столу.

– Дельная мысль. Здравая. Сегодня же доложу Президенту. Думаю, что он поддержит нас.

С лукавой усмешкой на губах он в очередной раз попытался «нырнуть» Вожаку в душу.

– Признайтесь, что эти мысли – не экспромт, а домашняя заготовка?

Вожак шутиливо поднял руки вверх. Ведь хозяин ждал именно этого, а в работе с такими людьми доставляемое удовольствие не бывает вящим. Если, конечно, это – не заурядный перебор.

– Признаюсь: мы действительно планировали такую работу. Но вскоре поняли, что осуществить её самостоятельно нет возможности. Но если бы она и имелась, нас бы «не поняли».

– ???

– Обозвали бы «коммунофашистами». Старо, но «пиplt хаваает»! В результате благое дело превратилось бы в лес, который не видят за деревьями.

– Я очень рад, что мы понимаем друг друга.

Глава «открыто» улыбнулся Вожаку. Правда, любой, кто попытался бы «войти в открытые двери», немедленно расшиб бы лоб о железобетон. И улыбка, и её «открытость» были сродни холсту с нарисованным очагом в коморке папы Карло. Вожак не был «буратиной» – и не стал искушать судьбу. Вместо этого он тоже вывесил на лице улыбку. Таковую же «дружескую».

– Если деятели из региональных отделений ВЕПРя попытаются вставлять Вам палки в колёса, немедленно выходите на меня. Я Вам дам номер телефона, который, кроме нас с Вами, знает только Президент. Не считая моей жены, конечно. А в случае экстренной необходимости... решайте сами! Даю Вам карт-бланш! Вся эта публика с нами лишь

до тех пор, пока мы распределяем очередь к корыту! Слу-
чись что – и они начнут выстраиваться в очередь, чтобы
пнуть нас!

Он протянул руку Вожаку.

– Считайте, что Вы получили индульгенции на отпу-
щение всех грехов в прошлом, настоящем и будущем. Только
дайте дело!

– Дело будет. Можете не сомневаться.

Это прозвучало несколько двусмысленно. Но сегодня бы-
ло уже выдано столько двусмысленностей, что на эту хозяин
и не обратил внимания.

– Напоследок – просьба: начинайте не с Центра. Лучше
откуда-нибудь с окраин. Как инициатива с мест. И от телеви-
зора дальше. Ну, чтобы было меньше вони от всяких «блю-
стителей» и «радетелей». И чтобы столичные горлопаны по-
привыкли.

Последние слова были сказаны уже в приёмной, куда,
к изумлению её обитателей, Глава Администрации лично со-
проводил гостя...

Вернувшись в кабинет, Глава немедленно поднял трубку
телефона с золочёным двуглавым орлом на аппарате...

– ... Рандеву состоялось, господин Президент... Да, Вы,
как всегда, правы. Нет, с раздачей портфелей мы повремен-
им... Посмотрим, что из этого «компота» выйдет... Да,
очень уж заманчиво расправиться с ОПГ руками «красных»
перевёртышей... В крайнем случае?.. В крайнем случае объ-

явим их бандформированием и «обезвредим». Ну, а выйдет толк, тут же «приватизируем» его! А неопитов, как делом доказавших преданность «идеалам», поставим на довольствие... Благодарю за доверие, господин Президент. Спокойной ночи.

Глава восьмая

Через неделю первая группа людей Вожака прибыла на Дальний Восток: именно там решено было начать «взаимодействие с Администрацией». Вскоре за ней последовали и другие группы, уже более представительные. Одобрив выбор, Глава Администрации и не подозревал о том, что план операции в Приморье был разработан «демократическим неопитом» и его ближайшим окружением задолго до съезда партии.

– Где тонко, там и рвётся, – сказал Вожак, глядя на карту России. – Так, что, не будем «изобретать велосипед». Чудо, что за место: бардак, чиновничий беспредел, коррупция, сплошной «пипл», ОПГ – на ОПГ и ОПГ погоняет! Лучше и не найти! Да, и потом: нашенский-то он нашенский, но до Бога высоко, а до Москвы далеко! Словом: «плюс на плюсе»!

Местные власти были заранее уведомлены Москвой о прибытии «изыскательской партии» – для отлова другой партии: свежих «оборотней». Поэтому «изыскателей» тут же и небезосновательно окрестили «карательной экспедицией». Всем «ответственным товарищам» в собственных же интересах было рекомендовано сохранить «уведомительный инструктаж» в тайне. Устами Кремля организация Вожака стала «фигурой умолчания».

Отделения ВЕПрЯ и «России молодой» на местах также были поставлены в известность и даже введены в курс дела. Они настолько прониклись важностью информации, что едва ли не с порога их лидеры заявили Вожаку о полном невмешательстве в дела «высокой комиссии». В связи с особой «деликатностью» предстоящих «мероприятий» его попросили всего лишь нигде не афишировать свою причастность к «партии власти».

Большого от местных «демократов» и не требовалось: у Вожака было достаточно своих людей и в МВД, и в ФСБ, и в прокуратуре. Были среди них те, кто пошёл на контакт с коммунистами из идейных соображений. Но были и такие, кому «помогли осознать». Традиционным для Руси способом: поимкой за руку. С последующим ознакомлением «с интересным кино» и не менее «интересным чтивом». С первыми обращались, как... с Александрями Матросовыми. Со вторыми – как с «расходным материалом». Разница, трудно не признать, «существенная».

От местных же властей ожидалась лишь одна «помощь»: чтобы те не мешали. Те «затребованную помощь оказали» – и вскоре «военно-спортивные клубы» и «добровольные народные дружины» заплонили Приморье. Поскольку восток был охвачен почти на сто процентов, решено было поле деятельности расширять на запад. Почти по Ломоносову: «Сибирью будет прирастать земля Русская»... пусть и в обратном направлении. Люди Вожака начали активно осваивать

регион до Урала включительно. В «российскую Европу» решили пока не лезть: «неподготовленная почва» и большой процент «демократического сорняка».

«Новые земли» осваивались быстро: сказывались «подготовительные работы». Ведь здесь не один год «взрыхляли почву». Именно здесь решено было испытать практикой «домашние заготовки». Именно здесь планировалось набираться опыта, тренируясь на «демократическом элементе». И именно отсюда планировалось распространить его – опыт – на другие регионы. И, соответственно, на других «демократов».

Уже через пару месяцев организованная преступность края на собственной глотке почувствовала «железную хватку» «сухопутного спрута» под непонятным названием «Структура». Комсостав ОПГ ломал голову над тем, что собой представляет эта «Структура». Новый «творческий коллектив»? Союз «творческих коллективов»? Безыдейная конкурирующая фирма – или группа идейных товарищей, которым «за державу обидно»? Чистая экономика – или грязная политика? Новый «чёрный передел» – или «последний нонешний денёчек гуляю с вами я, друзья»? «Понаехали, тут, черножопые» – или «русские идут!»?

Высказывались и совсем, уж, грустные предположения о том, что «Структура» – это дитя власти, которая растит её, лелеет и холит. Иначе говоря: пополняет кадрами, финансирует и направляет... на тех, кого ей нужно. Вариант «Фас!»

был наименее приемлемым для «товарищей» из ОПГ. Ведь если с «конкурентами на рынке платных услуг» всегда можно договориться кусочком «пирога», а с «гуманитариями» и того проще – «постановкой на довольствие», то с государством договориться было невозможно. Если уж власть начала засылать «ястребков» – по примеру НКВД времён Великой Отечественной – то это могло означать лишь одно: им с этих пор отводится роль пернатой дичи...

... – Какого хрена я трачу на вас ежемесячно миллионы «баксов», если толку от вас – как от козла молока? Да и молоко столько не стоит!

Большой крупноголовый мужик лет сорока пяти – сорока семи, в отменном костюме «от кутюр», идущем ему на «коровье-седельный» манер, широким взмахом руки рассёк воздух. При этом он – конечно же, неумышленно, с задержкой лишь на пяток секунд – продемонстрировал часы от «Картье» в платине, отделанной бриллиантами, и массивный, платиновый же, перстень с десятикаратовой «маркизой».

Тот, кому он посвятил свою речь – седоголовый, лет пятидесяти пяти мужчина в костюме тоже не от «Москвошвея» – саркастически усмехнулся.

– Ты слышал?

Он повернул голову в сторону второго «козла, не производящего молока». Им оказался багроволицый мужик одного с ним возраста в форме внутренних войск с погонами ге-

нерал-лейтенанта на плечах.

– Нет, Федя, ты слышал? Благодетель гневаются! И где? В кабинете Губернатора края! И на кого: на самих Губернатора и Начальника ГУВД края!

В отличие от Губернатора, «Федя» не усмехался, а лишь тяжело дышал – не столько от гнева, сколько от избыточного веса.

– Ты, «благодетель»...

Хозяин кабинета принялся испепелять взглядом автора филиппики.

– Где бы ты был сегодня, если бы я тебя в своё время не подобрал, можно сказать, на помойке, и не пристроил к «государственному корыту»? Забыл, каким ты приполз тогда ко мне в исполком? Если бы не я, ходил бы ты сегодня в костюмчике «от кутюр» да при «Картье»?! Ведь ты уже был на пути к бомжам!.. «Он тратит»...

Видимо, осознав и усовестившись, владелец «Картье» устался в пол. Некоторое время он молчал и только шумно раздувал ноздри.

– Извини, Губернатор: погорячился.

– Давно бы так! Если пар вышел – сядь!

Разоблачённый разоблачитель с шумом плюхнулся в кожаное кресло напротив генерала, пока не участвовавшего в «обмене репликами».

– Я всё понимаю, – с виноватым видом начал он «всё понимать». – Но и меня понять можно! Такие дела творятся,

а никто – ни сном, ни духом!

«Плач Ярославны» не остался не услышанным: губернатор нахмурился. Как и всякое «лицо на самообеспечении», Господь не обнёс его здравомыслием. «Товарищ» уже понял, что разговор предстоит серьёзный: его визави прежде жаловался лишь на ненасытность благодетелей.

– Мы слушаем тебя, «Бизон». Только – без эмоций: одни факты.

Лицо наречённого «Бизоном» стало наливаться краской: не бизон – дракон. Огнедышащий. Спустя полминуты он уже «забурел». И не как Остап Бендер в терминологии Шуры Балаганова: стал бурого цвета.

Почти, как в песне: «окрасился парень багрянцем».

– «Без эмоций»... Попробуй тут «без эмоций», когда не знаешь, доживёшь до утра или нет...

Губернатор очень старался удержать челюсть «в рамках приличия», но она всё равно отвисла.

– Даже так?!

Поучаствовав в сцене, челюсть медленно вернулась на место, а Губернатор нервно забарабанил пальцами по столу.

– Давай, выкладывай – только без соплей и матов!

– По состоянию на сегодняшний день...

«Бизон» ухмыльнулся и покосился в сторону Начальника ГУВД: именно этими «памятными» словами тот начинал все свои выступления как на совещаниях, так и перед телекамерами.

– ... в крае «сокращены» пятьдесят «коллективов трудящихся». Из них пять – мои. Как тут не воскликнуть: «Какое сердце биться перестало»?!. Ведь это всё – «золотые руки»! Мастера высшей квалификации! По пять-шесть «отсидок» у каждого! И это – всего за два месяца!

Начальник ГУВД «ожил».

– У меня таких сведений нет.

За сим он постарался выдать преданный взгляд. В сторону Губернатора. Преданность вышла не очень: мешал испуг. Непритворный.

«Бизон» ухмыльнулся ещё раз. И снова «так же оптимистично»».

– А у тебя, Генерал, ничего нет: ни сведений, ни работы.

Генерал почему-то без труда удержался от ответной колкости. Возможно – такой выдержанный. Из числа тех, кто исповедует наказ «железного» Феликса. Тот самый – насчёт «горячего сердца» и «холодной головы». Вот он и не вспыхнул, и не взорвался, а только сердито надул пухлые губы. Да и дополнительно пылать не имело смысла: не прошло бы – на общем багровом фоне широкого лица. Хотя товарищу хватало и наличного окраса, пусть и от «волнения» лишь «с пережору».

– Пятьдесят, – в очередной раз упал духом «Бизон». – В основном – «столовники», подьедающиеся «объедками». Но есть и с десятков солидных «финансово-промышленных объединений», которые активно «участвовали в хозяйствен-

ной жизни края». Это не только крупнейшие предприятия региона, но и кое-что серьёзное в собственности...

– ???

У Губернатора не хватило слов, но и взгляда хватило.

– Нефтехимия... Рыбопереработка... Кое-что из «оборонки». А это уже, как вы понимаете – уровень...

«Бизон» уточнял только потери. Уточнять всё, что находилось в собственности «деловых людей», не требовалось: Губернатор был в курсе. Как и в доле.

– Часть причалов уже не контролируется ни мной, ни тобой, ни кон...

– У-м-м-м...

По причине «жизнерадостного» мычания Губернатора «Бизон» так и не сказал, кем, там, ещё не контролируются причалы. Хотя для владыки края и сказанного было достаточно.

– Сегодня утром нам устроили «показательное выступление»...

«Бизон» всё не унимался с «жизнерадостными» новостями. Они пёрли из него, как квашня из кадушки.

– ??? – в унисон отработали Губернатор и Генерал. Оба, как и положено настоящим казнокрадам, были людьми неглупыми. И «интересовались» они даже не для приличия: оттягивали момент. Тот самый: оглашения приговора.

– С участием «группы товарищей». В количестве тридцати штук.

– «Штук»... – не сумел не догадаться Губернатор – и опять отвис челюстью.

– Угу, – почему-то без прискорбия в голосе подтвердил информатор. – Прямо у главных ворот. Так сказать, демонстрация их силы – и наших перспектив...

В «обмен мнениями» включился и Генерал. Всеми наличными ресурсами. В том числе, дрогнувшим голосом и дрожью в конечностях.

– Я... ничего ещё... не слышал.

«Бизон» мрачно покосился на него.

– Услышишь ещё... если успеешь....

Следующую фразу Генерал «озвучил» выкатом побелевших глаз. Подстраховал его Губернатор. Мечась взглядом от окна к столешнице, и обратно, он забарабанил пальцами по столу.

– Если я верно понял, там были и «коллеги» нашего друга?

– Так точно: полковник, подполковник и парочка майоров. Все – при «полном параде».

– Кто такие? Откуда?

Из последних сил Генерал пытался «сделать лицо», а оно не делалось. Вероятно, уже достигло предела наличного «мужества».

«Бизон» равнодушно пожал плечами.

– Майоров не знаю. Подполковник же – начальник УБЭП Транспортного РУВД. Известный «борец с экономической

преступностью».

– А полковник?

Генерал смог лишь дрогнуть голосом: ригидные мышцы лица уже отказывались даже пульсировать. В соответствии с новым статусом.

– Твой дружбан и протезе, – не замедлил «приободрить» его докладчик. – Начальник УБЭП вверенного тебе Главного управления и по совместительству один из самых ненасытных ртов в рядах «бескорыстной» милиции-полиции.

Генеральская плешина заблестела бисеринками пота. На новые вопросы он уже был непригоден.

– Как они были... ну...

Мрачный, как туча, Губернатор хотел заключить фразу оригинальным движением брови, но вместо этого, уже в который раз, лишь отвесил челюсть. И совсем даже неоригинально.

– «Оптимизированы»? – ухмыльнулся «Бизон». – Банально. Так, как показывают в телевизоре. За исключением дружков нашего дружка.

«Бизон» покосился на Генерала. «Доблестный страж государственных интересов» начал уже активно заванивать кабинет, и не только потом. Губернатор также «проявил интерес» – парой дополнительных подтёков на лице.

– Выпали в окна. В разные, но, похоже, одновременно.

С получением ответа начальник ГУВД окончательно «по-

терял окрас».

– Ты хочешь сказать...

По причине близости к прострации интересовался, разумеется, не он: Губернатор. «Бизон» «оптимистично» качнул головой.

– Да, работа идёт не только «по линии «нашего брата» - коммерсанта... Вот интересно: откуда она взялась на нашу голову?

– Ты о чём?

Вопрос Губернатора был ненужным. Как и положено в таком случае.

– О «Структуре», о чём же ещё?

Дрожащими пальцами Губернатор извлёк из нагрудного кармана накрахмаленный носовой платок, и вытер потные ладони.

– А, теперь уже всё равно...

– Загадками извольте говорить...

Использованный носовой платок полетел в мусорную корзину.

– Какими там, на хрен, загадками? Были загадки – да все вышли.

Собравшись с политическим мужеством, Губернатор прикрыл глаза ладонью, «попутно» защищаясь от недоуменного взгляда собеседника.

– Три месяца назад мне был звонок «оттуда»... Из Администрации... От «Самого»... Мне было прямо сказано,

что «к нам едет ревизор»... И, мол, если я не хочу неприятностей, то должен «косить» под слепоглухонемого изо всех сил...

Губернатор старался не смотреть на «Бизона». Тот почему-то отвечал ему тем же. И вряд ли из чувства такта.

– Грешным делом, я вначале подумал об очередной ловле «оборотней в погонах». Да, что, там, «подумал: мне так прямо и сказали, когда попросили держаться от «уполномоченных» подальше. Не то, мол, и на меня «навесят погоны», чтобы тут же «включить в план». В качестве подлежащего отлову «оборотня»...

– Не знаю, как ты...

Если бы не «от кутюр» и бриллианты, «Бизон» вполне сошёл бы за растолстевшего Лира: так достоверен он был в своём трагизме.

– ... но я думаю, что эти ребята прибыли сюда не с малобюджетной антрепризой. Похоже, что всё было подготовлено к их приезду: и сцена, и декорации, и костюмы...

Он выдержал паузу.

– ... и зритель – он же «объект работы».

От этих слов Губернатор съезжился куда выразительней, чем от любимых фильмов ужасов. Тех, в которых на роль жертв утверждались их с «Бизоном» конкуренты.

– Да-да, приятель: эти ребятки заявили сюда не только по мою душу, но и по твою тоже.

Для верности перестав говорить загадками, «Бизон»

в очередной раз уронил голову. Мужественный парень: он всё ещё не устал падать духом.

– И, вот ещё, что... Убей, но я никак не пойму эту публику.

– ???

– Ну, не похожи они на нас! Я не имею в виду технологию отъёма. Здесь, если они, если чем и отличаются от нас, то лишь в выгодную сторону. По части филигранной отработки приёмов. А дальше идут «непонятки». Ну, вот тебе пример. На всех предприятиях, которые они «приватизировали», поставлена новая администрация...

– Обычное дело!

– ...Полностью заменена охрана...

– Так и должно быть: азбука!

– ... С банковских счетов невозможно снять ни рубля...

– Ну, правильно. Заблокированы?

– Закрыты. И открыты новые, нам неведомые.

– Рейдерское слияние?

Перестав оппонировать, Губернатор схватился за соломинку. Но, похоже, он и сам понимал, что это – не спасательный круг.

– Если бы! – покривил щекой «Бизон». – Но и это ещё не всё. Они меняют всех – от смежников до получателей. К примеру, в моём деле: добычей и транспортировкой краба занимаются теперь другие люди, «кладущие» на меня и прежние договорённости. Кстати, и япошек, которым мы

сбивали краба, они тоже «бортанули». Всех одновременно, да так, что на внутреннем рынке Японии цены рванули – не удержишь: поставки-то сократились до минимума...

Он «по-лировски» вздохнул.

– Всё это говорит о том, что «товарищи» готовились. Представляешь: даже реквизиты япошек знали! Похоже, их люди давно уже сидели и в ГУВД, и в УФСБ, и в штабе погранокруга, и в порту... Как это непохоже на нашего брата... Мы ведь – как тот Наполеон: всё – нахрапом! В смысле: главное – ввязаться в бой!.. Думаю, что отъёмом собственности дело не кончится. Скоро начнут отнимать портфели – вот, попомни мои слова...

Опустошив взгляд, «Бизон» «отрядил» его в сторону окна, из которого, как ладони, была видна бухта Золотой Рог.

– Непонятно только: зачем Кремлю рубить сук под собственной задницей? Ну, ладно бы, отловили «мелочь». Ну, «сожрали» бы пару-другую чиновников рангом чуть ниже тебя, чтобы отрапортовать Президенту. Это было бы понятно. Мы бы и сами им помогли. Но зачем – вот так?! То, что это – не новый передел, «козе понятно». А, уж, «козе ностре» – тем более. Здесь ведь – не вотчина Кремля! Он сам отдал нам на откуп эти земли и эти воды! Мы же исправно платим дань?! Что изменилось?!

Столько горечи было в его словах, что Губернатор немедленно поспешил разбавить её... своей.

– Не знаю, брат... Этого я не знаю. Но я знаю другое:

надо договариваться. На любых условиях. И быстро. Пока не отобрали все ценности – в том числе, и самую главную.

– Договариваться?

«Бизон» перестал умирать. Временно.

– Через тебя?

Предваряя ответ, Губернатор успел округлить глаза, мелко перекреститься и трижды сплюнуть через левое плечо. Почему «Бизон» и «умер» ещё до текста. Хотя, если бы этого не случилось, текст подстраховал бы мимику: он своё дело знал.

– Фу, ты, чтоб тебя! Аж, сердце прихватило! «Через меня»! Вот тогда нам точно – кранты! Тогда, как в той песне, мы точно получим «огромное небо – одно на двоих»!.. Нет, я, конечно, сделаю, всё, что смогу... Всё, что будет в моих силах... Но без «рекламных афиш». Так, что на «гостей из столицы» ты выходи сам... Хотя, думаю, не сегодня-завтра они сами на тебя выйдут...

Глава девятая

«Бизон» не стал ждать наступления «сегодня-завтра». Держа в уме «жизнерадостные» перспективы, он решил немедленно войти в контакт с «товарищами пришельцами». Сделать это оказалось много проще, чем он думал: один из «прихваченных»... то есть, «охваченных» «Структурой» коллег, должен был дать ответ «на предложение» столичных экспроприаторов». Навестив близлежащую церковь, до сей поры атеист «Бизон» напросился в сопровождающие.

«Приём» осуществлял лично Полковник. Ему не надо было представлять «Бизона». На этого «кита» дальневосточного бизнеса, как легального, так и нелегального, у «Структуры» имелось со вкусом подобранное досье.

– Я...

– Кто же не знает легендарного «Бизона»? – растянул рот Полковник: глаза остались на месте и в прежнем статусе. «Свежемороженые», то есть. – Половина порта – его. Большая часть крабового флота – его. Две трети экспорта краба – его. Три четверти рыбоперерабатывающей промышленности края – его. Половина нефтехимической отрасли – его. Треть всей тяжелой промышленности края – его. Я уже не говорю о таких «мелочах», как пяток коммерческих банков, несколько десятков универмагов и супермаркетов, казино, ночных клубов, боулингов, публичных домов...

«Честь имею рекомендовать себя» не получилось: рекомендовали. Да ещё, как! На висках бритой головы «Бизона» заблестели обязательные капли пота. В обязательном же порядке он совсем не обрадовался такой широкой известности в узких кругах «Структуры». После такой рекомендации все расчёты на откуп «малой кровью» становились достоянием юмориста. И «Бизон» оперативно упал духом, нисколько не заботясь тем, как бы уронить себя с достоинством. А «соломку» он «подстилал» лишь для порядку.

– Могу я узнать, с кем имею честь?

– Ну, ну, ну! – решительно продолжил «любезничать» Полковник. – Насчёт чести – это Вы несколько второпях, любезный! Если же Вы хотели поинтересоваться личностью собеседника, то я – Полковник.

Следом за духом «Бизон» «обронил» лицо. «Я – Полковник», выданное на удивление доброжелательным голосом, повлияло на бизнесмена так, как если бы он услышал: «Я – Берия». С добавлением в свой адрес: «А Вы – временный постоялец его заведения».

«Бизон» оказался совсем не готов к встрече с человеком, о котором по краю ходили легенды, и плодотворная деятельность которого заставляла не то, что волосы – лысины вставать дыбом! Ему как-то сразу расхотелось не то, что дерзить – просто торговаться! Единственное, чего он теперь желал: чтобы условия капитуляции оказались хотя бы щадящими. В прямом смысле: чтобы она пощадила, если не его иму-

щество, то хотя бы его самого. Чтобы она не была «полной и безоговорочной»: он уже имел представление о том, какое понятие вкладывают в эти слова люди из «Структуры». Какое, уж, тут: «если враг не сдаётся...»! Здесь была бы гораздо ближе к истине вариация на тему: «даже, если и сдаётся – всё равно...»!

– Не скрою...

Насмешливый голос Полковника вывел «Бизона» из состояния совсем даже не лёгкого оцепенения.

– ... что мне приятно видеть перед собой последнего... нет – предпоследнего – «из могикан» крупного бизнеса Приморья.

Уточнение с определением не прибавили «Бизону» энтузиазма. Предваряя разъяснение, Полковник улыбнулся ему, почти как родному.

– Все остальные, полагаю, уже распределены в аду по котлам и поставлены «на котловое довольствие».

Люди Полковника не удержались от смеха. «Бизон» и сам бы посмеялся – шутка вышла, хоть и зловещей, но неплоской – да лицо не желало включаться.

– Все уже там: и «Армян», и «Жора маленький», и «Пашка-Привоз», и «дядя Ефим», и даже «сами» Мойша Израилевич.

Перечисляя имена «жертв чекистского террора», Полковник внимательно следил за реакцией гостя. Следить было не за чем: реакции не было. По причине отсутствия лица.

На госте.

– Вы спросите: почему «предпоследний»? Да потому, что последним Вам ещё только предстоит стать...

Полковник бросил взгляд на часы.

– ... через тридцать минут. И я намерен предложить Вам принять участие в этом историческом событии.

«Бизон» обрёл лицо: ему стало плохо. Откуда-то снизу – уже не с высоты собственного роста и бывшего величия – он посмотрел на Полковника невидящими глазами, в которых, несмотря ни на что, мелькала неясная догадка.

Полковник улыбнулся.

– Вижу, что Вы – на пути к истине. Значит, у нас есть шанс договориться, как и подобает джентльменам. Знаете, не люблю я этих крайностей.

Иллюстрацией крайностей для «Бизона» явилась... правильно: книжка по судебной медицине, как бы случайно распахнувшаяся на страничке с живописными иллюстрациями.

– Ну, что это такое?!

Не прибегая к анестезии, Полковник взялся за душевные раны «Бизона». Манипуляции были столь умелыми, что бизнесмен среди прочих ощущений обрёл и такое: зачем «уходить», если можно остаться. Ведь какие-то варианты Полковник ему явно сохранял.

– Время ужина!

«Принимающая сторона» легонько хлопнула себя по колену, а «Бизон» – по плечу.

– Пора! Вы поедете в моей машине. А Ваши люди пока посмотрят телевизор. А чтобы они не скучали, компанию им составят мои люди.

С четырёх сторон «Бизона» окружили двухметровые «интеллектуалы» с наружностью приятелей Аль Капоне – и все дружно направились к машинам, кавалькадой выстроившимся вдоль дорожного полотна.

По количеству авто и людей в камуфляже «Бизон» понял, что «застолье» предполагается весёлым. Уже в дороге он без труда догадался о том, кто определён на роль гостеприимного хозяина: «процессия» направлялась в сторону казино «Золотой дракон». Это было место традиционных «стрелок» членов «недружественного» ему «коллектива», возглавляемого «авторитетным предпринимателем» по кличке «Азиз».

И «Бизон» не обманулся в своих предположениях. По приезде в казино, куда даже среднему взяточнику вход был заказан, произошло то, что в наши дни раз сто на день показывают «в телевизор». Каноны жанра были строго соблюдены. После визита незваных гостей в это предприятие общепита за столами не осталось ни одного человека: все разместились в их окрестностях – от избытка эмоций и патронов к АКС. Не стал исключением и сам «Азиз». Особенно впечатлило «Бизона» то, что никто и не собирался звать его недруга за стол переговоров. Вероятно, в качестве объекта таковых этот товарищ не представлял собой интереса для «Структуры». Настолько не представлял, что во время

«работы с ним» гости обошлись даже без междометий.

Этот сюрприз оказался не последним в программе вечера. Когда «Бизону» показали только что отпечатанные снимки, на которых из окна автомобиля он любуется «калашниковым фейерверком» на фоне сияющей неонов вывески «Золотой дракон» – вопросы кончились, и не начавшись.

– Ну, это – так, на всякий случай, – «извинился» Полковник. – Думаю, что нам с Вами удастся избежать эксцессов.

Обнадёженный заявлением, «Бизон» немедленно приступил к «избежанию».

– Что Вы хотите?

– Совсем немногого: три миллиарда пятьсот миллионов. Долларов. Тех самых, что Вы перевели в банки Европы, США и оффшоры. Плюс всё то, что находится здесь, в России.

Взгляд Полковника опять исполнился «участия».

– Я говорю, разумеется, лишь об известных нам суммах. То, о чём мы не знаем, пусть остаётся «за скобками», хотя нам ничего не стоит попросить Вас об откровенности.

Полковник улыбнулся. «Дружеской» улыбкой голодного крокодила.

«Бизону» как-то сразу расхотелось быть «попрошенным».

– Но мы не жадные. Мы – не король Хлодвиг с его знаменитым: «Моё – это моё, а твоё – это тоже моё». Всё-таки Вы трудились: одним «давали», у других отнимали. В поте лица своего «копали» под одних – и «закапывали» дру-

гих: не зря же Вас прозвали «Бизоном». Поэтому то, что мы не нашли, пусть будет Ваше.

Это прозвучало, как у Хлестакова: «Осип, там осталось ещё немного супа», после чего Осип принялся «выжимать» в ложку это «немного супа».

Невольно вспомнив эту сцену, «Бизон» нашёл в себе мужество усмехнуться. В глубине души – на всякий случай.

– Так, мы договорились: «было Ваше – стало наше»?

«Бизон» в очередной раз поменялся в окрасе, но тут же «договорился». «Прения сторон» были объявлены законченными. По той причине, что и не начинались.

– А сейчас Вы подпишете эти бумаги.

На стол легла увесистая пачка документов. «Придерживая лицо», «Бизон» перелистал её: протоколы, договоры, акты. Желание оппонировать по-прежнему не появлялось. Следом за бумагами в дело вступил «стряпчий» Полковника. Он стал переворачивать документы и, тыча пальцем в лист, выдавал директиву: «Здесь!»

– А мои гарантии?

Это было первым, о чём спросил «Бизон», капитулировав под последним листом.

– А наши деньги? – всё так же «мило» улыбнулся Полковник. – Три миллиарда пятьсот миллионов долларов? Здешние капиталы мы национализируем без проблем, но как быть с этими?

«Бизон» хотел впасть в прострацию, но передумал: не уви-

дит самого главного.

– На это потребуется несколько недель...

– Ну, так уж и «несколько недель»! – «ободрил» его Полковник. – Во-первых, не недель. А, во-вторых, и этот второй срок мы поможем Вам сократить. И совершенно безвозмездно. И ещё...

Полковник наклонился над «Бизоном».

– Не терзайтесь Вы на тему «этично-неэтично». Мы не просим Вас называть имена. И не от избытка порядочности: мы их знаем. И скоро, как сказал поэт, «вспомним всех поимённо, горем вспомним своим». А всё потому, что «это нужно не мёртвым, это надо живым»... Ну, а нас с Вами ожидают несколько дней напряжённой работы...

– ??? – не слишком умело «закошил» под вопрос «Бизон». Хотя в этом его «вопросе» было куда больше ответа.

– Да-да: мы поедем по Вашим предприятиям, где Вы представите нас, как новых хозяев.

– Когда?

– Да, прямо с утра и поедем: чего тянуть? Не зря же говорится: «нет ничего хуже, чем ждать да догонять!» Зачем нам подвергать Вас дополнительным истязаниям? И напоследок...

Полковник взглядом «погладил» «убитого» визави.

– ... если можно – без эксцессов, а? Это так утомляет!

Находящаяся «где-то внизу» голова «Бизона» «капитулировала» ещё раз. Отдельно от «всего остального»...

...Ранним утром с территории бывшего пионерского лагеря, оборудованного «Структурой» под одну из своих баз, выехала дюжина машин. Визит на первое в списке предприятие «Бизон» предварил звонками начальнику охраны и директору. Поэтому никаких эксцессов в связи с появлением хозяина в окружении незнакомой и столь многочисленной свиты не произошло.

Попрошенный «сделать лицо», «Бизон» уведомил сотрудников администрации о выходе из дела, и представил управленцам новых хозяев.

К его удивлению, Полковник не стал объявлять «служивому люду» о том, что «караул устал» и в их услугах «новые господа» не нуждаются. За небольшим исключением, все они были оставлены на своих местах.

Решение это определялось отнюдь не человеколюбием: на каждого сотрудника имелся подробный «эпикриз». Отсюда – и отсутствие надобности в радикальных мерах: ни к чему, да и невозможно. Вон, даже большевики, придя к власти, вынуждены были использовать старые кадры. В том числе – и тех, кто, если и улыбался, то скалился. А тут, всё-таки – свои люди. Обычные. Не миллионеры. А беспринципность их – от безысходности...

В первый день инцидент имел место лишь на одном из объектов. И организовал его, превратно истолковав слова хозяина, один из заместников «Бизона». Но оперативность, с которой была проведена «разъяснительная рабо-

та», настолько впечатлила «свежевызванное» подкрепление, что оно тут же потеряло желание даже считаться таковым! А личное участие в «субботнике» по очистке территории от следов «досадного недоразумения» лишь укрепило его в правильности сделанного выбора.

... – Что будет со мной?

Характер вопроса не оставлял места для сомнений: «Бизона» тоже впечатлила компетентность «бизнесменов» от «Структуры».

Полковник немедленно взялся за роль. Задумавшегося над вопросом.

– Рано говорить об этом: у Вас – столько объектов, что и за час не пересчитать. Но Ваши услуги в качестве провожа-того нам ещё понадобятся. И пока Вы ведёте себя адекватно, Вы вполне можете рассчитывать на ответную адекватность.

Выслушав «приговор», «Бизон» не стал ронять голову ниже. Напротив: медленно, как домкратом, подняв её от колен, он вдруг пошёл взглядом на визави. И взгляд его представлял собой ассорти из страха, надежды – и «где-то даже» иронии.

– А Вы не переоцениваете свои силы? Ведь существуют ещё ФСБ, МВД, армия?

– А Вы – не дурак, господин «Бизон», – не удивился Полковник. – Правильно: а не поторопились ли Вы с капитуляцией? Вдруг в это дело вмешаются Ваши люди из названных структур? У Вас ведь свои люди всюду...

Полковник выразительно поработал глазами.

– ... были?

«Ассорти» дематериализовалось также быстро, как и материализовалось. «На тарелке» не осталось даже страха.

– Да-да: были! Потому, что все они уже перестали быть Вашими людьми. Я бы даже сказал больше: и не только Вашими...

Очередной судорогой плеча «Бизон» продемонстрировал наличие правильных рефлексов.

– А что поделаешь? – квалифицированно удручился Полковник. Одна часть была представлена дураками – за что Вы только кормили их?! Другая же... Но взгляните сами.

На стол перед «Бизонам» легла цифровая фотография. Едва взглянув на изображение, он поспешно отвернулся.

– Да-да: такой беспорядок в одежде, – «дал сострадания» Полковник. – А всё потому, что уговаривать пришлось гранатомётом. Хорошо ещё – подствольным...

– «Хорошо ещё»?!

– А Вы, как думали? Представляете, если бы на месте подствольника оказалась базука?! Это ж сколько работы следопытам?! И не только юным, тем, которые «никто не забыт – и ничто не забыто»?!.. Что же касается Ваших покровителей из Администрации края...

У «Бизона» снова заняла пятка, словно извещая о прибытии души к месту временной дислокации.

– ... то с ними можно будет встретиться завтра. В торже-

ственной обстановке. На центральном кладбище города: они там будут в центре внимания. И на этот раз – не источником вранья о заслугах «виновника торжества», а его объектом! Самим «виновником», то есть!

Входя в состояние «Бизона», утомлённого дрожью и генерацией испуга, Полковник счёл возможным ограничиться краткими пояснениями.

– Перетрудились, бедняги, на государевой-то службе. Прямо по Зоценко: «Ещё один сгорел на работе!» Может, хотите ознакомиться с данными оперативных журналов ответдежурных по ГУВД и УФСБ? Нет? Тогда вернёмся к нашим баранам, которые ещё вчера были Вашими. До окончания взаиморасчётов Вы будете жить на одной из хорошо охраняемых правительственных дач. Питание, obsлуга – за наш счёт.... который вчера ещё был Вашим. Зато какой там вид из окна, неважно, что зарешёченного!

...Две недели «Бизон» «трудился, не покладая рук». Точнее, не отрывая их от телефона и компьютерной «мыши». Правда, к исходу указанного срока вернуть все суммы не удалось: настолько сроднились с ними оффшорные банки. Вот они и изыскивали предлоги, один забавнее другого. Некоторые из самых «весёлых и находчивых», ссылаясь якобы на условия помещения денег в банк, требовали личного присутствия вкладчика.

В результате пришлось возвращать деньги «окольными путями» – через банки третьих стран, менее щепетильных

в вопросах электронного перевода. Пришлось выдумывать сделки, являющиеся достаточным основанием для платежей. Но к исходу месяца «заточения» суммы были истребованы – и «бывший раб капиталов» получил «вольную». Правда, к тому времени он уже не рвался на волю.

«Тяга к цепям» объяснялась просто. «Бизон» понимал, что целостность своей шкуры он обеспечивал исключительно порчей шкур многих «сильных мира сего». Даже больше того: некоторых из них он просто зарезал. Без ножа. И ещё он понимал, что среди этой категории лиц последователей Христа-всепрощенца «почему-то» нет. Осознание того, что терять больше нечего, сделало бы течение их мыслей настолько радикальным, что ему осталось бы либо привести себя – и к ним, и «в исполнение» – либо стать «жертвой инопланетян». Ну, или каких-нибудь «переходов по времени». Словом, исчезнуть без следа.

Вариант номер два выглядел предпочтительней. Но реализовать его в одиночку «Бизон» не мог. И тогда он пришёл к «экспроприаторам».

– Ну, что ж, – сказал Полковник. – Вы вели себя вполне благоразумно, «от бремени капиталов» освободились по плану – и я не вижу оснований для отказа Вам в помощи.

«Бизон» утёр рукавом белоснежной сорочки мгновенно выступившую на лбу испарину.

– По своим каналам мы переправим Вас в один из райских уголков планеты...

Выразительная пауза.

– ... нетронутый ещё цивилизацией. С девственной, то есть, природой.

Радостный блеск погас в глазах «Бизона». Он как-то сразу понял, что иных развлечений, кроме тех, что выпали на долю Робинзона Крузо, не предвидится.

– Ничего другого предложить не могу, – лаконично, одной щекой, усмехнулся Полковник. – Впрочем, Вы можете предпочесть общению с дикой природой общение с Вашими друзьями. Хотя оно вряд ли обещает быть продолжительным...

– Я согласен...

«Бизон» сделал правильный выбор...

Глава десятая

– Ну, с Приморским краем всё, более-менее, ясно.

Выслушав доклад Полковника, Вожак одобрительно кивнул головой.

– А что по другим регионам?

Как принято не только у военачальников, Полковник развернул карту.

– В Хабаровском крае мы сработали не хуже, чем в Приморском: край готов к переходу ко второй стадии операции. Аналогичные результаты и по Камчатке. На Чукотке, правда, достижения скромнее. Но там и масштаб работы невелик. Да мы и не акцентировали пока что внимания на этом объекте.

– «Оставили в тылу наступающих войск»? – хмыкнул Вожак.

– Что-то вроде этого. Мы лишь поставили своих людей «на местную власть», в силовых структурах и на крупнейших предприятиях.

– А наш болельщик? Наш «лондонский чукча»?

Полковник усмехнулся.

– А «чукче» не до чукчей: в Лиге – очередной скандал с договорными матчами. И, по мнению Скотланд-Ярда, наш «чукча» – одна из договорных сторон. Поэтому он вторую неделю не вылезает из Лондона. Точнее, его не выпускают оттуда... И потом: станут ли «Их Высокопревосходитель-

ство» вникать в такие мелочи, как смена власти на местах? И у кого – у персонажей анекдотов?

– Красноярский край?

Полковник чуть помедлил с ответом.

– Здесь работы больше. И проблем тоже. И причина тому – не размеры территории...

– Не бином Ньютона: сырьё и добывающие предприятия.

– Так точно. Этот «Клондайк» экспортного сырья привлёк сюда массы всевозможных «охотников на чужбинку». В основном, российских. Кое-что мы уже «деприватизировали», но резервы есть. Есть, как говорится, над чем работать.

– Что ещё?

– «Ещё»? Ещё мы поставили под свой контроль не меньше четверти местной власти. По причине «широка страна моя родная». «Край» даже не в курсе дела. Реагировать он будет постфактум – и только конвульсиями.

Полковник закрыл папку, которую, неизвестно зачем, открывал: содержимым её он так и не воспользовался. Обдумывая резолюцию, некоторое время Вожак задумчиво жевал губами. Наконец, он перестал жевать: обдумал, значит.

– Ну, что ж... В общем и целом, как выражаются наши «старшие товарищи», всё идёт по плану. Смущает лишь одно: «силовики»? Те, что на отработанных территориях?

Его визави понимающе кивнул головой.

– Относительно Приморского края, Хабаровского края и Камчатской области – никаких сомнений. На ГУВД там

стоят уже другие люди. Не все они наши, но все не дураки. С каждым из них мы составили предметный разговор. С использованием «средств наглядной агитации». Ну, а низы УВД – все под нашим контролем. Начальники областных и краевых управлений вынуждены ставить на район и город тех, кого мы в своё время продвинули в «и.о».

– Ты ещё скажи, что всё прошло гладко?

– Нет, не скажу. Были моменты недопонимания. Со стороны ОМОНа, спецназа внутренних войск и даже спецназа ФСБ. Но товарищам быстро объяснили, кто тут «ху». Ну, а потом некогда тесные их ряды опять сомкнулись. Уже – за счёт нашего пополнения.

Вожак перестал уедать взглядом Полковника. По лицу его было видно, что он удовлетворён ответом: соратник и понял, и исполнил свой долг правильно.

– Разумеется, широкие массы «трудящихся от спецвойск» были впечатлены контактом. А после того, как мы нанесли... хм... визит в места сосредоточения этих «невольников чести», недопонимание кончилось.

– «Ну, могём», Полковник! – ладонью по столу поставил точку Вожак. – Я доволен. Теперь – твоя очередь задавать вопросы.

Полковник по-уставному отработал головой.

– Да. Первый: что с армией и флотом? Второй: что – Москва?

Вожак одобрительно хмыкнул: Полковник не задал ни од-

ного вопроса, на который он мог бы ответить и сам.

– Ну, что ж... Отвечаю «в порядке поданных записок». Начну с флота. К моему удивлению, флотское начальство оказалось... совсем даже не «начальством». Никакого сходства с анекдотическими прототипами. Никакой «казармы». Никакой «лакировки». Профессионализм, озабоченность положением дел и даже непритворная боль за Отчизну – вот с чем я столкнулся.

– Ты ещё стихами заговори! – позволил себе усмехнуться Полковник. После мажорного доклада можно было. Чуть-чуть.

– Могу и стихами! – не обиделся Вожак. – И есть, отчето. Возьмём для примера командующих: рыба, как известно, гниёт с головы. Ан, нет: не гниёт! Адмирал произвёл на меня исключительно благоприятное впечатление. Хороший мужик. И не я к нему напросился: сам пригласил. Понял, что на Дальнем Востоке появилась сила – и не для того, чтобы набить себе карманы. По части правильной его ориентации хорошо поработали и наши люди из флотского подполья.

Покосившись на портрет Президента, «для конспирации» вывешенный в его кабинете, он усмехнулся.

– Да и Администрация этого товарища неплохо посодействовала в достижении взаимопонимания. Глава выполнил своё обещание: известил о нас власти на местах. Представил или намекнул – я точно не узнал – он нас очередной парти-

ей «ловцов оборотней в погонах». Адмирал так и подумал. Но когда увидел, что ловцы – не совсем ловцы и даже совсем не ловцы – решил: провокация. Решил, то, что и должен был решить. Но когда поверил, обрадовался. И радоваться продолжал даже при нашей встрече. Понимаешь: мы уже встречаемся – а он всё ещё радуется! И энергичней, чем прежде!

Неулыбчивый Полковник в кои то веки улыбнулся. Он не видел, как радовался тогда Адмирал, но видел, как радовался сейчас Вожак. Той, адмиральской радости. Чувствовалось, что мемуары для Вожака – совсем даже не мемуары, а задел для работы. Даже не задел: фундамент.

– Кстати, Адмирал очень доволен результатами твоей работы с «Дальэнерго».

Полковник смущённо потеревил нос.

– Всё интересовался, как это нам удалось так быстро решить вопрос с погашением долгов флота.

– Надеюсь, ты не стал его посвящать в гастрономические подробности? – с деланной вкрадчивостью усмехнулся Полковник.

– Да, что я: изверг, что ли? Дяденька немолод, проблемы со здоровьем и с проблемами – а тут ещё и я «сверху», со своими «гастрономическими подробностями»?! Нет, с товарищем мы говорили о высоких материях: о служении народу, о чести офицера, о сволочах кремлёвцах. И, знаешь: я встретил абсолютное понимание с его стороны. Более того: я нашёл его своим. Нашим, то есть!

– Ну, я так полагаю, среди поэзии нашлось место и прозе? – продолжал «держать марку» Полковник.

– Ну, а то! Конечно, я не мешал Адмиралу высказывать комплименты в адрес «Структуры» и мой лично. Делал он это долго и основательно, но я его не подгонял. Знаешь, хотелось доставить приятное.

– Кому? – бестактно хмыкнул Полковник.

– Обоим! – нашёлся Вожак. – Ну, а когда он иссяк, мы скрепили дружбу армянским коньячком. И только после этого перешли к суровой прозе жизни. Вопросы боеготовности флота мы с ним обсудили детально.

Легковесное выражение немедленно удалилось с лица Вожака: понял, что ему там нечего делать. В данный момент.

– Да, уж: «дооптимизировались»! Если не принять решительных мер в ближайшие два года, флот можно будет списать одним актом.

– Ну, хоть на бумаге сэкономим...

– Смешно... Но, если серьёзно: уже сейчас три четверти судов – металлолом. Ни кадров, ни топлива, ни новой техники, ни средств на ремонт старой, ни денег на выплату содержания! Всё это можно определить одним словом...

– Ни хрена! – «определил» Полковник. – Как ещё иначе определишь...

Как человек дела, Вожак не был склонен даже к непродолжительным сантиментам, поэтому быстро «закруглился с «охами».

– Я заверил Адмирала в том, что в самое ближайшее время мы «заключим спонсорское соглашение». «Деньги будут!» – сказал я ему. Кстати, деньги будут?

Полковник кивнул головой.

– Вопрос не ко мне, но кое-что и я знаю. «Пожертвований от населения»...

Вожак понимающе хмыкнул.

– ... поступило много. Хотя и расходы – большие. Но, спасибо Премьеру: «заначку» на армию и флот он не трогал. Этот наш «Стабфонд». Так что, трепачом в глазах Адмирала ты выглядеть не будешь. Только не обещай слишком много. Скажи, что деньги есть лишь на поддержание: на развитие денег нет.

– А на развитие денег нет?

– Ты так скажи...

– Понял, – понял Вожак.

– Вот-вот: а то накинутся – с голодухи-то! А даже медики рекомендуют постепенное увеличение рациона. Ну, чтобы организм привык. Да и сердце адмиральское пожалеть надо бы: радость тоже хороша в меру... То же самое передай и армейцам. Кстати, ты пока – ни слова о них?

– Кхе, – осторожно кашлянул Вожак: верный признак того, что переход к следующей теме вряд ли обещал быть томным. – Имел я разговор с командующими округов...

– И?

– Да как тебе сказать... Забайкальский округ, успешно за-

гнивающий благодаря стараниям Кремля и «местного актива» – наш однозначно. И командующий дал мне это понять без всяких околичностей. Вот это мужик! Великий патриотический жулик: куда, тем приватизаторам! Крутится, как белке в колесе, чтобы хоть по минимуму обеспечить боеготовность войск. Наверно, нет ни одной статьи Устава и Уголовного Кодекса, которых бы он не нарушил – зато есть хлеб на столе и солярка на складе... А вот его сосед – Приморский округ...

Вожак шумно выдохнул через ноздри. И хоть язык не принимал участия в звукоизвлечении, Полковнику явственно послышалось что-то знакомое и предельно лаконичное. То, что нередко используется в устных характеристиках людей и событий.

– Командующий – первый в ряду тех, кого надо «мочить в сортире», как некогда говорил один бывший «товарищ»! Просто идеал морального разложения! А в военном отношении – абсолютный нуль! Ходячий комикс на тему анекдотов об армии! Дурак... но «по-своему» не дурак.

– ???

– Округ рассматривает в двух ипостасях: как «кормушку» и как трамплин для прыжка в Москву. Такой же «защитник Родины» и его зам по тылу. Неудивительно, что округ сегодня – главный поставщик скандалов и арестантов...

– А «луч света в царстве тьмы»?

Вожак перестал иронизировать.

– В наличии! Даже целых три... луча: начальник штаба, начальник оперативного управления и зам по боевой подготовке. Вояки – что надо! И мужики – стоящие! С такими – хоть на освобождение Гроба Господня! Их накануне времени «ч» мы и продвинем наверх – вместо этих боровов!

– А Восточная Сибирь?

Последовала секундная пауза. На лице Вожака отобразилась идущая в глубине его души борьба положительных и отрицательных эмоций. Наконец, первые одержали победу. По очкам.

– С округом можно иметь дело. Надо лишь «попросить» двух-трёх «полководцев» на самом верху. Но это не проблема: «внизу» много толковых мужиков. Тех, кто застрял там «по причине неправильных взглядов на жизнь». Вздумали, понимаешь, «служить Родине»! Ну, не дураки ли?!

– Дураки! – немедленно согласился Полковник.

– Вот и «полководцы» так их определили. Сами-то «полководцы» – люди умные. И поклоняются не Уставу, а вышестоящему начальству – таким же «полководцам», как и сами. И равнение держат не «на флаг и гюйс», а на Кремль. Словом, те ещё «солдатушки, браво, ребятушки!»

– Ловко ты вышел на мой вопрос о Кремле! – одобрил Полковник.

– Это не я вышел – само собой вышло.

Вожак самокритично отказался от лавров.

– Так вот: насчёт Кремля... По информации из надёж-

ных источников, «наверху» довольны нашей работой. Это подтвердил и ревизор из Администрации. Вернулся живым и одетым из ночной прогулки по Владивостоку – и подтвердил.

Улыбка Вожака уже перешла в ироническую усмешку.

– Сам видел его, с позволения сказать, «отчёт» на имя Главы Администрации. Хорошо написал: куда, тому Державину с его одой! Поэтому, я думаю, у нас есть ещё несколько месяцев для того, чтобы без спешки готовить Кремлю сюрприз.

– Хм...

Полковник немедленно приступил к оппонированию. И не по причине «близости к телу». И даже не по причине «производства в Каллифены»: по причине здравого смысла и требующей того службы.

– Маловероятно, чтобы никто не информировал Кремль о том, что здесь происходит... Хотя бы без оценок – только факты? Наши «клиенты» – сволочи, но не дураки!

– Конечно же, информировали, – «обнадёжил» друга Вожак. – Даже после наших заверений в «любви и дружбе». Кстати, Глава Администрации ознакомил меня с некоторыми из доносов.

– Сам?

– Нет, поручил «дяденьке»! – не остался в долгу Вожак.

– Ну, и как?

– Как он реагировал? Да, нормально реагировал. Даже по-

смеялся над стилем. Но не это главное...

– ???

– Он убеждён в том, что всё идёт по плану.... По его плану... Поэтому бумажки и легли «под сукно».

– «Под сукно»? Ты хочешь сказать, что...

– Да: игра продолжается. Мы используем Администрацию – Администрация использует нас. Вернее, думает, что использует. «Втёмную»...

– «Втёмную»? Ты полагаешь, что...

– Угу...

Вожак опять не дал Полковнику закончить вопрос. И не по причине бестактности, а совсем даже напротив: избавляя друга и соратника от необходимости развивать неприятную тему – и, может быть, даже страдать при этом.

– ... Как и Президент, он не верит в метаморфозы. Я даже скажу больше: наверняка он убежден в том, что мы ведём свою игру. Не обязательно связанную с захватом власти. Скорее всего, направление его мыслей – коммерческое. Он думает, что мы заняты поиском денег для финансирования новой партии. С параллельным созданием плацдармов на будущее – в электоральном плане. Но режиму пока выгодно сотрудничество с нами, так как «санацией» общества и экономики мы повышаем рейтинг Президента. А его рейтинг, не тебе объяснять – это «священная корова» режима...

Глаза Вожака сощурились, а сам он задумался. И то: вопрос – судьбоносный. Кто первым нанесёт удар – тот и побе-

дит в споре аргументов. И удар не мячом по воротам: «в жизненно важный орган».

– Убеждён, что он внимательно следит за нашими успехами. Ну, как и положено «наставнику, гордому своими учениками». Выбор у него небольшой: либо «приватизировать» их, либо объявить «заговором». «Коммунофашистским». Пока он его не сделал, но обязательно сделает. Когда решит, что «мавр сделал своё дело...» А так как у нас с ним разные понятие об объёмах «дела» и степени его выполнения «мавром», то выбор может «наступить на нас» совсем уж неожиданно. Даже не так, как первого декабря «неожиданно наступает зима»...

В очередной раз «обнадёжив» Полковника, Вожак энергично вернулся за стол. Для людей из его окружения это был знак того, что пора вставать по стойке «Смирно!»: время директивы.

– Отсюда наша с тобой задача: сделать «точку возврата» точкой. Без шансов на возврат...

Глава одиннадцатая

– А как ты сам оцениваешь перспективы этой «Структуры»?

Командующий войсками Забайкальского военного округа потянулся к бутылке с коньяком. Сегодня было можно: воскресный день. Хотя, если рассматривать «сегодня» в более широком смысле – как «сегодня» – то можно было и всегда. По причине «воскресности» каждого дня. Лишь бы не глазах у Президента. А здесь, на даче командующего ТОФ, глазам Президента делать было нечего.

Это была уже не первая встреча Генерала и Адмирала после того, как с каждым из них Вожак познакомился «тет-а-тет». Сегодня Генерал сам напросился на коньяк.

Давно уже оценив – и даже узрев – перспективы, Комфлота, тем не менее, не стал торопиться с ответом. Медленно – «не по-русски» – он выщедил рюмку коньяка, тщательно обработал лимонную дольку и неспешно вытер салфеткой пальцы.

– Думаю, что это – единственный наш шанс. Последний...

Прищурился глаза, Генерал внимательно посмотрел на него через стекло недопитой рюмки. Адмирал «понял вопрос».

– Нет, не в смысле «приобрести». Места у нас с тобой и так «кормящие». Если только «правильно ориентироваться в обстановке». Да и что касается «вариантов» – по этой части –

то они есть.

Командующий вынырнул глазами из-за рюмки.

– Вот и я – о том же. Мы с тобой сильно рискуем. И не по части отъёма «хлебных мест». Это тебе не операции с соляжкой. И поэтому я хочу быть уверенным в том, что мы не делаем ошибки. Что мы ставим на фаворита.

– Цинично, но ты прав. Ну, что ж: давай нетрезвыми глазами трезво взглянем на вещи. Я имею в виду не социальную значимость сделанного, но его масштабы. Проще говоря, силу «силы». Итак: организованная преступность на Дальнем Востоке есть?

Генерал мотнул головой.

– Правильно: «вот она была – и нету». Как в той песне. И менее чем за год. Дальше: коррупция. Где она теперь? То же правильно: в жопе!

Лаконичным хохотком «разделив мнение», Генерал даже не стал смягчать оценки.

– Так: деньги перераспределены? Перераспределены. И каким образом? Очень даже симпатичным: из карманов – на производство, на зарплату, на пенсии, в медицину и образование. Изменило это отношение людей к власти? Изменило. А почему? Да потому, что во власти теперь – люди «неправильные», которые, вместо того, чтобы служить карману, служат делу. Раньше каждому второму хотелось всадить пулю в лоб, а каждому первому – минимум, плюнуть в рожу. А теперь их можно не только считать людьми, но да-

же иметь с ними дело!

– С этим не поспоришь, – энергично отозвался Генерал. Разъяснение затягивалось, рюмка были поднята – и не в традициях русского человека возвращать её на стол несвободной от содержимого. А Генерал бы русским человеком. К тому же, человеком дела, а не слова. А, если и слова, то лишь того, каким скрепляется дело.

– Дальше. Впервые за все годы командования флотом я получил деньги на ремонт кораблей.

– !

– На ремонт всех кораблей!

– !!!

– А на очереди – ремонт баз. И деньги под это уже обещаны. И не с высоких трибун – а, значит, есть надежда на то, что они не только будут выделены, но и дойдут до адресата.

– Чудеса! – заедая коньяк ломтиком сыра, недоверчиво покрутил армеец – сам большой мастер выкрутасов во спасение родного округа.

– Но самое главное...

Адмирал многозначительно отработал указательным пальцем.

– ... Я впервые увидел план восстановления флота! Не маниловский прожект, а настоящий план, основанный на точном расчёте потребностей в людях и материально-технических ресурсах! С жесточайшим контролем за его выполнением – вплоть до...

Он закатил глаза к потолку и резко провёл пальцем по горлу.

– О чём это может говорить?

Со всей своей обманчивой непосредственностью Генерал смешно наморщил лоб.

– Только о том, что план – реальный. Как минимум, последний довод убеждает.

– Вот! И у «Структуры» есть не только план восстановления армии и флота: у этих людей есть план возрождения державы! Не «общенациональная идея» кремлёвского покроя – реальный план! Эти люди – без розовых очков и сиропов с елеем. У них есть не только государственное видение проблем, и не только государственная воля к их решению: у них есть принцип!

– ??? (После очередной рюмки – «неизменного спутника толкача»).

– «Государство – превыше всего!»

– О-о-о!

Адмирал прочувствованным взглядом поблагодарил соратника за понимание и лаконизм – и дополнительно отсалютовал ему рюмкой.

– Вот почему я пойду с ними до конца. Хотя у меня есть и другие предложения. На тему персональной дачи миллионов на десять «баксов», «роллс-ройса» с отделкой золотом, проживанием в Москве и трудоустройством на выбор: либо членом Совета Федерации, либо губернатором одной из со-

седних областей. В общем, с хорошей «кормушкой».

– За державу обидно? – «по роли» спросил Генерал, но усмехнулся не «по роли».

– А тебе?

Генерал, не нашёл, чем ответить – и это был достойный ответ.

Пришло время паузы. Каждый думал о своём – и вместе с тем об одном и том же. Момент – судьбоносней некуда. Куда ответственнее того, о котором герой одной из песен Высоцкого сказал: «Сегодня жизнь моя решается: сегодня Нинка соглашается!» Наконец, вздохнув – точнее, выдохнув после очередной рюмки – Генерал «сдался»:

– И что от нас требуется?

Звонким чоканьем рюмок Адмирал скрепил оформление заговора против незаконной законной власти.

– В нужный час поддержать «Структуру» «огнём и манёвром».

Комфлота не стал «размазывать кашу по тарелке» – и это понравилось Генералу.

– Всегда готов!

– Вопросы?

– Среднее звено?

– А это уже – твоя забота! Ты же знаешь своих людей!

Надёжным – доверяй! Ненадёжных... не доверяй!

Генерал с сомнением покачал головой.

– Всё это хорошо... Под силу ли нам – вдвоём? Ну, совла-

дать с махиной государства?

По сюжету Адмирал должен был усмехнуться. И он так бы и сделал, если бы не коньяк. После рюмки мало кто усмехается сразу. Вот и флотоводец поморщился. Хотя, возможно, и не только «по техническим причинам».

– Махиной это государство выглядит лишь на карте. А миллионы квадратных километров тундры – не доказательство мощи государства. Других же у него просто нет. И потом, нас не двое.

– ???

Комфлота рывком извлёк тело из-за стола: видимо, тот ограничивал не только возможности телесного маневра, но и мыслительный простор.

– Пара-тройка негодяев – это ещё не весь Приморский округ! При них – только «кормушка» да именные пистолеты! Вот и всё их войско! А солдаты и техника – в руках надежных офицеров! В нужное время они «оприходуют» боровов! Надо только «дальневосточникам» форсировать занятие ключевых постов. Надо усилить работу в низах!

– ???

Генерал продолжал успешно превращаться в «сестру таланта».

– Ну, не тебе об этом спрашивать! Следует непрерывно подчёркивать бедственное положение армии и флота – и работать на контрасте с Советской Армией! Контраст – всегда не в пользу «демократов»!

Адмирал прошёлся по просторной веранде, с которой открывался чудесный вид на море, такое безмятежное и лирически-бирюзовое под жарким летним солнцем. Чудесный повод для поэтического настроения... потом.... Когда-нибудь.

– Кроме того, есть ещё группа войск на Камчатке. «На группе» «сидят» честные генералы. Потом: Восточно-Сибирский округ. Конечно, с людьми и вооружением там хреновато, но люди там нормальные. Русские люди – не «руссияне» из МВО. Да и в Западно-Сибирском округе мы найдём понимание. Я хорошо знаю командующего и его штаб. В большинстве своём – строевые офицеры. Не паркетные шаркуны. Все прошли путь от курсанта до командира соединения. Все нюхнули пороху в Афгане, Чечне и так далее. А ты говоришь: «вдвоём!»

Генерал, повеселевший от разъяснений и алкоголя, шутливо капитулировал общепринятым жестом.

– Теперь – о деле. В конце месяца состоятся масштабные учения, в которых будут задействованы силы флота и обоих округов – Приморского и Забайкальского.

Не успев опустить руки, Генерал недоверчиво уставился на Комфлота. Со стороны это выглядело забавно.

– А деньги откуда?

– «Из толстых кошельков, моя деточка!» – рассмеялся Адмирал. – «Спонсоры» расщедрились!

Учения планировались, уже который год, да всё «не от-

крывали финансирования». Вопрос денег – самый большой для человека в форме. И если с теми, что «для своего кармана», ещё как-то можно решить его, то с теми, что «на всех», то есть, «ни на кого», «на общее дело» – беда. Разумеется, если только это «общее дело» – не окружной сабантуй.

– «Структура» попросила?

– «Они-с»! Так вот: на учения ожидается прибытие руководства всех соседних округов. Более удобного случая и придумать нельзя!

Адмирал был настолько убедителен, что Генерал даже не стал изображать задумчивость. Хотя бы одними губами.

– Согласен!

И Адмирал принялся разливать «по второй»... не помня уже, в какой раз...

Глава двенадцатая

– Ну, что ж, приступаем ко второму этапу: будем овладевать властью на местах. Где – «по взаимной любви», где – по односторонней. Вопросы?

Вожак обвёл взглядом «ближний круг». «Ближний круг» отрицательно мотнул головой. Коллективной.

– Тогда – за дело!

...Вскоре по всему Приморскому краю – а за ним по землям соседей – прокатилась волна «народного гнева». В одних случаях причиной его явились систематические перебои в предоставлении коммунальных услуг, в других – хронические невыплаты пенсий, пособий и заработной платы.

По странному стечению обстоятельств, акции гражданского неповиновения имели место исключительно на территории тех административных образований, где у власти всё ещё пребывали ставленники Кремля, пусть и теснимые снизу людьми «Структуры».

Массам было и невдомёк, что перебои и невыплаты явились не только следствием бездействия властей, хотя это обстоятельство и являлось определяющим. Пособили «родной власти» и люди «Структуры». Последняя успешно переняла опыт «демократии» по части организации «стихийных бедствий». Хотя бы того же самого «внезапного» исчезновения с полок магазинов тех или иных – а то и всех разом –

продуктов питания.

На фоне перманентной растерянности местных администраций, пытавшихся, как обычно, опереться на «костыли» из милицейских дубинок, активизировались «неведомые силы». Одно за другим, они стали организовывать благотворительные мероприятия, как то: реализация продовольствия и ширпотреба по сниженным ценам; раздача бесплатно того же ассортимента неимущим по точно отработанным спискам; разовые выплаты надбавок к пенсиям и пособиям – и так далее, и тому подобное. И всё это проводилось от имени неких «сторонников восстановления Советской власти».

Плебс, который «думает» исключительно животом, адекватно отреагировал на заботу: здравицами в честь «Структуры» и пожеланием «реконкисты». А когда в газетах и по телевидению началась массированная «зачистка» мозгов обывателя, вопрос о власти уже стоял... как вопрос о власти.

Митинги, пикеты и забастовки стали обычным явлением. Но «экстремальные условия» отнюдь не стали экстремальными для желудков митингующих, пикетчиков и забастовщиков: трёхразовому горячему питанию они подвергались в строго определённое время.

С каждым днём требования протестующего электората становились всё более радикальными. Вопрос уже вышел далеко за пределы исторического «Хлеба и зрелищ!» Посулы власти на фоне жертвований «Структуры» выглядели жалкими подачками: для «работы с населением» «Структу-

ра» заблаговременно учредила специальный фонд за счёт «пожертвований» бизнесменов.

Полиция, ОМОН и даже спецназ благоразумно воздерживались от вмешательства в «конфликт власти и народа». Держа «нос по ветру», они первыми учуяли «новые веяния». Но одной демонстрацией «обоняния» дело не ограничилось: руководство всех городских и районных отделов и управлений заявило о своей солидарности с протестующим народом. Чуть позже, на секретных встречах с представителями «Структуры», оно же заверило их в своей лояльности. За что и было поставлено на довольствие.

Параллельно с этим, людьми «Структуры» велась активная «разъяснительная» работа с представителями депутатского корпуса и исполнительной власти. Методы были избирательными – в зависимости от степени «подготовленности» «собеседника» к «предметному разговору».

Для некоторых «особо неподготовленных» беседы эти заканчивались трагически: у всех них одновременно не выдерживало сердце. Прямо «сгорали на работе». Зато другие, будучи оперативно осведомлены об этих прискорбных фактах, уже не проявляли ни тугодумия, ни ещё более опасного упрямства.

Вскоре законодательные собрания краёв и областей дружно, как по команде, объявили о самороспуске. Тут же были назначены даты новых выборов – в предельно сжатые сроки. В самом деле, чего канительиться?..

...Глава Администрации ещё раз перечитал аналитическую записку. Медленно, чуть ли не «по складам». Пока он знакомился с событиями на востоке посредством телевидения, в душе его не возникало тревожных ощущений: всё шло по плану. «Освежение» кадров после «зачистки» территорий вполне укладывалась в русло его договорённостей с Вожаком.

Но сейчас душа его дрогнула. Впервые с начала операции. И не по причине «закравшихся в неё сомнений». Потому, что это уже были не сомнения, но анализ: а всё ли идёт так, как должно? Не ошибается ли он в оценке событий? Основания для самообличения – пусть и вполне умеренного – имелись: уж больно активно «Структура» начала прибирать власть к рукам.

Теперь он ясно видел «отдельные» нестыковки с планом. «Структура» вышла за рамки договорённостей – и не скрывала этого. Отъём власти на местах стал очевиден. И не под «триколором» с двуглавым уродцем на нём. И это уже были не организованные им «победы» умеренных коммунистов на региональных выборах – и даже не образование бутафорского «красного пояса», также сработанного «закройщиками» Администрации. Речь шла об утрате власти на территориях, которые были не просто самодостаточными, но и являлись донорами России. Её кормильцами и поильцами.

Результаты анализа были столь неутешительными, что Глава не удержался от того, чтобы не поделиться «радостью

с ближним». И, смахнув пот со лба, он взялся за трубку телефона. С золочёным двуглавым орлом «на фасаде».

... – И здесь нет покоя!

Президент и не думал скрывать «радости»: на пару дней – под видом «поездки по регионам» – он вырвался на горнолыжную базу в Сочи, когда-то построенную «для народа» – из Кремля – под первую на территории страны зимнюю Олимпиаду. Хотел покататься – и вот, на тебе: «покатался»!

– Ну, что, там, у тебя ещё стряслось?

– «У нас».

Глава Администрации не «зажилил радость». И так качественно это у него получилось, что на том конце правительственной линии послышалось нервное сопение.

– Теракт? В Чечне?

Глава болезненно поморщился: неужели у Президента мысли до сих пор работают только «в одну сторону»?

Паузы, затраченной Главой на ужимки в адрес Президента, хватило для того, чтобы босс тут же уточнил:

– Что: в Москве?!

Поняв, что опять он – не «в цвет», Президент оставил «угадайку» и честно крикнул в трубку:

– Ты, что, инфаркта моего добиваешься?!

– Информация не для телефона.

Если Глава и не добивался инфаркта, то делал всё для того, чтобы он у Президента был. Неважно: волей или неволей. В трубке послышался стон: боссу, спортсмену-«много-

станочнику», стало плохо. Он понял, что радужные надежды на необременительное объяснение звонка умирают. Вместе с надеждами на всего лишь второй на неделе отдых в горах.

– Покатался...

Завершив стоны, он тяжело посопел в трубку – и раздражённо заключил:

– Да, ты великий мастер по части утешения!.. Ладно, прилетай... Но я – всё ещё в регионах! Понял?

Положив трубку, Глава Администрации тут же нажал кнопку звонка. На пороге неслышно вырос дежурный помощник.

– Готовьте самолёт. Вылет через час.

...Через три часа Президент и Глава уже прогуливались по «президентской» дорожке горнолыжного курорта. Ничто не мешало прогулке и никто: даже охрана была рассредоточена так, чтобы Президент и его гость и в армейский бинокль не смогли разглядеть их.

– Ну? – распорядился куда-то в сторону Президент.

Когда Глава закончил свой краткий, но беспощадно содержательный доклад, Президент «отклеил» взгляд от дорожки, и медленно перевёл его на докладчика. В его бесцветных водянистых глазах мужественно «звучало» «SOS!».

– И что ты предполагаешь?

Глава ответил после непродолжительной паузы, намеренно учинённой «в профилактических целях». Якобы тщательно

ный подбор слов обеспечивал «доводку босса до готовности».

– Думаю, что Вожак начинает нас переигрывать.

– Ты хочешь сказать...

Президент выразительно уставился на гостя. Тот не менее выразительно поник головой.

– Но ведь ты буквально на днях уверял меня в том, что всё идёт по плану?! По твоему плану?!

Президент уже не считал нужным сдерживаться. В конце концов – не в телевизоре: некому себя подавать.

– Куда же Вы все глядели: ты и твои люди на местах?

Старательно «любуйся природой», Глава молча пережил вспышку «высочайшего» гнева. Он не сомневался в том, что за этим непременно последует «призыв о помощи» – и очень скоро. И поэтому он не торопился с оправданиями.

– Может, твои информаторы «накручивают»? Может, они превратно истолковывают события?

По традиции, Президент уже начал цепляться за «соломинки», необоснованно возводя их в чин спасательного круга.

– Или сам ты руководишься принципом: «Лучше перебдеть, чем недобдеть!»

Глава Администрации красноречиво покосился на босса: ох, уж, эти вожди! Как же им нравится жить иллюзиями – и как же они не хотят «мордой об это самое»? В смысле: лицом к лицу – с правдой.

– Нет, господин Президент: опасность – вполне реальная. Мы просто обязаны трезво оценить её и предпринять ответные, а даст Бог – и упреждающие шаги.

– Слушаю тебя.

Как и предполагал Глава, Президент не затянул переход к стадии «призыва о помощи». Свидетельством тому были и новые интонации в голосе, и его «жизнерадостный» взгляд.

Глава открыл папку и, вынув из неё одинокий лист бумаги, протянул его Президенту: больше листа тот не усваивал за раз.

– Я тут набросал план мероприятий. Прошу ознакомиться и санкционировать.

Президент начал читать, но, пробежав глазами несколько первых строк, испуганно замахал руками:

– Ты что?! Это же фактическое признания двоевластия! Семнадцатый век: Пётр и Иван! Запад сразу же всё поймёт!

– А разве нас Запад свергает?

«Подстреленный доводом», Всенародноизбранный пошатнулся.

– Да, но... нет! На это я пойти не могу! Во всяком случае, сейчас.

План вернулся автору. Принимая бумагу, тот усмехнулся одним лишь текстом.

– Не смею настаивать... Бывает и так, что шапке Мономаха начинают предпочитать «гражданский» убор...

Намёк был понят. Посредством напряжённого сопения.

Но русский «авось» оказался сильнее.

– У тебя там есть пункт о противодействии легальными путями...

По причине деликатности момента Президент старательно не смотрел на Главу, который, словно нарочно – а, скорее всего, так и было – избыточно верноподданно поедал глазами начальство.

– Я не имею в виду «восстановление конституционного порядка» силами ВВ: я говорю о выборах.

– ???

– Мы пошлём туда своих кандидатов – из числа местных уроженцев, работающих сейчас в Москве и Питере. К местным, сам знаешь, на местах и отношение другое. Местное.

– И как мы их «внедрим»? – в который уже раз позволил себе лишнего Глава. Но Президент не стал округлять глаз – по причине их недоступности взгляду собеседника.

– Обыкновенно внедрим: организуем мощную агитацию по телевидению, зашлём «голосув», обрабатываем «пипл»! «Как внедрим»!

– Мощную, немощную, немощную, и вообще никакую агитацию по телевидению мы там не организуем!

«Чаша терпения» Президента уже переполнилась – и он изготовился к излиянию. Но Глава почему-то не ухмыльнулся, и это спасло его от получения замечания «сверху».

– Мы можем её организовать только здесь, в Центре. К сожалению, все каналы телевидения на местах находятся

под контролем «Структуры». Овладеть нашим телевидением, как Вы знаете, не проблема: «всегда готово». И не как тот пионер: к акту любви. Поэтому все «идейно незрелые» передачи из Москвы на местах тут же перекрываются «идеологически безупречными» фильмами, мультфильмами, концертами...

– А вот, кстати, насчёт концертов...

Похоронив – при деятельном участии Главы – одну идею, Президент немедленно принялся за другую.

– ...Если мы не можем использовать телевидение, то ничто не мешает нам использовать «звёзд эстрады», так сказать, вживую! На местах! Воспользуемся опытом предшественника! Помнишь: «Голосуй или проиграешь!» Стимулируем этих «голосуев» приличными гонорарами – и зашлём их по примеру агитбригад времён Великой Отечественной!

Глава Администрации и не хотел уже вывешивать усмешку, да она не спросилась. Уж «слишком уместным» выглядело сравнение.

– Вы забываете, Господин Президент, какой нынче на дворе год...

– И какой нынче на дворе?

– Не девяносто шестой! И давно уже!

– Не понял?

– «Структура» – не КПР. В том числе – и по части наличия козырей.

– Ну?

Президент был непохож сам на себя: лаконичен. И обычно это не сулило «получателям» ничего хорошего. Но Глава уже пристроился к «хранителям гордого терпенья».

– Не станем же мы через всю страну отправлять на Восток эшелоны «с подарками» избирателю? Да и с подбрасыванием денег тоже ничего не выйдет: «Структура подбрасывает лучше и больше».

– ... твою мать!

Вот теперь это был подлинный Президент – не его «телевизионный двойник для массового потребления». Он «обронил маску» и не торопился водворять её на место.

– На кой х... мы тогда, денежка к денежке, собирали этот хренов Стабфонд? На кой х... чахли над ним, как тот царь Кашей? На кой, я тебе, спрашиваю, х..., если сегодня мы не можем пустить его в дело? Он ведь и создавался «на всякий пожарный случай»! И этот случай – не «пожар мировой войны», а «пожар в собственном доме»!

Президент ещё и не начал матюкаться, а Глава же выключил усмешку: «всему своё время, и время всякой вещи под небом». Дракон – не обязательно для того, чтобы его «драконить». На свою же задницу.

– Я полностью согласен с Вами, господин Президент – в части обозначенных Вами целей создания Фонда.

Глава перешёл на язык себя, «телевизионного».

– И мы, конечно, будем расходовать его средства именно на эти цели. Мы можем и сейчас использовать часть этих

денег для работы с избирателем на востоке страны. Но я хотел бы, господин Президент, чтобы между нами не было недопонимания по этому вопросу. Я хотел бы, чтобы также не было и места иллюзиям... ненужным и опасным.

Одними глазами Президент немедленно «озвучил» вопрос. Глава также не стал медлить – уже с ответом.

– Я имею в виду иллюзию о возможности разрешения ситуации при помощи денег. Именно иллюзию. Во-первых, не можем же мы эти деньги повезти туда в мешках и раздавать прохожим на улице? Значит, надо использовать легальные источники выплаты: пенсионный фонд, сберкассы, собес, банки. А их услугами мы сегодня воспользоваться не сможем: вотчина «Структуры». А во-вторых, «Структура» может запросто «приватизировать» нашу щедрость. Вот будет хохоту-то – уже не нашего с Вами!

Глава перевёл дыхание и сочувственно посмотрел на Президента, уже основательно «полинявшего» от его речей. «Горнолыжного настроения» у сановного «горнолыжника» – как не бывало.

– Но что-то же надо делать?!

Умоляющие глаза Президента... правильно: «умоляли» Главу. Видел бы его сейчас хоть кто-нибудь из тех, кто некогда повторял следом за эстрадным шутком: «В чистом поле – система „Град“, За нами – ... „этот“ и Сталинград!»

– Так я Вам и говорю, что...

– Нет-нет!

Президент даже не позволил оратору «сказать, что...»

– Только не это! То есть, я хотел сказать... не сейчас...

потом... В общем... засылай «голосуев»...

Глава тринадцатая

В самолёте, забитом «под завязку» представителями поповой богемы, царило не просто оживление – неподдельный энтузиазм и даже восторг. «Звёзды» российской «попсы» были счастливы оказанным им доверием представлять интересы власти: доверие было платным. Цифры озвученных гонораров только добавляли энтузиазма.

Правда, не все обитатели эстрадных подмостков согласились принять участие в вояже. Нашлись и «отщепенцы», которые осмелились нагло заявить о том, что артист должен продаваться только на сцене. И продавать только свой труд – не душу. Но глас «моралистов от эстрады», как ему и положено, «вопийал в пустыне»: «агитбригадовцам» нечего было продавать. Свои души они давно уже заложили и перезаложили. Те, у кого они имелись.

Поэтому «оппортунистов» быстро «заклеймили» и «пригвоздили» – и теперь в огромном чреве роскошного «Боинга» находились только единомышленники. Только соратники по борьбе за доступ к кремлёвской кормушке и многообещающей благосклонности «обитателей поднебесья».

Рекой лилось французское шампанское и русская водка! Хватив стакан, над креслом двухметрово вырос один из «заслуженных голосуев», ветеран всех призывов «демократической» власти. Это был смазливый мужик с завитыми и на-

помаженными волосами, сделавший себе карьеру посредством женитьбы на бесформенной «суперстар», годящейся ему по возрасту в матери.

– Господа, поможем родной власти в очередной раз отвратить нашего хама от коммунистических погремужек – и она не останется неблагодарной!

«Господа» одобрительным рёвом дружно откликнулись на «патриотический» призыв «голосуя-запевалы».

Спиртное и дифирамбы друг другу и «родной» власти лились до тех пор, пока стюардесса, преодолевая смущение и страх, не объявила, что самолёт не может совершить посадку «метеоусловиями аэропорта назначения».

– Ну, сядем в другом – не всё ли равно, откуда начинать «окормлять» «пипл»! – под бурные рукоплескания «собратьев-голосуев» объявил «Запевала». Застолье продолжилось.

Но и в другом аэропорту сесть также не удалось. Как и в третьем, и в четвёртом. И всё по той же причине: «метеоусловиями аэропорта назначения». Хотя за стеклом иллюминатора ясно виделось безоблачное небо, ярко сияло солнце и явно не предполагалось осадков.

Вот только тут «активисты» борьбы за избирателя поняли, что ввиду чистого неба дело нечисто. Но задание есть задание. Выполнение его стимулировали и коробки с гонорами, которые путешествовали вместе со «звёздами». Большие были коробки. Тяжёлые. Отступить было некуда – поза-

ди Москва с её беспощадными чиновниками, безжалостными киллерами и страшным будущим без «бабла» и себя в телевизоре.

И тогда Руководитель Акции, игнорируя недовольные возгласы капризных «звёзд», решил воспользоваться услугами наземного транспорта. «Боинг» совершил посадку на полосу одного из чудом уцелевших аэродромов военно-транспортной авиации. Как в сказке – а точнее, по согласованию с военным командованием – в «чистое поле» подали автобусы. И заметно утратившие «боевой» пыл мастера вокально-телесного жанра продолжили свой путь уже в полном молчании.

Путь оказался недалёким: на границе края автобусы остановили непонятно, чьи, кордоны.

– В чём дело?

Руководитель Акции попытался исполнить роль Конька-Горбунка. В части увеличения объёма грудной клетки и изрыгания пламени.

– Вы понимаете, чем вы рискуете?

– Понимаю: гораздо меньшим, чем Вы, – спокойно парировал его довод Один из Тех, Кто по ту сторону шлагбаума. – Потому что я рискую, в худшем случае, местом, а вы – жизнью.

В первое мгновение Руководитель просто смотрел на визави: ещё «не дошло». Но уже во второе мгновение он «работал» с широко распахнутыми глазами: пошла мысль. И со-

всем даже не радостная.

– Рад приветствовать начало процесса, – ухмыльнулся страж, и тут же постановил приговор. – По всему краю объявлен карантин в связи с угрозой масштабной эпидемии «скотского гриппа».

Мертвенная бледность саваном упала на лицо Руководителя. То же самое произошло и с некогда размалёванными физиономиями его подопечных.

– Впрочем, если Вы хотите продолжить свой путь...

Человек по ту сторону шлагбаума доброжелательно улыбнулся Руководителю.

...то я, конечно, не смею настаивать. Тем более что Вы вооружены таким грозным оружием: мандатом «из самих Администрации Президента»! Жаль, что не могу предложить гида: разбежались! Но Вы и так сориентируетесь – по тушам и телам. Не убирали пока: ждём сельхозавиацию с негашёной известью. Потому, что дезактиваторы отказались от наземного транспорта. Говорят: «Мы – не самоубийцы!»

Он выразительно покосился на автобус «голосуев», и, отступив в сторону, махнул рукой подчинённым. Те взялись за шлагбаум. Едва заскрипел механизм, Руководитель, глаза которого были уже настезь распахнуты «просветлением», схватил «пограничника» за рукав.

– Нет-нет, – затарахтел он срывающимся голосом, – стойте! Дайте подумать...

И он начал думать. Это выражалось в нечленораздель-

ном бормотании, округлении глаз и взлохмачивании пятернѣй давно уже не шевелюры.

– Вы правы: не стоит рисковать людьми... Если бы я был один... а так...

Это были речи не мальчика. И даже не мужа, но мужественного мужа. Мужа, и в тяжелую минуту думающего о себе лишь посредством мыслей о тех, от кого зависит перспектива и дальше оставаться мыслителем. По принципу «*cogito ergo sum*». «Я мыслю – значит, я существую».

Человек по ту сторону шлагбаума, к которому руководитель обращался за сочувствием и санкцией, неопределѣнно пожал плечами. Так сказать: «воля Ваша – а мы завсегда с нашим удовольствием!»

Дрожащей ладонью Руководитель утѣр «полотняное» лицо. Он понимал, что ответ за срыв «операции» ему придётся держать перед самим Главой Администрации. Мысль об этом заставляла не торопиться с решением. Конечно, лучше бы не торопиться в спокойной обстановке, но приходилось «брать то, что дают». И забегали мысли в воспалѣнных мозгах Руководителя. Итог: купюры и доверие Кремля – за продолжение, жизнь – против.

После долгой и напряжѣнной паузы, «обозрев» незрячими глазами безбрежные просторы тундры, Руководитель мужественно дрогнул голосом:

– А что дальше по трассе?.. Ну, какова обстановка?

– Посты до самого Тихого океана, – бесстрастным голо-

сом ответил Человек по ту сторону шлагбаума. – Сказано же: эпидемия...

По получению информации Руководитель даже как-то захотел умереть. Временно. И не от пандемии: от сердечно-го приступа. Или кровоизлияния в мозг. Так сказать, «пасть на посту» – и обеспечить себе не выговор, а местечко, если не на Новодевичьем, то хотя бы на Ваганьковском. Но, как назло, в мозги стучало одно и то же: «Моя Марусечка, а жить так хочется!»

И тогда он передумал умирать. Даже на посту. Вместо этого он захотел попросить у Человека-шлагбаума справку о том, что артисты не смогли добраться до места назначения в силу форс-мажорных обстоятельств – в скобках: эпидемия «скотского гриппа». Но потом трезво рассудил, что даже если такая справка и будет выдана, то только с этого КПП. А с остальных ему предложат истребовать лично. Во всяком случае, сам бы он, будь на месте этого «шлагбаума», так бы и поступил.

В конце концов, так и не избавившись от камня на душе, он посчитал истребование такой бумажки нецелесообразным. Надеясь больше на заступничество Всевышнего, чем на милосердие Главы Администрации, Руководитель дал команду «голосуям» загружаться обратно в автобусы...

...Через три дня невыносимых кочевых страданий, намотав сотни километров по тундре и тайге, преодолев многочисленные естественные – и неестественные – преграды,

несостоявшиеся «голосуи» добрались до какого-то заброшенного полустанка. Здесь им удалось, наконец, сесть в один из поездов, идущих в западном направлении. Правда, не до самой Москвы: предстояло ещё несколько мучительных пересадок. Но измождённые «звёзды», похудевшие, почерневшие, растерявшие весь наличный гламур, были рады и такой возможности спастись «из варварства» той самой России, имя которой так приятно скандировать, расположившись в уютных креслах заграничных дворцов спорта...

...Недоумевая, Глава Администрации вертел в руках бланк срочной телеграммы, отправленной с какого-то Богом забытого полустанка.

– Что за чёрт? «Миссия невыполнима зпт эпидемией скотского гриппа самого океана тчк».

Как и положено, не поняв, он ещё раз вернулся к тексту.

– «Миссия невыполнима...» Что, дядя: американских боевиков насмотрелся? «Эпидемией скотского гриппа...» «Скотского гриппа»... Что ещё за зверь, такой?

Рука сама потянулась к трубке одного из аппаратов правительственной связи.

– Герр лейб-медик? Здорово. У меня к тебе вопрос как к министру здравоохранения: что это за «скотский грипп», такой?

– Какой?! – всей гаммой интонаций, выражающих недоумение, отозвалась трубка.

– Да не «какой», а «такой»! – раздражённо повысил голос

Администратор. Как специалист по части ответов, он считал неприемлемой для себя роль «почемучки» – а тут, ещё, такой вопрос! – «Скотский»!

В разговоре наступила пауза: на том конце трубки, видимо, напряжённо искали ответ. Или, что вероятней, сочиняли его. Наконец, послышался голос абонента.

– Чёрт его знает... – честно признался Министр. – Может, какая-то неизвестная мутация вируса. Этот проклятый вирус изменяется каждый день – и не уследишь! Вчера – «птичий», сегодня – «скотский», а завтра ещё какой-нибудь... вот...

К чести Министра, он не стал продвигать версию. И, будь Глава рядовым обывателем, этот ответ его наверняка бы удовлетворил. Но он не был рядовым обывателем. И поэтому ему требовались более веские доказательства, чем предположения – пусть даже и самого министра – об очередной мутации коварного вируса.

Раздражённо бросив трубку на рычаг, Глава задумался. Выходить на Президента с такой информацией было неразумно: разорётся и, как всегда, ударится в панику. И хорошо ещё, если только собой. Глава уже соображал, что к чему, но ему требовалось ещё одно, последнее доказательство. Железное доказательство своей правоты.

Он тут же поднял трубку аппарата, на котором поблёскивала золотом табличка «Председатель Государственной Думы». Не успел он ещё и рта открыть, как с того конца провода

его уже приветствовали и даже интересовались здоровьем.

Глава иронически усмехнулся: Председатель Госдумы и одновременно глава Центрального совета ВЕПРя, в своём «партийном товариществе» систематически переходил грань разумного. Но сейчас это могло пригодиться.

– Слушай, Председатель...

Он и не собирался церемониться с «обслуживающим персоналом», пусть тот и номинально – «человек номер четыре» в государстве. Да и подобный стиль обращения всегда дисциплинировал «товарища». А тому сейчас требовалось проникнуться ответственностью момента.

– ... мне нужно, чтобы ты сегодня же отправил за Урал группу своих депутатов.

– Своих? – «понимающе» уточнил абонент. – То есть, «наших»?

– Ну, зачем так прямолинейно...

Глава Администрации поморщился: уж слишком наглядно Председатель Госдумы демонстрировал свою «непредвзятость». Это нехорошо смотрелось – и столь же нехорошо слушалось – даже при общении наедине.

– Я имел в виду: депутатов Госдумы. Поэтому можешь включить в состав группы... ну, хотя бы парочку-другую представителей МЗР.

«Главный иезуит российской политики» не зря «торговал» «пополнение». Главный фигляр страны, Сын Своего Отца и его «партия» «Мы – за русских», сокращённо – МЗР,

активно и небесполезно подъедалась у кремлёвского корыта. За «неумный» язык ССО партию неоднократно предполагалось «сократить». Но у неё был один немаловажный плюс: на этих «народных избранников» Кремль всегда мог положиться. И «ложился».

– Не возражаю и против ПУКа: народ там, в большинстве своём – здравомыслящий. «Политику партии и правительства понимает правильно».

– Будет исполнено! – с энтузиазмом отозвалась трубка. – Сегодня же засылаю!..

...Весь вечер этого дня и весь день следующий Глава, занимаясь бесконечной «текучкой», нет-нет, да и поглядывал в сторону ряда с телефонными аппаратами. Сам же звонить Председателю Госдумы он и не думал: «каждый сверчок знай свой шесток».

Долгожданный звонок раздался только на третий день.

– Они застряли, – после необычайно сухого приветствия коротко доложил Председатель. Голос его был исполнен почти «некрологовой» скорби.

– Что так? – с неподражаемым «сочувствием» поинтересовался Главный Администратор. Поинтересовался лишь для того, чтобы отвести душу: он уже «как-то» догадался о причине.

– Нелётная погода по всему маршруту.

– Надо же! – немножко перебирая «со специями», удивился Глава. – «По всему маршруту»?!

Председатель изо всех сил старался принимать Главу за «друга и товарища».

– Поездом также не получается: забастовка железнодорожников.

– А за эпидемию речи не было?

– За эпидемию?

Слышно было, как спикер напряжённо сопит, пытаясь разгадать один из бесчисленных ребусов Главного Администратора. Найтием профессионального «царедворца» он уже чувствовал в его словах неясный пока ещё подвох.

– Какую?

Глава Администрации хмыкнул в трубку.

– Ну, например – гриппа. «Скотского».

– «Скотского»?! Да-да, что-то такое, действительно, было!

«Законодатель» решил, что политическому деятелю, в принадлежности к которым его каждый день убеждало телевидение, не к лицу демонстрировать неосведомлённость. Однако на всякий случай он «умерился» и поспешно добавил:

– Но об эпидемии речи не было... Так – единичные случаи...

Администратор перестал веселиться: в каждой шутке – лишь доля шутки.

– Ладно, и на том спасибо... Как вернутся твои «герои», всех приставь... Тьфу ты...

Он чуть было не сказал: «к корыту!»

– ... представь к поощрению в размере оклада. И дай им недельку отдыха – именно столько они и будут добираться до Москвы... если повезёт!

Глава неспроста озадачил Спикера. Не далее, как сегодня утром, не сразу опознанным Руководителем акции он уже был осведомлён обо всех приключениях «голосуев». Вряд ли приключения депутатов по части драматизма должны были уступать тем, что выпали на долю мастеров «торговали телом и голосом».

Положив трубку, Администратор отступил от сценария: не стал вздыхать и задумываться. Вместо этого он тут же снял другую трубку – с аппарата с золотым двуглавым гербом на корпусе.

– Здравия желаю. Прошу немедленной аудиенции.

Через пять минут он уже входил в кабинет Президента...

Глава четырнадцатая

– На тебе буквально лица нет.

Сам обладатель «кисломолочной» физиономии, Президент «жизнеутверждающе» приветствовал Главу Администрации. Тот «по роли» махнул рукой по лицу, не забыв в заключение усмехнуться.

– Как раз лицо на месте – это маски я забыл дома. Но я хотел бы поговорить не о лице и не о масках...

Он «напряг» брови.

– ... а о наших с Вами задницах, господин Президент.

«Энтузиазм» Главы впечатлил Президент – и, заложив руки за спину, тот пустился мерить шагами наборный, из уральских самоцветов, пол дворца-кабинета.

– Ты, как всегда – «с радостью»...М-да... Ну, что, там, у тебя ещё?

– Не пустили.

Не обращая внимания на президентские маневры у себя за спиной, Глава совсем уж непочтительно шлёпнулся в кресло. Он всегда чувствовал, когда «можно» и когда «нельзя». Сегодня было «можно». И, похоже, завтра тоже будет «можно». И, кажется, теперь всегда будет «можно». Такая, вот, наступает пора: вседозволенности. Для избранных. Ну, что-то вроде предсмертного братания. На пиру во время чумы, где все равны друг перед другом. По причине равен-

ства перед «финишем».

Наконец, Президент застыл «в центре поля», опустив плечи и по традиции переглядываясь с полом. Явно не в позе сумрачного величия.

– Я понимаю, что краткость – сестра... брата... и всё такое... Но... Что: нет слов?

– Слова есть. По большей части – нецензурные.

Обычно лёгкий в общении и даже призываемый к серьёзности, Глава не улыбнулся.

– Если можно – без загадок.

Президент шлёпнулся в кресло и приступил к поеданию Главы. Пока только глазами.

– Итак: не пускают. Кто и кого?

– Кто? Люди «Структуры». Кого? Вначале «голосуев». А теперь и депутатов Госдумы.

– Предлог?

– Несколько. Один другого «убедительней».

Сейчас по сценарию должна была пойти усмешка. И она пошла, но какая-то ненастоящая. Не в манере Главы: ничего иезуитского, тем более, мексиканского.

– «Метеоусловия аэропорта назначения» – раз. «Угроза масштабной эпидемии скотского гриппа»... это надо же такое выдумать... два. И, наконец, забастовка железнодорожников, в результате которой и этот вид сообщения с востоком... перестал быть видом сообщения – три.

Заслушав «некролог», Президент немедленно передисло-

цировался к окну, где и расположился спиной к Главе. Потому, что классика. Азы. Так требуется по роли. И все хорошие актёры – а политик обязан быть таковым – от схемы не отклоняются.

– Т-а-а-к, – хорошим трагическим голосом протянул он. В этом отношении вряд ли кто из публичных политиков мог с ним соперничать на равных. Он и давал трагедию, и по-настоящему падал духом лучше всех.

– Значит, они «сыграли на опережение»...

Взгляд его полинявших глаз медленно переключался на лицо соратника. «В дороге» он должен был набраться злости и раздражительности, но, видимо, не успел. Или нечего было набираться. Пришлось ему работать со своим лицом.

– А ведь я предупреждал тебя: опасную игру ты затеваешь. Опасную. Помнишь, что ты мне тогда ответил?

Президент захотел ядовито усмехнуться, но на полноценную усмешку не хватило яду. В итоге получилось что-то «кисломолочное».

– «Не ссы Маруся: я – Дубровский!» Я, мол, этих «ухарей» сорок раз вокруг бочки с водой обведу – и не дам напиться! Помнишь?

Признавая факт неуспеха, Глава кивнул головой. О Дубровском, тем более, о Марусе – да ещё в контексте таких пожеланий – речи, конечно, не было. Но общий смысл заверений был передан боссом верно. На тот момент все основания для оптимизма были в наличии. Это потом их не стало.

Но Глава и не думал никнуть главой. Не говоря уже об отгрузке пепла на последнюю. И вряд ли только потому, что был уже заклеймён так, что «клейма ставить было негде».

– Господин Президент! Конечно, на одном из кругов Во-
жак обошёл нас на повороте...

– Вас! – взглядом «затачивая кухонные ножи», уточнил
Президент.

– Да, конечно, господин Президент: меня. Но дистанция,
господин Президент – длинная. И впереди ещё много кру-
гов...

– ???

Президент «оторвался от точильного станка».

– Наверстаем!

Глава опять использовал глагол во множественном чис-
ле. На этот раз Президент не стал поправлять соратника, хо-
тя тот наверняка не ошибся с формулировкой. Видимо, на-
мёки и прочие аллюзии уже начали проливаться бальзамом
на останки президентской души.

– Давайте-ка лучше, господин Президент, вспомним
«плюсы». Так сказать, пойдём по вехам.

И в несвойственной ему манере Глава начал загибать
пальцы руки.

– Первое: оптимизировали ОПГ. Пусть не мы – за нас. Это
привело к резкому увеличению бюджета...

Глава выразительно поработал глазами.

– ... нашего с Вами... По причине «внезапного просветле-

ния в мозгах бандюков», которые, наконец-то, увидели в нас защиту от этого «Атилы». Зря для себя, но не для нас. Второе: вернули государству контроль над тысячами предприятий, что позволяет нам снять с довольствия восток России.

Информация была объективно оптимистичной, но определить по лицу Президента его отношение к ней не представлялось возможным. По «техническим причинам»: у Президента не было лица. Если бы это было не так, его не поставили бы в своё время на агентурную работу. И уж, тем более, не посадили бы в президентское кресло. Да, иногда он давал эмоции, только лица они не замещали.

Глава давно уже привык к «отсутствию наличия», а по этой причине не смутился нулевым результатом «блиц-огляда».

– Третье: подсократили коррупцию. Я говорю о явлении, а не о лицах. Тех не подсократили: урезали. На целую голову. Четвёртое: начали восстанавливать промышленность. За счёт «внутренних резервов»: мы там – ни сном, ни духом и ни копейкой! Пятое: начали активно финансировать «оборонку» и Вооружённые Силы. Шестое...

– Стоп!

Доселе слушавший вполоборота, в тщетной надежде продемонстрировать отсутствующий римский профиль, Президент не снёс оскорблений.

– Какое же это достижение? Если каждое предыдущее – плевок в душу, то это – просто надругательство! Кому

на пользу все эти «достижения»?

Глава неожиданно решил «дать немножко патриотизму». Может, потому, что соотношение объективного и субъективного в оценке факта чаще всего определяется не объективными критериями, а одним лишь углом зрения.

– Ну, если мыслить широко, по-государственному – России.

И сам мастер «поболеть за Россию» на людях, Президент не терпел демагогии в узком кругу. По сценарию сейчас должен был последовать взрыв «высочайшего» негодования. Но он не последовал. То ли Президент не надумал, то ли передумал, то ли «пар вышел» ещё в момент подготовки мероприятия. Как бы там ни было, взрыва не получилось, Вместо него Президент лишь сверкнул несверкающим глазом.

– Тем... этим самым Вожак на корню закупил командный состав флота и округов!

«А кто же тебе мешал сделать это?»

Глава блеснул насмешливым взглядом.

«Взял бы – и сам закупил: новыми кораблями, деньгами на ремонт старых, возвращением пайков?»

Но взгляд у Главы был товарищем неглупым – и поэтому блеснул аккуратно. Дозировано блеснул. Из укрытия. Так, чтобы его и не заметили. И текст был подстать ему.

– Ну, с этим спорить трудно, господин Президент... Здесь надо будет исправлять положение... Но всё остальное – «нам в кассу»!

Для большего «разящего эффекта» он даже слегка выка-
тил впалую грудь.

– Всё – до последней возвращённой в бюджет копейки!
До последнего «оптимизированного» приватизатора! Даже
там, где ещё не ступала нога Вожака!

Увлёкшись перечнем чужих своих достижений, Глава
на мгновение потерял бдительность и скатился к двусмыс-
ленности. Двусмысленность прозвучала совсем даже недву-
смысленно – и Глава счёл нужным срочно закашляться. Ка-
шель был несколько запоздалым: не успел он «вовремя по-
давиться» не подлежащим оглашению словом. Поток крас-
норечия необходимо было срочно переводить в другое рус-
ло. Пока Президент не успел подхватить тему и развить её
в нежелательном для собеседника направлении.

С этой задачей Глава справился. Президент ещё только
открывал рот, а Глава уже потрясал в воздухе бумажками,
ловко извлечёнными из папки.

– Вот тут у меня данные последних социологических
опросов. Они наглядно свидетельствуют о том, что за по-
следний год Ваш рейтинг, господин Президент, вырос на це-
лых десять пунктов, и теперь составляет уже семьдесят во-
семь процентов! Семьдесят восемь процентов! Больше было
только однажды, десять лет назад, когда Вы имели рейтинг
в восемьдесят два процента!

Листки перекочевали в руки Президента. Он немедлен-
но принялся их изучать: вопрос о состоянии Персонального

Рейтинга был наиглавнейшим для него. По большому счёту, только он один и занимал его – все остальные служили лишь средством для его решения.

Наконец, он оторвал взгляд от бумаг. Глава рассчитал всё точно: содержание тревоги во взгляде Президента существенно уменьшилось. Сейчас нелучащиеся его глаза его излучали что-то отдалённо напоминающее уверенность и оптимизм.

– А по поводу обозначенных Вами проблем, господин Президент, я скажу так: они решаемы.

Верный своей методе, Глава брал Президента «тёпленьким»: контакт должен завершаться на мажорной ноте. Зачем «смазывать» впечатление – в общем и целом положительное?! Президент – в мажоре, цель визита достигнута! Ведь не советоваться же по поводу дальнейших действий он пришёл, в самом деле! Следовало лишь поставить шефа в известность, дабы упредить вспышки «непроизводительного» гнева. Ну, а если получится, то и «повязать» его причастностью к своим ошибкам, как уже совершённым, так и тем, которые ещё только предстояло совершить. И, кажется, ему это удалось.

Что же касается советов на будущее, то Глава в них не нуждался. Даже в советах Президента. Тем паче, что те обычно являлись его собственными наработками, на которые Президент лишь «наклеивал свой ярлык».

Не желая портить себе похорошевшее настроение, Пре-

зидент не стал требовать от Главы «огласить весь список». Список мероприятий для решения «решаемых проблем». Не исключал он и того, что Глава и сам ещё не знает, «что день грядущий нам готовит». Вряд ли стоило пыхтеть над планом: наверняка, им обоим придётся действовать «по обстановке». Уже потому, что Вожак едва ли захочет изображать условного противника на маневрах.

Пораскинув мозгами, Президент решил не портить себе с трудом обретенного настроения и удовлетвориться цифрами рейтинга. Это позволило Главному Администратору удалиться с минимальным количеством «мыла на шее».

Глава пятнадцатая

Вернувшись к себе, Глава первым делом поднял трубку ещё одного аппарата прямой связи. Корпус этого аппарата был красного цвета – явно не случайно. «ПУК!» – сострил он про себя. Вслух текст был более корректным.

– Глубокоуважаемого вождя Партии умеренных коммунистов приветствует Администрация Президента.

Трубка что-то прогудела в ответ.

– Мы с Вами, дорогой Председатель, всегда исповедовали лозунг юных пионеров: «Береги минутку!» Поэтому я прошу Вашего дозволения «не размазывать кашу по тарелке».

Глава Администрации действительно был человеком дела, пусть даже преимущественно злого, с точки зрения объективных интересов страны и народа. Но именно дела, а не пустых слов. Поэтому в разговоре он никогда не опускался до обмена мнениями «о погоде и видах на урожай». «Бык» сразу же «брался за рога».

Вероятно, на том конце провода одобрили это намерение, так как, благосклонно кивнув головой, Глава «пропел» в трубку:

– Да, нужно встретиться... Немедленно... Нет, это на Ваше усмотрение. Я человек не гордый, могу и сам прийти... Вот и прекрасно.

Через час Глава уже сидел в кресле напротив руководи-

теля крупнейшей, будто бы оппозиционной партии России. Кабинет Председателя ЦК был довольно уютным и даже благоустроенным. На деньги Администрации. Точнее: на деньги народа, приватизированные Администрацией и «отпускаемые» получателям, уже как свои собственные.

– Буду говорить прямо: Кремль встревожен действиями Вожака.

Верный себе, Глава не стал отдавать дань условностям, вроде бы требуемым этикетом.

Председатель растерялся и даже потерялся. Лицом.

– А причём здесь мы?

– Нет-нет, это совсем не то, о чём Вы подумали!

Глава без труда определил причину упадка духа у собеседника: ведь он сам утверждал ведомости на оплату «бескорыстия» умеренных коммунистов. И он нисколько не упрекал Председателя за краткосрочную потерю лица: попробуй, тут, не потерять! Протестуя против неверного истолкования его слов, он даже картинно замахал руками.

– Я вовсе не имел в виду наш с Вами ПУК – партию, участие которой в общественной жизни страны мы искренне приветствуем, и никаких дурных намерений в отношении которой и в мыслях не имеем.

Дополнительно к тексту, он извинился ещё и соответствующей улыбкой.

– Моя вина: я – как-то, уж, сразу, без прелюдии, напролом! Великодушно прошу извинить!

Зримо «отходя сердцем», Председатель носовым платком осушил испарину на лысой макушке. Принял извинения, стало быть. С методикой «лечения» Глава не ошибся и на этот раз.

– Речь у нас с Вами, дорогой Председатель, будет исключительно о деятельности Вашего бывшего товарища. Говоря о том, что она нас тревожит, я несколько смягчил оценку. В действительности она уже не просто тревожит: сильно тревожит. И «где-то» даже беспокоит.

Председатель редко покупался на мякину: сам успешно торговал её. Но сейчас ему было достаточно взглянуть в лицо собеседнику, чтобы понять: не «порожняк». И не «лапша». Не хуже Главы этот пожилой дядька умел разбираться в людях и их притворстве. Да, его собеседник считался непревзойдённым мастером лицедейства – но сейчас он был «чист». На его лице не было ни маски, ни грима – а, значит, как это ни странно, он говорил правду.

– А Вы думаете, что нас это не тревожит? «Тревожит» даже не то слово...

Председатель не кривил душой: деятельность Вожака напрямую влияла на «состояние дружбы» с Кремлём, а, значит, и на вопросы «материально-технического снабжения».

– И я прямо сказал ему об этом...

– ???

«Когда?!» – так только и мог звучать немой вопрос Главы.

– Третьего дня. Я сам позвонил ему. С той поры, как его

группировка демонстративно покинула съезд, он мне не звонил ни разу.

– Характер разговора?

Скатываясь к протоколу, Глава и не считал нужным облекать вопросы в куртуазность. Как по причине отсутствия времени, так и по причине отсутствия надобности: «свои люди».

– Я спросил его, отдаёт ли он себе отчёт в том, что творит?

– Вы в курсе его дел?

– Ну, сочувствующие нам люди есть и в рядах «Структуры» – если Вы это имели в виду...

Глава «это имел в виду» – и факт взаимопонимания был немедленно скреплён приторными улыбками.

– Я стал упрекать его за то, что он нас «подставляет». Что из-за его «разинско-пугачёвских» методов нас возьмут и прикроют.

– И он Вам поверил?

Глава добавил улыбке сахару и ванили.

– По поводу «возьмут и закроют»?

Понятливый лидер ПУКа сделал вид, что не понимает, исхитрился даже не покраснеть – и продолжил, как ни в чём не бывало.

– Так на мой упрёк он ответил, что «такую, с позволения сказать, партию» – так и сказал! – давно уже пора прикрыть. И если этого не сделает теперешняя власть, то со временем это сделают они сами.

Глава перестал корчить рожи. И не потому, что пришло время думать: он не переставал заниматься этим, и «корча». Просто настал час «рвать тельняшку». А делать это в маске не стал бы ни один профессионал обмана. Потому, что всему своё время. Обману – тоже.

– Ну, «раз пошла такая пьянка – вот мой личный огурец!»

Поначалу я и в самом деле решил, что коммунаки устроили на съезде классическое представление для лохов. Рассчитанное на то, что Администрация клюнет. Потом якобы раскольники втираются в доверие Кремля – и от его имени начинают отъём власти. Без заговоров, революций и пальбы! А что: сценарий – избитый. А все эти якобы непримиримые противоречия – «дымовая завеса». Опять же для лохов.

Заметив, что собеседник начинает увеличиваться в объёмах, Глава в примирительном жесте сложил руки на груди.

– Так я думал вначале, дорогой Председатель. Но потом я понял, что оппозиции классического толка – то есть, «правильной» оппозиции – подобные треволнения ни к чему.

Председатель напрасно пытался вспыхнуть лицом: не вспыхивало. По причине недостаточности заряда ли, совести или чего другого, трудно сказать. Но на всякий «пожарный случай» Глава не замешкался с «огнетушителем».

– Упаси меня, Боже, осуждать Вас, дорогой друг! Напротив, я искренне признателен Вам за такое понимание оппозиционности! Ваша... хм... последовательность находит глубокое понимание в Администрации и лично у Президента.

Лицо Главного коммуниста перестало «набираться цвета». Хотя, даже будучи помидорного окраса, оно давно уже не было «с красным знаменем цвета одного» – в определении Степана Щипачёва.

– Да, мы считаем, что лимит на революции исчерпан.

Взамен груди Председатель выкатил пузо.

– К власти мы придём мирным путём – на основании выбора народа. Историческая правда – за нами!

Пузо ещё было на месте, но глаза уже прятались в пол: «историческая правда» – как показывает сама же история – дело весьма неблизкого исторического будущего.

– Нас более чем устраивает такая позиция! – масляно блестя тёмно-карими глазами, «заскользил в направлении его души» «Змей» -Администратор. – И мы – я имею в виду себя и Президента – даже готовы помочь Вам в этом!

Председатель не стал удивлённо округлять глаза: солидным людям не подобает. Даже если они содержанки Кремля. Он оценил слова визави так, как только и можно было их оценить: как структурный элемент торга. Торга, к которому он не только был готов, но и стремился всеми фибрами давно отсутствующей души.

Видя, что он понят – и понят верно – Глава приступил к «детализации соблазна»:

– Я имею полномочия сообщить Вам, что Кремль готов частично поделиться властью. И не только в регионах, но и в Москве. И не в отдалённой перспективе, а уже сего-

дня. Прямо сейчас – на грядущих парламентских выборах. Вы получите почти столько же голосов, сколько и «партия власти». Всего на два-три процента меньше. Точную цифру мы определим позднее – совместно с Вами.

Председатель закатил глаза к потолку и быстро перевёл проценты в парламентские кресла. Судя по тому, как порозовели его щёки, результат вполне устраивал «думского повстанца».

Глядя на довольно ёрзающего в кресле Председателя, Глава улыбнулся... милой улыбкой доброжелательного людоеда.

– Я рад, что встретил понимание. Ведь не станем же мы с Вами, в самом деле, уверять друг друга в том, что выбор делает народ?

Председатель самодовольно хмыкнул: «иезуит» знал своё дело.

– Выбор делаем мы – его представители. Тем самым облегчаем народу неизбежные муки, вызываемые необходимостью этого выбора. А заодно избавляем его от ошибок, столь часто совершаемых нашим простодушным избирателем.

– Какой очаровательный цинизм! – не удержался от комплимента Председатель. Он не лицемерил: ему действительно приятно было капитулировать перед этим человеком. Тем более что капитуляция напоминала скорее дружескую вечеринку, чем трагический момент в истории. Да и «моментов» в истории КПр-ПУК было уже столько, что Председатель давно перестал возводить их в сан трагических: следовало

беречь резервы. Для настоящей трагедии.

Таким образом, вопрос в принципе был решён, и теперь сторонам можно было переходить к предметному торгу.

– Пост Председателя Государственной Думы вас устроит? Можем также организовать вам парочку-другую министерских портфелей и даже один портфельчик первого вице-премьера! Годится? Я не говорю уже о губернаторских постах: их количество, ассортимент и привязку к месту мы определим позднее – совместно с Вами!

Заслушав перечень соблазнов, лидер ПУКа задумался. Предложение Главы представлялось ему весьма перспективным. Да и цифры впечатляли: ведь ещё несколько месяцев тому назад собственный Зам уверял его в том, что в Кремле решено не увеличивать содержания ПУКу. А Председатель отдавал себе отчёт в том, что его партия сама таких результатов «ни в жисть» не добьётся: Кремль не позволит. Да и собственное бессилие – тоже. Значит, оставалось лишь одно: покупать «ярлык на княжение».

– Ну, что ж...

Председатель бесстрашно выстрелил глазами... в сторону от соблазнителя.

– Ещё Ильич советовал нам использовать противоречия между врагами – и даже идти на тактические союзы.

Глава не удержался от восхищения: какой, всё-таки, замечательный фарисей, этот Председатель! Как ловко он всякий раз занавешивается Ильичом! А ещё говорят, что ком-

мунисты лишены гибкости! Нет – это, смотря, какие коммунисты! Наши, «правильные» коммунисты по части гибкости – и не только стана, но и ума – дадут фору, кому угодно! И много больше ста очков!

– И раз уж Вы так откровенно заявили свою позицию, то позвольте и мне ответить Вам тем же... Хм... Мы – профессиональные политики.

«Хорошее начало!» – солидаризировался с ним искуситель. Он уже обнаружил русло, по которому «потечёт» лидер ПУКа.

– Это – наша работа! Да что, там, работа: вся жизнь! И мы не хотим, чтобы какой-то мальчишка в одночасье разрушил то, что мы создали десятилетиями! А вопрос власти – это другой вопрос. И не нужно смешивать стратегию с тактикой! Ещё Ильич...

Вероятно, «уже в дороге» решив, что «Ильича» на сегодня достаточно, Председатель скомкал фразу. Но продолжение следовало. Правда, уже только глазами: в силу необходимости быть «верно понятым», Председатель отважился на прямой взгляд. Ну, не совсем прямой и даже совсем не прямой, а напротив: ломаный, виляющий. Но и его оказалось достаточно для того, чтобы «прочитать текст».

Этот текст стал бы откровением для кого угодно – только не для Главы. Потому, что именно Глава отвечал в Кремле за «непримиримость непримиримой оппозиции». По части комфорта её лидеров. Даже высказанный одними гла-

зами, текст был не только показателен, но и красноречив. Для удобства восприятия Председатель давал его в виде тезисов – и «где-то» даже лозунгов.

«Я привык уже к определённом уровню жизни и определённом уровню внимания. Я – деятель государственного масштаба. Меня показывают по телевидению, печатают в газетах, приглашают на радио. Я – завсегда интернет-изданий. Я еженедельно встречаюсь с руководителями государства, пусть и не разделяю их взглядов. Я встречаюсь даже с руководителями иностранных государств! Я не хочу превращаться в изгоя! И мои коллеги по думским креслам – тоже! Борьба за счастье народа не обязательно на голодный желудок!»

Ознакомившись с «речью», Глава удовлетворительно смежил веки. Он и не сомневался в том, что ему удастся склонить Председателя... нет, не к измене – упаси, Господи: к сотрудничеству. Его даже не удивляла быстрота, с которой было получено согласие. Потому, что какой нормальный рыбак удивится хорошему клёву после такой прикормки?!

– Я очень рад, дорогой Председатель, что у нас с Вами состоялся такой доверительный разговор. Могу я информировать о нём Президента?

– Президента!

Интонациями и взмахом бровей Председатель установил «ограничитель». На всякий случай. Хотя он несколько не сомневался в том, что Глава не станет «выходить на улицу

с транспарантом».

Одна позиция была определена: теперь Председатель знал, чего ему ждать от режима. Оставалось лишь узнать, чего режим ждёт от него. После «дружеской» откровенности тянуть с постановкой вопроса было незачем – и он не стал тянуть.

Насколько же буднично прозвучал его вопрос! Если бы ещё вчера... нет, позавчера... ну, словом: в прошлой жизни кто-нибудь сказал ему о том, что, куда активнее, чем делу, он отдастся режиму, он бы оскорбился. Благородно – и в лучших чувствах. Сегодня «почему-то» не хотелось этого делать.

Вопрос не застал Главу врасплох: не для демонстрации «врасплоха» затевался этот разговор.

– Да, в общем, ничего особенного от вас не требуется. Ну, разве что время от времени заявлять...

Он запнулся, потом виновато улыбнулся – и развернул шпаргалку. Явно домашнего происхождения.

– ... «о категорической неприемлемости неконституционных действий раскольников на востоке страны, которые лишь дискредитируют идеалы коммунизма».

Не удивительно, что пришлось воспользоваться услугами «суфлёра»: попробуй, запомни такое! Но Председатель одобрительно выдул губы: умно и по форме, и по сути. Главное, не придерёшься: такое «возмущение» руководства ПУ-Ка соответствовало его известной позиции в отношении рас-

КОЛЬНИКОВ.

– Приемлемо. Что ещё?

Собеседник не стал живописать на лице мучительной задумчивости: всё уже было продумано до мелочей. И задолго до сегодняшней встречи.

– Ещё – не допустить людей Вожака во власть в регионах, которые мы отдадим Вам в вотчину. Пусть это покажется Вам циничным, но мне почему-то вспомнился лозунг фашистских вождей в сорок пятом: «Лучше Берлин американский, чем советский!» Я понятен?

Председатель нахмурился: избыточно откровенный Глава не остался непонятым. В момент купли-продажи у лидера ПУКа всегда обострялось чувство собственного достоинства. Но от реплики он без труда воздержался: всё уже оплачено. Всё включено в смету. В том числе, и душевные переживания. Очень стараясь не покраснеть, он провёл ладонью по вспотевшей лысине.

– Думаю, что мне удастся объяснить товарищам некоторую корректировку позиции в отношении наших радикалов. Но задачу мне существенно облегчила бы предварительная реализация Ваших предложений. Хотя бы части их.

Глава усмехнулся: «предварительная реализация» – это хорошо сказано! Тонко – «по-нашему»!

– Согласен, – попытался он поймать бегающий взгляд Председателя, который уходил от него с мастерством профессионального боксёра.

– Это всё?

Голос Председателя исполнился надежды. Ещё бы: такая большая выгода за такую малую кровь! На какой-то момент он даже потерял концентрацию и позволил собеседнику уцепиться глазами за краешек его ускользящего взгляда.

– Нет, не всё.

Лицо Председателя моментально потерялось. «В доброжелательных челюстях» гостя. Хорошо ещё, что пока только условных – от взгляда.

Торжество по поводу «малой крови», если не отменялось, то, как минимум, переносилось на неопределённое время.

– Ещё мы ждём от Вас поддержки наших действий на законодательном уровне... Нет, Вы меня не так поняли! Опять я... Я имел в виду только действия, направленные... как бы это сказать...

«Как бы это сказать» он не смог – и опять нырнул глазами в шпаргалку.

– ... «на возвращение „Структуры“ в конституционное поле исключительно мирными способами – и только на законодательном уровне».

Председатель снисходительно ухмыльнулся: такие слова надо говорить не по бумажке. Хотя... что взять с этого сугубо практика?!

– ...Никакого насилия! Вы не подумайте, что я призываю Вас организовывать боевиков для противодействия Вожаку!

– Ну, что ж... Такую поддержку мы вам окажем.

Председатель облегчённо перевёл дух. Теперь он мог спокойно допить свой нарзан, стакан с которым он так и не донёс до рта по причине неверно истолкованной просьбы собеседника.

Энергичным рывком Глава извлёк себя из кресла.

– Ну, тогда, как говорится: до встречи в эфире.

Не вставая, Председатель молча протянул руку. Так, как и полагается делать «блюдущей достоинство» «нормальной политической проститутке»...

Глава шестнадцатая

– Мужик, хочешь «поправиться»?

Колоритный алкаш неопределяемого возраста блеснул линиялыми глазами. Можно сказать, ожил. Без вздохов, междометий и даже без лишних слов.

– ???

«Благодетель» – молодой парень спортивного вида, «без особых примет» – скосил глаза вбок.

– «Не за «здорово живёшь», конечно! У нас там автобус на заднем дворе: надо кое-какие вещички перекидать.

Алкаш моментально оторвал зад от ступеньки магазина.

– Это мы мигом, благодетель! По джентльменскому соглашению? Без паспорта?

– Юморист! – одобрил «благодетель». – Нет, паспорт не нужен. Нужны руки, шея и хребет. Традиционный комплект.

И «благодетель» хорошо, так, нехорошо засмеялся.

– А, может, и я пригожусь?

На «благодетеля», почёсывая от вожделения грязные ладони, заискивающе уставился ещё один «борец с зелёным змием».

Парень оценивающим взглядом окинул фигуру «соискателя», и, усмехнувшись, кивнул головой:

– Годится.

«Алкаш номер два» даже не удивился тому, как странно говорит «благодетель»: он немедленно пристроился к первому «счастливчику». Да и, что тут странного: человек выбирает рабочую силу и хочет не прогадать.

– А я? А мы?

Ещё несколько дрожащих рук одновременно тянулись кверху.

«Вербовщик» скептически оглядел фигуры обладателей рук.

– Ты, ты, ты... ну, и, пожалуй – ты.

Он ткнул пальцем в четырёх соискателей – всего их было пять.

– А ты, дедушка...

Вербовщик усмехнулся ветхому, пьяненькому, со слезящимися глазами старичку, которого уже качало не столько вином, сколько ветром.

– ...живи пока: судя по всему, недолго тебе осталось. Разве, что – до автобуса...

От вожделения опять не вникая в смысл сказанного, «избранники удачи» радостно заржали.

– Ну, пошли...

«Вербовщик» встал во главе колонны из шести человек.

В тихом переулке действительно стоял бэушный «МАН» – подарок немецких «друзей», давно уже исповедующих принцип: «Бери себе, Боже, что нам негоже!» Несколько удивляло то, что окна его были плотно зашторе-

ны – совсем даже не белыми занавесками.

– Загружайтесь!

– О!

Новоприбывшие удивились тому, что они оказались не первыми «нанятыми»: с их появлением свободных мест в салоне уже не осталось.

– Да, выпивка не будет «халявной», – погрустнел кто-то из пополнения.

– Это точно! – усмехнулся «Вербовщик», и повернулся к водителю:

– Поехали!

... – Что, вагоны разгружать?

Первый из завербованных с изумлением оглядывал длиннющий грузовой состав.

– Ты же сказал: вещички... Я думал: обычная «халтурка»... А тут... Не-е, брат: на это я не подписываюсь.

– Подпишешься и не на это, и не только на словах...

«Вербовщик» усмехнулся.

– ... «брат»!

Следом за этим автобусом к станции подошли ещё не меньше десятка таких же «МАНов» с плотно зашторенными окнами. Вскоре вдоль всего состава вытянулась длинная цепочка из нескольких сотен человек, всех, как в мультфильме, «одинаковых с лица».

«Не желающий подписываться» невесело усмехнулся.

– Да, видно, «пахать» придётся, как папа Карло!

«Вербовщик» с усмешкой оглянулся на него.

– Или, как сказал наш Президент, «как рабам на галерах»...

И в голосе его, и во взгляде было столько многозначительной иронии, что давно уже спившийся экс-инженер вздрогнул от нехорошего предчувствия. Когда же за спинами «вольнонаёмных» выросли солдаты внутренних войск с автоматами и рвущимися с поводков овчарками, «от избыточного гостеприимства» даже самому безнадёжному алкашу всё стало понятно. Насчёт «перекидать вещички».

– Значит, это – не слухи..., – скоропостижно отрезвел бывший инженер. – А я, дурак, не верил...

– Кругом!

Откуда-то сзади раздалась зычная команда, явно принадлежащая человеку, имеющему немалый опыт «общениями» с публикой «из мест, не столь отдалённых».

То, что не было похоже на строй, и поворот сделало нестройной. Как и требовалось логикой.

– Отставить!

Недоумевая уже не только по поводу увиденного, но и услышанного, алкаши начали переглядываться друг с другом.

– Непонятно?

Настолько внушительно выглядела фигура «командира», настолько впечатляющим был его взгляд, не сулящий ничего хорошего, что толпа послушно повернулась лицом к ва-

гонам.

– Кругом!

Не зря говорят, что повторение – мать учения: в этот раз команда была исполнена, если и не на «высоком идейно-художественном уровне», то для первого – точнее, второго – раза, вполне удовлетворительно.

– Смирно!

Большинство из алкашей в своё время прошли действительную службу в рядах армии: кто – Советской, кто – Российской. Поэтому с исполнением этой команды особых проблем уже не было. Не помешали ни жизнь вне строя, ни алкоголь по мозгам.

Подобие строя замерло в напряжённом ожидании.

– Граждане бичи, бомжи и алкаши!

Усиленный «матюгальником», голос «вэвэшника» разносился по «перрону», отражаясь гулким эхом от стен складов и мастерских.

– Родина даёт вам шанс вернуть себе человеческий облик, и вновь стать полезными членами общества.

«Вэвэшник» обвёл строй внушительным взглядом.

– Подчёркиваю особо: последний шанс, он же единственный! Вы будете трудиться не только на благо Родины, но и на своё же собственное благо! Сейчас со всеми вами будут заключены срочные трудовые договоры, и вы сразу же отправитесь к местам выполнения работ.

– А если кто не желает? – откуда-то с левого фланга раз-

дался нетрезвый хриплый голос.

Натренированным взглядом «вэвэшник» моментально вычислил «отказника». Он медленно подошёл к ухмыляющемуся босяку, от которого разило не столько перегаром, сколько кислятиной и прочими «ароматами» помойки.

– Не желаешь? – на удивление доброжелательно спросил он, и даже подработал голосу взглядом, в котором не было ничего каннибальского. Пока не было.

– Не желаю! – не понял тот доброго к себе отношения. – Не имеешь права заставлять, начальник! У нас – демократия!

Начальник скорбно покачал головой, и, не оборачиваясь, махнул рукой в чёрной кожаной перчатке. Тут же к нему подбежал лейтенант, сопровождаемый парой автоматчиков. Начальник показал глазами на «отказника», вздохнул и скорбно развёл руками. Солдаты мгновенно «подхватили товарища под руки» и «конвоировали» его в сторону одного из складов. Лейтенант замыкал процессию, на ходу «зачем-то» извлекая из кобуры «макарова».

«Пугать будет» – решил строй. И не ошибся. Но только частично. Потому, что испугали только их. Громким хлопком где-то на задворках склада. Когда «вэвэшники» вернулись одни, строй понял, что «отказник» испугом не отделался.

– Начать оформление контрактов!

Как в кадрах документального кино про коллективиза-

цию, или про запись в добровольцы времён Великой Отечественной, «жертвы оргнабора» мигом выстроились в затылок друг другу и потянулись к столам регистрации.

Процесс регистрации не занял много времени. Вскоре все «подписавшиеся на работу» вновь были выстроены перед вагонами.

– Кругом! – скомандовал «вэвэшник».

На этот раз повторять команду не потребовалось: дрожащие уже больше от осознания, чем от холода, «вольнонаёмные» выполнили команду едва ли не в соответствии с требованиями строевого устава.

Когда они повернулись, то увидели перед собой распаханутые чрева товарных вагонов, оборудованные «для временной перевозки людей и скота».

– По вагонам! – раздалась команда. И сотни людей, «дружески поддерживаемые» сзади прикладами «калашей», начали «загружаться». Через десять минут двери вагонов были наглухо закрыты, раздался протяжный гудок, лязгнули буфера – и состав покатиł очередную партию «завербованных по оргнабору» прочь от родных мест, в неизвестное, но явно не близкое «будущее»...

...Через трое суток пути «трудящиеся-контрактники» прибыли на место свершения «подвига во имя Родины». Место было, хоть и знакомое по телерепортажам советской поры, но удивительно первозданное. Проще говоря, глухое и дикое.

– Тайга... Сплошная тайга...

«Контрактники» не хотели верить глазам своим, но приходилось.

– Где это мы?

Все старались разговаривать шёпотом, и от этого ещё слышнее было, как у «шептунов» стучат зубы. От «радостного возбуждения», наверно. Как же: в новую жизнь прибыли!

«Инженер», как и подавляющее большинство «добровольцев», впервые за многие ходы державший «сухую диету» уже почти четверо суток, мрачно усмехнулся.

– Похоже, что нам предстоит стать чем-то вроде «забайкальских комсомольцев» советских времён...

Подтверждения догадки ему оставалось ждать недолго...

... – Жить вы будете в общежитиях.

Свирепого вида мужик в армейском бушлате, только что представившийся комендантом стройки, медленно прохаживался перед строем. Переминаясь с ноги на ногу, «добровольцы» с непривычки мёрзли

на первом в их жизни сибирском морозе.

– Поротно. Нары... виноват: кровати – двухъярусные.

– Мог бы и не поправляться, – буркнул вполголоса «Инженер», ни к кому конкретно не обращаясь.

– Роты, как в армии, делятся на взводы. Каждый взвод – бригада. Во главе каждой бригады – бригадир. Бригадир назначается руководством стройки из числа осуждён... виноват, контрактников, имеющих... точнее, имевших хоть ка-

кое-то образование и опыт руководящей работы в прошлом.

Он с усмешкой оглядел затосковавших «будущих героев»: окружающие пейзажи из вековых многометровых елей и пихт впечатляли лучше всяких слов.

– Удивительно, но кого тут только нет: и офицеры до подполковника включительно, и инженеры, и педагоги, и прорабы, и спортсмены и даже парочка кандидатов наук!

Комендант перестал усмехаться.

– Здесь у вас у всех будет шанс вернуть себе не только здоровье, но и человеческий облик. Предупреждаю: режим... виноват: распорядок! – у нас – строгий. Подъём – в шесть ноль-ноль. Затем зарядка. Утренний туалет. Завтрак. С восьми до двенадцати и с тринадцати до семнадцати – работа. Обеденный перерыв – с двенадцати до часу. Ужин – в шесть вечера. С семи до восьми и с девяти до девяти тридцати – личное время. С восьми до девяти – политзанятия. В десять ноль-ноль – отбой.

Заложив руки за спину, Комендант фатовски покачался на носках сапог. Строй тоже качался на том, что имеется, но несколько иначе: с пятки на носок и обратно. Амплитуда колебаний при этом не выдерживалась.

– В субботу и воскресенье политзанятий нет. Рабочий день – короче на один час. После ужина – фильм. Баня – по субботам. Просмотр телевизора – по усмотрению заместителя по политработе.

Ознакомление с распорядком продолжило делать то, что

начала окружающая природа: добывать «кандидатов в передовики».

– Хочу теперь познакомить вас, тов... хм... граждане контрактники с системой поощрений и наказаний, принятых в нашем учрежден... виноват: в нашем управлении. Итак, все вы подписали договоры сроком на пять лет. Это означает, что на эти пять лет вы поступаете в полное распоряжение строительных властей. В полное распоряжение!

Он поднял вверх указательный палец, дабы максимально усилить тезис о «полноте» этого самого «поступления в распоряжение». Кто-то в строю хихикнул: не выдержали нервы. Но комендант отреагировал на этот «недружественный выпад» не столь легкомысленно, как хотелось бы строю.

– Ничего: все так начинали. Не вы первые... М-да...

Это «м-да...» говорило куда больше, чем самые продолжительные нотации. Во всяком случае, настроение смеяться пропадало самой собой.

– Дальше. У нас действует принцип коллективной ответственности.

Заметив, как всколыхнулся строй, комендант снисходительным голосом поспешил успокоить «товарищей».

– Я имел в виду не совсем то, о чём вы подумали, граждане добровольцы. Никакой «децимации», если кому из вас знакомо это слово из истории Древнего Рима и Льва Давидовича Троцкого. Речь идёт лишь об ответственности за невыполнение плана. Поясняю: невыполнение нормы одним ра-

ботником, если следствием этого явилось невыполнение задания всей бригадой, влечёт за собой лишение месячной премии всей бригады. Если, конечно, в своё свободное время бригада не изъявит желание восстановить доброе имя коллектива. То есть, принцип – армейский, где зачёт – по последнему бойцу.

Медленно расхаживая перед строем, Комендант изредка бросал взгляд на одинаково синие рожи то одного, то другого «добровольца».

– Дармоедов мы не держим. Что значит «не держим», вы узнаете чуть позже. Но лучше бы вам этого не знать.

Строй уже не ухмылялся и не дёргался. И не потому, что устал и окоченел. Всё говорило о том, что, к несчастью, комендант – человек дела. А если и слова, то лишь такого, которое обязательно станет делом, как этому ни противься. Русский человек «въезжает» медленно, но если уж делает это, то основательно и надолго. Повторений «пройденного» ему не требуется.

– Далее. У нас – «сухой закон». Нарушение его карается по всей строгости... хм... закона, каковым для вас являются правила внутреннего распорядка. Лицо, впервые застигнутое за употреблением спиртных напитков или же с признаками такового, лишается всех видов премий сроком до шести месяцев. Лицо, вторично застигнутое на месте преступления, лишается заработной платы сроком до трёх месяцев. Это означает, что по истечении времени наказания из зара-

ботной платы лица, уже отбывшего наказание, будет удерживаться стоимость питания и содержания – до полного погашения долга. Подумайте об этом, прежде чем поддаться искушению!

– А за третье нарушение – что?

Любопытствующий не успел прикусить язык: комендант уже стоял перед ним.

– Увольнение с работы.

«Увольнение из концлагеря» – это, конечно, смешно. Но никто почему-то не смеялся. Наверно, потому, что «увольнение» – из концлагеря.

– И не только за третий случай пьянки, но также за попытку бегства, отказ от выполнения работ, покушение на жизнь сотрудника администрации или призывы к саботажу. То же относится и к однократному факту проноса или употребления наркотических средств: мы придурков не держим. И учтите: учёт у нас поставлен, так что надеяться на забывчивость администрации не стоит...

– Разрешите вопрос?

На манер орудийной башни, Комендант развернул голову в сторону посиневшего уже не только от холода алкаша.

– Нельзя ли узнать о системе поощрений?

– Хороший вопрос, – улыбнулся Комендант. – Правильный. Свидетельствует о положительной установке на труд. Итак, о поощрениях. Тот, кто будет честно трудиться, не нарушая ни трудовой, ни бытовой дисциплины, заработает сво-

боду и деньги. Конечно, не раньше истечения срока контракта. Не думайте, что, раз уж вы попали в концлагерь... тьфу, ты: не думайте, что вы попали в концлагерь, где работают за баланду из брюквы. Расценки здесь – те же, что и на гражданских предприятиях отрасли.

По строю прошла волна оживления: хоть какой-то мажор. На этот раз Комендант даже не стал призывать «вольнонаёмных» к порядку: пусть немного порадуются, бедолаги. Немного радости выпадет на их долю в ближайшие пять лет: подвиг, даже трудовой – дело серьёзное.

– Все заработанные вами деньги будут зачисляться на лицевые счета – разумеется, после удержаний за питание и содержание, а также за вычетом алиментов вашим жёнам, детям и престарелым родителям. Алименты – в размере пятидесяти процентов заработка. Ваши семьи, годами мучавшиеся с Вами, алкашами и тунеядцами, хоть теперь вздохнут с облегчением. Потому, что вас, отбросов общества, надо лечить не увещеваниями и не процедурами, а трудом и свежим воздухом! На природе! И мы вас будем лечить – и вылечим, можете в этом не сомневаться!

Комендант многозначительно хлопнул перчаткой по перчатке.

– И учтите: у нас – не ЛТП, то есть, не лечебно-трудовой профилакторий советских времён. Это я говорю специально для тех, кто мог усмотреть некоторое внешнее сходство. Здесь благосклонность начальства «дембельским аккордом»

на даче не выпросишь! Я понятно выражаюсь?

– Понятно, – нестройными голосами ответил строй.

– Тот из вас, кто честно отработает весь срок, сможет уехать отсюда или же трудоустроиться уже как свободный человек. Время, проведённое здесь, включается в стаж работы для получения пенсий, пособий, льгот и надбавок. На всех вас будут заведены трудовые книжки. Так что, те из вас, кто наврал о себе при поступлении на работу, наклал... тьфу, ты: наврал на свою же голову: со стажем по трудовой книжке на другую фамилию этот-то не суммируется! Ну, да вольному воля!

Комендант ещё раз медленно прошёлся вдоль строя, пылливо заглядывая в давно уже потухшие глаза «контрактников».

– И самое главное, граждане новобранцы. Вы получаете уникальную возможность исцелиться от всех своих недугов. Ту самую возможность, какую «демократия» вам никогда не предоставит и за деньги! А мы её предоставляем совершенно бесплатно!

Напоследок Комендант ещё раз окинул строй взглядом, полным творческого энтузиазма. Правда, несколько специфического – от преисподней и казанов.

– Вопросы?

Смешной человек: дураков нет. Теперь нет. Всё было ясно, даже если было не ясно и не всё.

– Равняйся! Смирно! Напра – ву! В дезинфекционный

блок.....

Строй в едином порыве вздрогнул. Комендант усмехнулся.

– Я сказал: в дезинфекционный блок, а не в газовую камеру!.. Шагом – марш!

Издав вздох облегчения, «новобранцы» энергично топнули своими гражданскими ещё обувками по утрамбованному сибирскому снегу...

Как написали бы в советских романах, «занималась заря новой жизни»...

Глава семнадцатая

В последнее время Глава предпочитал общаться с боссом посредством телефона. В целях сбережения нервов – и своих, и боссовых. Вот и сейчас, возвращаясь к себе от лидера ПУКа, он первым делом... «десятой дорогой» обогнул личные покои Его Высокопревосходительства, а вторым поднял отшлифованную ладонью трубку аппарата с золотым монстром.

– Господин Президент, прошу Вашей санкции на осуществление пункта третьего плана.

Он решил пока не ставить Президента в известность о достигнутых соглашениях с лидером коммунистов. По причине отсутствия времени для оппонирования Президенту. А оно непременно бы потребовалось: ну, вот не верил Хозяин в «агентурную искренность» ПУКовского вождя. Даже его росписи в платёжной ведомости не верил.

Президент ответил не сразу: похоже, вспоминал, что означает этот «пункт третий».

– Санкционирую. Действуй.

Кажется, он не был уверен в том, что вспомнил. Зато Глава был уверен в том, что он санкционировал. Потому, опасаясь ненужных вопросов – а ещё больше ненужных ответов – он быстро положил одну трубку и ещё быстрее взялся за другую.

– Привет, Блюститель. Немедленно ко мне: одна нога... Нет, чего мелочиться: обе ноги – здесь!

Блюститель – он же Председатель Центральной избирательной комиссии, демонстрировавший «независимость» исключительно на людях – бросил «Слушаюсь!» уже на ходу.

Через пятнадцать минут сей «оплот демократии» уже верноподданно поедал глазами занятого бумагами Главу. «Настояв» гостя положенное время, Глава медленно пошёл на него взглядом.

– На ближайшее воскресенье на востоке намечены выборы депутатов в законодательные собрания всех уровней – от аймака до края.

Чтобы облегчить «усвояемость» материала, Глава слегка утяжелил взгляд. Для порядка прогнувшись под «грузом», Блюститель избирательного законодательства откуда-то снизу верноподданно осклабился.

– Да, мы уже готовимся.

– ???

Недоумение Главы было искренним: сведения с востока поступали только по каналам спецсвязи, ибо все другие были недоступны. Но поражало даже не это: ЦИК не только в курсе, но, оказывается, ещё и готовится?! При всём своём «политическом мужестве» Глава не удержался от изумления. Хотя это ему полагалось изумлять «прихожан». По должности.

– «Готовимся»?! То есть, как?!

Всё ещё «находясь внизу», Блюститель ощерился вторично.

– Согласно действующему законодательству.

В присутствии «высочайшей особы» он не считал возможным забываться. На тему своего «наидемократичнейшего статуса». С ним это случилось только в телевизор – и исключительно в предвыборную пору.

Поэтому он тут же «додал информации».

– О ходе подготовки к выборам меня информируют наши люди.

– В Москве?

Глава попытался взять Блюстителя на иронию. Но тот не взялся: ушёл. Опыт: Глава был не первый, кто хотел «овладеть товарищем». А «товарищ» «не давался» даже «западным друзьям» – уж, на что те доки в демократии.

– Почему в Москве: там.

Усмешка немедленно покинула лицо Главы, словно осознав неуместность своего пребывания на нём.

– Там?!

Теперь Блюститель посчитал себя вправе слегка приподняться над собой.

– А что тут удивительного: это их работа. И потом, мы туда не сами заявились: нас пригласили.

Глаза хозяина ушли с лица гостя – внутрь себя. Ненадолго: вскоре мысль заработала открытым текстом. По лицу Главы. «Значит, и здесь Вожак сумел „обскакать“ нас... „Узакон-

нивается!“ Наверняка, посланцев ЦИК уже „напоили, накормили и спать уложили“, поэтому сомневаться в их „объективности“ не приходится!»

– Ну, и каково же мнение твоих людей о ходе подготовки к выборам?

Блюстителю не был, что называется, «семи пядей во лбу». И, если он и напоминал змия, то лишь гибкостью и обтекаемостью. По части мудрости, особенно политической, конкурировать на равных с Главой он не мог. Но «что-то такое» Блюститель всё же услышал в голосе одного из хозяев «слуги закона». Да и «открытый текст» давал пищу для размышлений. Теперь уже с его лица без труда читалось: говорить или не говорить? Вопросы, что именно говорить, не возникало. Глава – не Президент. К сожалению, он ждал от членов команды не бодрых рапортов, а правды, какой бы она ни была. В бодрые рапорты он её превращал уже сам.

– Мнение? В целом... положительное.

Блюститель сходу начал демонстрировать свою прославленную обтекаемость. Ту, которая превращала любое поражение Кремля в сокрушительную победу, где бы то ни было, и когда бы то ни было.

– Мне доложили, что подготовка к выборам идёт в соответствии с действующим избирательным законодательством. Серьёзных нарушений обнаружить не удалось.

– А хоть пытались?

Слегка забывшись, Блюститель со снисходительной улыб-

кой развёл руками. На тему «поучи жену щи варить!» Но, встретившись с «непониманием» на лице Главы, тут же поправился: улыбку «демонтировал», ручонки принял и даже квалифицированно прогнулся.

– Лично инструктировал!

Лицо Главы почему-то не прояснялось.

– То есть, с ненормальной обстановкой они там не столкнулись?

Лицо Блюстителя расплылось в сладчайшей улыбке.

– Никак нет: столкнулись. По их словам аномалии – на каждом шагу. Никакой стрельбы! Никаких угроз! Никакого «пиара» – ни «чёрного», ни «белого»! Даже подкупа избирателей – и того нет! Просто какие-то ненастоящие выборы!

«А ты – не такой, уж, дурак!»

Глава опять перешёл на язык взглядов.

«Не имею права! – взглядом же вздохнул Блюститель. – У меня – жена, дети... «и ещё одна женщина – в Ростове-на-Дону».

Глава вынужден был «включить звук».

– Можем ли мы каким-нибудь образом повлиять на исход выборов?

– Повлиять?

Блюститель перестал улыбаться: он вдруг всё понял. Ну, если и не всё, то главное: его пригласили сюда не для того, чтобы поинтересоваться мнением. И, уж, тем более, не для

того, чтобы вручить премию за хорошую работу.

– Что-то случилось?

Не самый умный ход, но надо было «по максимуму» тянуть время. В поисках спасительного выхода. По этой же причине Блюститель избегал «попадаться» Главе на глаза. Но это не мешало тому, не мигая, пожирать его взглядом. И делал он это настолько квалифицированно, что «объект работы» наверняка и сам чувствовал, как «сокращается в объёмах».

– Случилось то, что ты, Блюститель, подыгрываешь сепаратистам в их стремлении придать видимость законности своим незаконным действиям.

Несмотря на казённую закруглённость фразы, Блюститель прочувствовал её глубоко лично. Отнёс к себе, то есть. И не без оснований. Это помогло ему качественно перепугаться. Без малейших усилий над собой.

«Заглатываемый» Администратором, Блюститель сдавался на милость победителя и его «желудочно-кишечного тракта». И в тот момент, когда Блюстителя осталось на один только глоток, Глава неожиданно проявил милость: «отрыгнул» «столпа демократии». Жертва не состоялась в качестве таковой.

– Немедленно отзывай ревизоров. Они не должны напорочить больше, чем уже успели.

Блюститель, наконец, оказался в состоянии говорить. Судорожным движением руки ослабив узел галстука, он

чуть ли не простонал:

– Но ведь до подведения итогов их могут попросту не отпустить!

– Тогда сориентируй их надлежащим образом. Пусть они старательно фиксируют малейшие, даже чисто технические нарушения в ходе выборов и подсчёта голосов! Даже те, которые здесь, в Центре, и не считаются нарушениями!

– Как я им сообщу об этом?

Блюстителю не переставал удивлять Главу. На этот раз – трезвым взглядом на предмет.

– У ЦИКа ведь нет закрытых каналов связи! А все другие – под контролем! Не по «межгороду» же им передавать инструкции? Да и связь-то односторонняя: только оттуда сюда!

– Но можно ведь сказать об этом не прямо, а только намекнуть – так, между строк! Есть же у вас какой-нибудь профессиональный жаргон, понятный только специалисту?

Если Глава задался какой-то целью, то никакими доводами его уже невозможно было остановить. Потому что на все эти доводы у него находился один свой. Точнее, позаимствованный у Клемансо: «Никакое сражение не проиграно до тех пор, пока от него не отказался сам полководец!»

– Выборы должны быть признаны недействительными!

Глава опять начал гипнотизировать Блюстителя.

– Все должны увидеть, что «здесь вам – не тут»! Что законная власть контролирует ситуацию! Что нарушения зако-

на устраняются в рабочем порядке! Всё: идите и сделайте их всех зрячими!

Главный Администратор взглядом показал Блюстителю выход. Не иносказательный: в двери. Не веря тому, что «свет» всё ещё «этот», Блюститель не стал искушать судьбы и дематериализовался в мгновение ока.

«На уличный манер» «напутствовав» Блюстителя в спину, Глава принялся размышлять. Одно дело – дать надлежащее распоряжение. И совсем другое – добиться его выполнения. Здесь уже на пути власти возникали противоречия, одно серьёзнее другого. Как? Каким образом? На каком основании?

«И, главное: невозможно воспрепятствовать этому фарсу! Как хорошо было раньше: чуть, кто заикнулся о демократии, мы ему – контраргумент: никаких траншей, никаких пенсий, никаких зарплат! А тут попробуй это сделать: восток „сидит на трубе!“ Да, надо подумать...»

Подумать действительно было о чём...

Глава восемнадцатая

– Твоё мнение о выборах?

Вожак внимательно посмотрел на Полковника. Тот, слегка недоумевая – ввиду очевидности факта – пожал плечами.

– Как говорится, «выборы состоялись».

– Состояться-то они состоялись...

Вожак почему-то не спешил разделять энтузиазм соратника.

– ... Да вот, будут ли они признаны состоявшимися?

– Кем?

Полковник экономно усмехнулся – половиной щеки.

– Если ты говоришь о местных комиссиях и судах, то никаких вопросов: состоялись. Если же ты имеешь в виду реакцию Москвы, то почему она должна нас волновать? Москва пусть довольствуется тем, что мы пока играем «в демократию». Ей ни к чему афишировать проблемы.

– Думаешь, она предпочтёт делать «хорошую мину»?

– Полагаю, что для неё это – лучший выход.

– Почему?

– Время открытого конфликта, с одной стороны, ещё не настало, с другой уже прошло.

– Ну, ты прямо – царь Соломон! – усмехнулся Вожак.

– Да нет тут никакой философии!

Полковник тоже потрудился лицом.

– С одной стороны, в своём развитии ситуация не достигла ещё того рубежа, когда тайное становится явным. А, с другой, Кремль пропустил уже момент применения силы.

Вожак неспешно прошёлся по кабинету, наводя – конечно, невольно – на мысль о сходстве с образом одного из долгожителей Кремля. Он не «работал» под него: просто ему тоже лучше думалось «в пути».

– И всё же Кремль попытается признать выборы недействительными. Что же касается предлогов, то их всегда можно найти. Даже там, где их никогда не было...

– Что я должен сделать?

Полковник верно истолковал и сдержанность Вожака, и причину вызова.

– То, что ты сумел создать атмосферу на выборах – это хорошо. И то, что ты сумел зафиксировать факт этой атмосферы с участием иностранцев – тоже «в зачёт» тебе. Осталось лишь нанести последний мазок на полотно, и организовать...

– Уже!

– ???

– Массы в организованном порядке ожидают подведения итогов. Все поставлены на «котловое довольствие» – в местах сосредоточения.

Опять не сделав ошибки – теперь уже в «расшифровке» вопроса – Полковник улыбнулся.

– «Наш ответ Майдану». Праздничное ликование в свя-

зи с победой «кандидатов от народа» уже прорепетировано. Завтра все центральные площади городов и сёл одновременно превратятся в арену массовых гуляний.

Вожак с шутливым возмущением фыркнул в нос.

– Хоть бы дал мне озвучить вопрос... Кстати, и это мероприятие надо «запечатлеть». И не столько для истории, сколько для потребностей дня сегодняшнего.

– Вторые сутки кормим и поим...

– А иностранцы?

– А чем они хуже? Жрут и пьют за милую душу!

В глазах Вожака заплясали насмешливые огоньки.

– Ну, что ж, господин Администратор: посмотрим, кто здесь – учитель, а кто – ученик...

...Государственная Дума бурлила. Только что Председатель ЦИК довёл до её сведения о многочисленных нарушениях законодательства при организации и проведении выборов в депутаты местных органов в восточных регионах. Но не это вызывало такую реакцию «народных избранников».

В куда большей степени причиной их негодования явились газеты из тех самых «восточных регионов», а также из прилегающих государств, в которых во всех подробностях была расписана красочная атмосфера народного торжества в связи с оглашением итогов выборов. Всё – чин по чину: интервью, фотографии, официальные бюллетени, комментарии. За небольшим исключением, наблюдатели сочли выбо-

ры демократическими, а результаты их соответствующими волеизъявлению народа.

Здесь же, в газетах, были опубликованы фотокопии подлинных актов «ревизоров» от ЦИК, согласно которых те не обнаружили в ходе подготовки и проведения выборов ни одного, сколько-нибудь существенного, нарушения действующего законодательства.

Теперь же вниманию депутатов Госдумы предлагались заявления тех же самых «ревизоров», но с выводами уже прямо противоположного характера. Не удивительно, что в зале поднялся гвалт.

– Чему верить? – кричали «мастера слова» из Русской партии: «профилактическая работа» в их рядах была проведена явно формально. – Мы видим, что даже иностранные наблюдатели признают демократический характер этих выборов! Об этом же свидетельствуют и заявления представителей ЦИКа до их возвращения в Москву! Что же изменилось за столь короткий срок, если они решили взять свои панегирики обратно и выступить с нападками на то, что ещё вчера одобряли и возносили?

Глава Администрации, лично почтивший своим присутствием этот «паноптикум» – только так он и именовал Госдуму – решительно поднялся с места.

– Если уважаемые депутаты позволят, то я постараюсь внести ясность в этот вопрос.

«И в ваши мозги – тоже!» – без труда читалось с его лица.

Депутаты, конечно же, позволили. Попробовали бы они не позволить! По этой причине «внесение ясности» началось безотлагательно. Откровенности докладчика в немалой степени способствовало и то обстоятельство, что заседание, по «предложению» спикера Госдумы, было объявлено закрытым. Корреспондентов даже от «своих» газет «попросили» из зала.

– Хочу предварить своё выступление заявлением о том, что все эти выборы были незапланированными. Проще говоря, самостийными.

Глава сделал многозначительную паузу, с его точки зрения, достаточную для вразумления «избранников народа».

– Уже одно это обстоятельство не могло не насторожить нас. Ну, а когда мы узнали, что представителей Центра – в том числе, и Государственной Думы – не пустили туда, стало ясно: на местах готовятся к действиям, не согласующимся с интересами нашего федеративного государства.

– Но ведь и депутатов, и «голосуев» не пустили по причине карантина!

Глава порыскал глазами по рядам, и немедленно отыскал «нарушителя порядка». Так и есть: один из так называемых «независимых» и «самовыдвиженцев». Беда с этими «независимыми»: на них надо заводить, как минимум, отдельную ведомость. Зря в своё время Президент не пошёл на партийный список. А ведь он настоятельно советовал «гаранту»! Партию-то легче «отработать», чем индиви-

дуума!

Уставив в нарушителя «без промаха бьющий глаз», высокий гость – он же хозяин – медленно процедил сквозь зубы:

– Как нам удалось выяснить, непосредственно в местах голосования никакого карантина не объявлялось. Да вы и сами могли бы догадаться об этом! Иначе, как бы, в таком случае, могли состояться выборы и прочее скопление масс?

Зал откликнулся стыдливым молчанием: разгадка и в самом деле оказалось простой. По причине отсутствия загадки. Теперь, если что и удивляло, так это то, что «избранники» не сами «дошли до истины».

– Добраться же – пусть и окольными путями – в места выборов не представляло никакой сложности! Но представителей Центра туда попросту не пустили! А почему? С какой целью? Ответ, мне кажется, очевиден: показать, что Москвы за Уралом больше нет! Разумеется, я – не о географии. Как же мы можем признать такие выборы?

Глава сделал гневный взгляд – и уже «готовым изделием» обвёл ряды поникших думцев. Больших усилий для этого ему и прикладывать не пришлось: ряды были немногочисленными, поскольку депутаты предпочитали заседаниям более приятное времяпровождение. Москва вкупе с заграницей предоставляли для этого самый широкий выбор.

– Но ведь результаты выборов действительно отразили волю народа... – подал робкий голос представитель Русской партии.

– Выборов между кем и кем? – мгновенно парировал Глава. – Между одним представителем «Структуры» и другим?!

И тут Глава понял, что проговорился. Он прикусил язык, но было поздно: слово – то самое, которое не воробей – уже вылетело. Изловить, а, тем более, водворить его обратно не представлялось возможным.

– Что, что? – раздались недоумённые возгласы из разных углов зала. – Какая ещё структура? Силовики, что ли?

Едва не запаниковавший, Глава облегчённо перевёл дух: воспитанные жизнью и телевизором, «народные избранные» сами подсказали ответ.

– Да, одна из силовых структур, которая на волне успехов в борьбе с организованной преступностью – о чём Вы, разумеется, уже слышали...

«Слышали, слышали!» – донеслось из разных уголков зала.

– ... добилась большой популярности, и решила, что может поставить себе на службу и волеизъявление народа.

– Для чего?

Всё тот же представитель Русской партии никак не мог угомониться. По части домогательств истины. Глава медленно развернул к нему ухмыляющееся лицо и приступил к «артобстрелу».

– Для того чтобы самим «царствовать и всем владети». Неужели не понятно?

«Узел сопротивления» был подавлен. Неугомонный «рус-

скопартиец» замолк.

– Мы должны решительно, буквально на корню...

Глава поморщился, и в какой-то момент даже захотел «наступить на горло собственной песне»: даже технически искоренение не представлялось уже возможным. По одной простой причине: слишком глубоко проросли «корни». Но, передумав, он превратил сомнения в паузу и продолжил:

– ... пресечь любые попытки разрушить целостность нашего государства. Поэтому я предлагаю не только одобрить решение ЦИКа, но и выступить от лица Госдумы со специальным заявлением, в котором решительно осудить нарушения избирательного законодательства в отдельных регионах страны.

Глава отодвинулся от микрофона.

«Неплохо сформулировал! И главное, ничего лишнего!»

После данных разъяснений предложение Главы Администрации не встретило никаких возражений со стороны депутатов. Этому в немалой степени способствовала «глубоко порядочная» позиция коммунистов, боровшихся с Кремлём исключительно в рамках достигнутого соглашения.

Правда, небольшой корректировке проект всё же подвергся. Во избежание ненужных слухов представители самой же «партии власти» предложили смягчить формулировку. Поэтому из окончательной редакции упоминание о «сепаратистских попытках» и «единстве нашего государства» было исключено. И, не считаясь с оскорблением авторского досто-

инства, Глава признал обоснованность поправки...

На следующий день средства массовой информации тех стран, чьи представители работали наблюдателями на выборах, с изумлением узнали из постановления ЦИКа о том, что выборы «не состоялись». Ещё большее недоумение вызвало заявление Госдумы, в котором, в противоречие с чисто техническим решением ЦИКа, выборы критиковались уже как недемократические и не соответствующие волеизъявлению электората.

«Несостоявшиеся» – или «состоявшиеся, но недемократические»? – насмеялись заголовки иностранных газет. Причиной этого «расхождения во взглядах» явилась поспешность Госдумы, вызванная избытком желания, как можно лучше обслужить Кремль. Госдума первой «тиснула» своё постановление, в то время как осторожный Блуститель в последний момент смягчил позицию ЦИКа. Он решил ограничиться нейтральной формулировкой, в которой выборы определялись как «несостоявшиеся» по причине «недостаточной явки избирателей». Нет, никакой «идеологической диверсии» здесь не было: Блуститель всего лишь не успел согласовать корректировку позиции с Госдумой. Именно не успел: уж, слишком та «поспешала» с демонстрацией верноподданности.

Когда Глава обнаружил «диссонанс», было уже поздно. То есть, было уже поздно делать всё, кроме новых глупостей. Поэтому, «раздавая серги по справедливости», он распре-

делил их почти в равной степени между обоими Председателями: и Госдумы, и ЦИКа...

Восток России довольно потирал руки: очередной «приступ верности демократии», случившийся с Кремлём, хорошо потрудился не только над «физиономией» Москвы. Он ещё и поработал на легитимность новой власти на огромной территории от Урала до Тихого океана...

Глава девятнадцатая

Ничего похожего на послевыборную раскачку, столь характерную для западных регионов, на востоке не было и в помине. Уже на следующий день после оглашения результатов и признания выборов состоявшимися, полномочия вновь избранных депутатов были подтверждены – и тут же состоялись первые сессии вновь избранных органов власти. «Яйцо», не стесняясь, «учило курицу». В том числе, и тому, что делать с самим собой.

Когда Глава Администрации узнал о названии органов представительной власти... нет, ему не стало плохо: он огорчился. Сильно огорчился. Ибо вместо безобидных «законодательных собраний» и «областных Дум» на местах были сформированы Советы народных депутатов! Уже от одного только слова «Советы» можно было получить инфаркт!

Но и этим дело не ограничилось. Вскоре, один за другим, как по команде, хотя так оно и было, начали уходить в отставку чиновники местных администраций. Большинство из них всё поняло, «как надо», без дополнительных разъяснений. С менее понятливыми была проверена соответствующая работа, которая тут же дала результаты: исполнительная власть перешла в руки «Структуры».

И это уже была не привычная власть в лице «правительств», «аппаратов Губернатора» и так далее. Не власть,

исповедующая марксов принцип «Деньги – товар – деньги». По части «бескорыстия» и «верности долгу». Не было уже ни правительств, ни губернаторов, ни их аппаратов. На первой же сессии вновь избранные депутаты Советов упразднили прежние структуры как не соответствующие требованиям времени. Их место заняли исполнительные комитеты, подотчётные сессиям местных Советов.

Как это ни удивительно, но, принимая такое решение, Советы не вышли за рамки закона. А он предоставлял им это право, пусть и чисто формальное прежде.

Круг замкнулся. На огромной территории от Омска до Находки власть перешла в руки народа. Не того, который «вообще» – из книжек и для трибун. И не к «представителям «кремлёвских масс». И не в руки её «покупателей» из числа «местных товарищей».

Первым же своим актом Советы объявили о переходе стратегических предприятий в собственность субъектов Федерации, на территории которых эти предприятия и находились. Одновременно государству возвращались бывшие его предприятия, таковыми переставшие быть в результате «разгула демократии». Владельцам был предложен выбор: либо будто бы получить назад «шутейные» суммы, которыми они так и не рассчитались за предприятия, либо стать субъектами уголовных дел, в ходе расследования которых тайное обязательно станет явным. В том числе, их собственная, и вряд ли завидная, судьба.

Разумеется, все собственники немедленно проявили похвальное благоразумие, и сделали правильный выбор между бытием и не бытием. Последнее – не только в философском смысле. Этому способствовало их немалое удивление поразительной осведомлённостью «деприватизаторов» по части бухгалтерии.

Только удивляться было нечему: «Структура» представляла собой не «лунный десант». Досье на всех и вся были подобраны самым тщательным образом. Чтобы, как говорится, «вспомнить всех поимённо». Никого не забыть, то есть. Чтобы каждому – по труду и «где-то» даже по заслугам. Демократично? Демократично! Благородно? Ещё, как! (Справедливости ради, надо отметить, что все сомнения толковались не так, как рекомендует УПК, а исключительно в пользу государства. От любви к Родине, конечно. Но ведь никто и не возражал).

В результате, недра и доходы от их эксплуатации перешли в собственность того, чьей они только декларировались: народа, то есть. И не того, у которого есть конкретные реквизиты: фамилия, имя, отчество, а «некоего русского»! Народа «вообще»!

В Москве узнали обо всём этом, что уже стало привычным за последние месяцы, только постфактум...

... – Ты понимаешь, что это значит?

Не стеснённый рамками условностей – не перед камерами – Президент нервно метался из одного угла кабинета

в другой.

Глава рассеянно кивнул головой. Более активному выражению согласия мешало то, что именно в этот момент он «работал Юлием Цезарем». То, есть, слушал одно, думал о другом, а делал третье. И всё это одновременно. Для того чтобы не выходить из образа, у него имелись серьёзные причины: буквально пару часов тому назад он имел разговор с военачальниками «сепаратистов».

Воспоминания об этом уязвляли «неуязвимого» до самых печёнок. Мало того, что ему пришлось именовать солдафонов «товарищами», так он ещё и должен был претерпевать от них оскорбления в форме уставных ответов. А ведь он сразу предварил разговор намёком на то, что звонит не только от своего имени. Но командующий ТОФ «почему-то» «не проникся» информацией. Настолько «не проникся», что он, всесильный Глава Администрации, вдруг почувствовал, как у него от волнения пересохло в горле. И, ладно бы, только это: он потерял мужество, и вместо того, чтобы поставить Адмирала по стойке «Смирно!» – хотя бы и по телефону – унизился до вопроса: «Как идёт подготовка к учениям?»

Это он-то – тот, который ещё каких-нибудь полтора года тому назад одним росчерком пера или одним только словом «на ушко» Президенту мог решить судьбу любого воюки – даже министра обороны! Он, при вызове к которому ни один генерал не смел даже попроситься на стул, пока он сам не соизволял предложить его! Он, которого эта «сол-

датня» за глаза называла «серым кардиналом» и подлинным Главнокомандующим!

Глава вспомнил, как с ужасом смотрел на своё отражение в зеркале: он, который всегда идёт «в лоб», не сворачивая, задал совсем не тот вопрос, который намеревался задать! Хорошо ещё, что он не стал тогда же комплексовать по поводу временной утраты мужества: на кону стояло много больше, чем всего лишь получение текущей информации. Можно сказать, проявил невероятную политическую выдержку! «Превозмогая», «наступая» и даже «топча» – это о чувстве собственного достоинства.

И чем ответил Адмирал на эту неслыханную толерантность? Очередным надругательством: «По плану!» Вот так оскорбительно лаконично! Хоть бы «расщедрился» на пару слов! Эх, надо было бы «вспыхнуть», да нельзя! Оставалось лишь тактическими вопросами тактично подвести собеседника к ответу на главный вопрос. На тот, ради которого он и пошёл на неслыханное нарушение субординации, а теперь подвергался столь же неслыханным издевательствам «задрипанного» комфлота.

Только напрасно он ожидал понимания. Даже тогда, когда задал предельно ясный вопрос: «Не испытываете ли Вы каких-либо проблем?» И задал-то, как: представ олицетворением вежливости. И что опять: «Никак нет!» Адмирал продолжал наносить одно оскорбление за другим. Он не только не счёл нужным давать обязательные заверения «в надлежа-

щей готовности», «верности» и так далее, но даже и не выказал намерения отчитаться в проделанной работе. Хотя бы по минимуму!

С горечью и стыдом вспоминал сейчас Глава, как ему пришлось «с коленей перейти на брюхо». Вопросом «Может быть, есть какие-нибудь проблемы материально-технического характера?» Так сказать, не стесняйтесь: поможем. А в благодарность за это – ироническое хмыканье. Под не менее издевательский текст: «Никак нет, благодарю Вас». И всё!

Уже «скользя на брюхе», он «продолжал падение», казалось бы, невозможное физически: «А с финансами как?» Оказалось, никак. В части пожеланий к Администрации и Кремлю в целом. Даже с учётом того, что учения предстоят масштабные. Этим «никак» эта «морская сволочь» никак не хотела «выцарапываться из панциря»!

Не удалось «выцарапать» её даже вопросом о запуске баллистических ракет и намёком на договор с Америкой. Адмирал, хоть и вышел за пределы лаконизма, но сделал это столь же бестактно. В том смысле, что Министр обороны, который также приглашён на учения, сможет обстоятельно информировать Президента обо всём по возвращении в Москву.

Ох, как резануло по сердцу это «также приглашён»! Словно речь шла о каком-то заезжем гастролёре, а не непосредственном начальнике этого солдафона, пусть даже и море-

мана! Оставалось только благодарить в мыслях этого хама за то, что он не сказал ещё: «приглашён в числе иностранных наблюдателей»!».

И тогда Глава «упал – ниже падать некуда». Даже в собственных глазах. «Я звоню по распоряжению Президента...» Уже без намёков: открытым текстом! Позор-то, какой! Получалось, его имени и его слова уже было недостаточно для этого жалкого адмиралешки! Горечь буквально переполняла «истерзанную» душу «кремлёвского Бормана». Но даже падение не позволило Главе «подняться» в глазах Адмирала. «Полагаю, ответ о плановом ходе подготовки к учениям и отсутствию в связи с этим проблем, требующих вмешательства Кремля, вполне удовлетворит Верховного Главнокомандующего».

Вот чем ответил этот негодяй на доброе к себе отношение – в виде «юза на пузе»! В другой обстановке, если это и сошло бы ему с руки – то вместе с погонами. А сейчас приходилось «глотать пилюли»: *noblesse oblige!* Кремлёвский паёк – тоже. Однако и тянуть с постановкой вопроса было уже незачем – да и некуда. Поэтому, набравшись духа и воздуха, вместо «законных» эмоций, Глава вытолкнул из себя тот вопрос, ради которого он уже столько времени терпел издевательства этого «солдафона». Вопрос был мужественно прям: может ли Президент как Верховный Главнокомандующий рассчитывать на Адмирала?

Ответ «добил» Главу. «Я не нарушу присяги» – сказал

Адмирал, и, сославшись на «службу», положил трубку. Первым! Теперь можно было дать волю чувствам, но Глава не привык делать это постфактум. Да и, кроме того, Адмирал ответил на поставленный вопрос: это понял бы и дурак. Ответ был недвусмысленным: Адмирал давал присягу лишь на верность советскому народу и Коммунистической партии. Других присяг в его досье не было.

Как бы там ни было, ответ был получен. Но разве можно было передать его Президенту? Даже в кратком изложении? Даже «причёсанным»? Правда, теплилась ещё – где-то в глубине души – слабая надежда на пехоту. И, семафоря лично себе «Погибаю – но не сдаюсь!», он решил позвонить ещё и в округа.

Только и общение с командующими настроения ему не прибавили. Все они, словно сговорившись – а, может, так и было – отвечали строго по уставу, пожеланий не высказали, и от прямого ответа на «судьбоносный» вопрос уклонились точно так же, как это сделал командующий ТОФ.

Под впечатлением неутешительных итогов Главе неожиданно вспомнилось, как в октябре шестьдесят четвёртого Хрущёв обращался с аналогичным вопросом к министру обороны маршалу Малиновскому. Тот ответил ему примерно в таком же духе: останусь верен присяге и закону. За что и был удостоен заслуженного эпитета Никиты Сергеевича «законник сраный!» Не дай Бог и эта «верность» обернётся тем же, чем и тогда?!..

Глава двадцатая

... – Ты понимаешь, что это значит?

Странный вопрос задавал хозяин Кремля: кому и понимать, как не Главе Администрации?

– Есть какие-нибудь мысли? – продолжал наседавать Президент.

Мысли, конечно, были, но выдавать их Глава, разумеется, не стал. Выдал другие, более оптимистичные.

– Всё что Вы сказали, господин Президент – чистая правда. Только – с одной стороны. А есть и другая...

Президент оставил перемещения и вышел «на траверз» взгляда Главы. В этом взгляде сейчас не нашлось места «завсегдатаю Мефистофелю». То, что Главе надлежало довести до сведения Президента, нужно было сделать максимально корректно. По причине деликатности предложения. И Мефистофель не стал настаивать на присутствии.

– Сами по себе природные богатства мало что значат, господин Президент. Их даже недостаточно добыть. Превратить их в товар – вот, что главное. А вот тут уже возможности «Структуры» резко сужаются.

Глава выразительно посмотрел на Президента. По мере того, как он разворачивал свою мысль, глаза Хранителя Рейтинга начали понимающе округляться. К тому времени, когда Глава закончил подачу мысли, Президент дозрел до по-

нимания.

– Коммуникации! – воскликнул он. – Недра-то надо распродавать!

– Вот именно! – не замедлил поощрить босса Глава. Посредством своей неподражаемой, снисходительно-лакейско-хозяйской улыбкой. – Допустим, на востоке у них с этим делом проблем не будет: япошки, китаёзы и прочие корейцы моментально сориентируются в обстановке – и наплюют на договорённости с Москвой, лишь бы заполучить сырьё! А вот на западе...

– «От мёртвого осла уши!»

Любитель звонких цитат, Президент энергично подхватил эстафету восклицаний.

– А ведь основной потребитель нашего сырья – Запад! И с этим «Структуре», хочешь, не хочешь, а придётся считаться!

На лице Президента, наконец-то, живописался энтузиазм. Тот самый, нехватку которого он столь остро испытывал всё последнее время: не было оснований. Теперь же можно было воспрянуть духом. Ну, не воспрянуть – так хотя бы приподнять: и его, и себя.

– Что ты предлагаешь?

Глава выразительно откашлялся в кулак.

– Ну, вот так всегда!

Моментально расшифровав причину кашля, Президент скис лицом на тему «А как хорошо всё начиналось!»

– Не успеешь прислониться губами к ложке мёда, как тебе уже подсовывают бочку дёгтя!..

Чахлый энтузиазм уже покинул его неулыбчивое лицо.

– Ну, выкладывай, не тяни. Вечно ты... с камнем за пазухой...

Глава осторожно пожал плечами.

– Специально, что ли, я их собираю? Жизнь подсовывает... и нехорошие люди...

За то время, пока Глава пожимал плечами и «объяснялся», Президент слегка успокоился. И правильно: надо беречь нервы. Хотя бы – до очередной информации соратника. А в том, что переживание – и пережёвывание – её потребует немало калорий и нервных клеток, сомнений не было: слишком хорошо он знал Главу своей Администрации для того чтобы рассчитывать на иной исход.

– Ну?

Глава даже в кресле умудрился принять вертикальное положение.

– Прежде чем решать этот вопрос, нам надо решить другой: а нужно ли это делать?

– ???

– Запад и открывающиеся в связи с этим перспективы договориться с Вожаком и его «Структурой».

Глава сделал выразительную паузу, «доводя» Президента «до готовности».

– Действительно, возможности поиграть «на поле сопер-

ника» у нас есть, и немалые. Не исключено, что Вожак сам проявит инициативу для урегулирования вопроса. Вот тут-то и начинаются неоднозначности.

– Давай без метафор и аллегорий!

Сам мастер поговорить на тему «вообще», Президент не терпел «прелюдией» от других – даже от Главы.

– Извольте, – благоразумно не обиделся Глава. – Итак, мы можем без проблем выйти на договорённости с Вожаком по транспортировке сибирских энергоносителей на Запад. Но этим шагом мы признаем перед всем миром факт раскола страны, не говоря уже о существовании двух центров власти. Нужно нам это?

Президент, только что «глубоко удовлетворённый» отсутствием проблем с договорённостями, так и застыл с этим выражением на лице. Переменить его на другое не хватало времени.

– Да-да, господин Президент...

Сумев придержать рвущуюся на лицо усмешку, Глава сокрушённо покачал головой.

– ... нам есть, о чём подумать...

– И как у тебя с этим делом? – спросил Президент, сопровождая текст хорошим, таким, взглядом исподлобья. – Ты что-нибудь надумал?

– Надумал.

– Что именно?

– Думать!

– Смешно. А если углубить?

На людях Президент любил – и умел – размазывать «кашу по тарелке», запутывая простейший вопрос до такой степени, что для его разрешения уже требовался Александр Македонский со своим «гордиевым» опытом. Но в Кремле он был человеком дела. Какого дела – это уже другой вопрос.

Глава ответил не сразу. Он словно не решался озвучить заготовки домашнего происхождения. И всё потому, что Президента, как всегда, требовалось подготовить к восприятию очередного нестандартного хода. Путь к консенсусу следовало делать постепенно, шаг за шагом.

– Мы, конечно, можем заключить с Вожакom тайное соглашение. Без афиш...

Он сейчас умышленно говорил так, словно и не отвечал на вопрос Президента, а всего лишь размышлял вслух. Этот метод «вразумления» Хозяина был давно опробован им «на объекте», и действовал безотказно. За время «дележа сомнениями» Президент успевал основательно пропитаться ими, а заодно и мыслями докладчика. Да и требования этики соблюдались: никакого давления на Президента, не говоря уже о поучениях.

– ... Но ведь Вожак потребует обязательного перечисления своей доли на счета своего банка. И тут Запад всё поймёт.

– Какого ещё своего банка? – падая духом, успел опешить Президент.

– БВР. В переводе на «гражданский язык»: Банк Возрождения России. Это своего рода, Центральный Банк неподконтрольных нам территорий, куда теперь стекаются все поступления от экспорта сырья.

– Та-а-а-к...

Оторвав зад от кресла, Президент грузно опёрся ладонями о роскошную столешницу.

– Уже и ЦБ у них – свой... Нечего сказать: дожились... Доработались, ... твою мать!

Он ещё некоторое время спрягал в различных сочетаниях один и тот же глагол, пока, наконец, не перевёл удручённый взгляд на собеседника, который терпеливо переждал очередную вспышку «высочайшего» неудовольствия.

– И что нам остаётся: лапки кверху?

– Ну, зачем так сразу... Мы ещё «пободаемся».

– Как?

– Рогами, – усмехнулся Глава, но, напорвшись на колючий взгляд Президента как на означенные рога, тут же скомандовал усмешке: «Отставить!». – Мы объявим «urbi et orbi» – «граду и миру» – о том, в целях стимулирования развития восточных регионов, а также для более справедливого распределения доходов от распродажи недр... тьфу, ты: от реализации сырья, учреждается особый банк. Ну, примерно так, как Академия наук в своё время создала Сибирский и Дальневосточный филиалы. Можно даже объявить его филиалом или даже полномочным представительством

ЦБ по Сибири и Дальнему Востоку. Всё равно за границей уже известно о его существовании: платежи-то из Азии идут!

Президент оживился.

– А что: это – идея! И главное, ни у кого не возникнет мысли... ну, ненужной мысли! Кооперация и разделение труда – и всё тут! Покупатели нефти и газа будут получать товар, как и прежде. И, как и прежде, будут его оплачивать... Стоп!

Будто споткнувшись о невидимую преграду, он остановился аккурат «в географическом центре».

– Куда оплачивать? Кому? На чьи счета?

– Вот!

Глава выразительно поработал указательным пальцем.

– Вопрос вопросов: кому? Одно дело – филиал ЦБ и перераспределение средств, поступающих на счета ЦБ. И совсем другое – перечисление денег напрямую в банк раскольников! Ведь, если хотя бы одна из сторон потребует отдельных расчётов, все сразу же догадуются, зачем и почему! А Вожак обязательно потребует – на другое и рассчитывать нечего! А нам сейчас, ну, никак нельзя афишировать «внутренние разногласия»...

Глава сделал паузу: критический момент. Хорошо, если бы и Президент это понял. А если бы ещё понял, как надо – вообще было бы замечательно!

– Значит, нам остаётся...

Оглашение вопроса Президент заканчивал уже одними глазами. Но Глава был менее сентиментален.

– ... договариваться!

– «Договариваться»...

Фирменный взгляд Президента – исподлобья – уже осваивался на лице Главы.

– ...И как же?

– В порядке «джентльменского соглашения»... или на джентльменской основе.

– Не понял...

– «Джентльменское соглашение» – это термин из международного права. Точнее, вид договора, при котором стороны в устной форме оговаривают все его существенные условия. Но соблюдают его, как если бы он был заключён в письменной форме.

– Поучи жену щи варить, – поморщившись, буркнул Президент-«тоже-юрист-ни-дня-практики». – Меня больше интересует «джентльменская основа»?

Глава простецки почесал у себя за ухом. Простота, разумеется, была нарочитой, и являлась одним из этапов подготовки Хозяина к усвоению чужих мыслей как своих. Способ – не новый, но действенный: Президент видит озабоченность «контрагента» – и успокаивается тем, что не один он «весь в мыслях». Тут, как говорится, и бери его голыми руками.

– Здесь всё и проще, и сложнее. С одной стороны, это не предполагает ничего, кроме человеческой порядочности. Но с другой стороны предполагает именно человеческую по-

рядочность.

– Опять... – поморщился в очередной раз Президент.

– Понял! – моментально понял Глава. – Значит, мы уже согласились с тем, что не можем пойти на отдельные, по разным банкам и счетам, расчёты покупателей. И не столько потому, что это повредит нашему имиджу, сколько потому, что это повредит нашему благосостоянию. Ведь буржуи могут сыграть на разногласиях с востоком – в сторону понижения цен на сырьё...

– И что же нам теперь делать?

– Выход лишь один: письменный договор с секретными приложениями. Договор – «для мира», приложение – для сторон.

Президент сокрушённо закачал головой – и Глава немедленно бросился «добивать» его.

– Ну, не воевать же нам супостата? Не лучше ли воспользоваться советом Николо Макиавелли?

– ???

– «Если не можешь одолеть врага – стань ему другом!»

– Ты хочешь сказать, чтобы я...

– Чтобы мы с Вами!

Не сообразуясь с условностями, Глава решительно «определил патрона на место». В данном случае – не на то, что было отведено ему историей.

– Нам, кровь из носу, надо стать друзьями Вожака и его «Структуры». Хотя бы на словах. Предлог и искать не надо:

желание сохранить целостность страны. Как политик прагматичный и трезвомыслящий, Вожак не меньше нас с Вами заинтересован в передышке. Ему нужно время для того, чтобы перегруппировать силы и определиться с планами на будущее. И поэтому он пойдёт на соглашение с нами.

– Думаешь?

– Пойдёт! И по той же самой причине, по которой пойдём на это мы!

– ???

– Каждый из нас думает, что время работает только на него.

Глава усмехнулся.

– Но только само время... в своё время... хм... рассудит, кто из нас прав, а кому придётся довольствоваться «утешительным призом».

– ???

– Ну, то есть, тем, что успел, так сказать, «приватизировать на дорожку»...

– И другого выхода у нас нет?

Несмотря на то, что вопрос был исполнен в пол, «капитулянтский» тембр голоса Президента квалифицированно заместил отсутствующий взгляд.

– Почему же? – живо откликнулся Глава. – Есть и даже не один! Только все они из числа тех, о которых можно сказать: «лучше вовсе безвыходное положение, чем такой выход!»

– Значит, мало просто войти в долю...

Демонстрируя задумчивость в степени отрешённости, Президент медленно опустился в кресло. Он уже проработывал в мыслях нюансы предстоящей работы.

– Да!

В отличие от Президента, Глава не стал испускать вздохи: бить следовало наверняка.

– Придётся нам поиграть в доверие. Некоторое время...

Президент не ответил, но Глава и не торопил его. Прошло не менее минуты, прежде чем бесцветные глаза Хозяина начали исполняться знаменитого оловянного блеска. Знающие люди сразу бы догадались: Президент созрел. Для того, что требовалось моментом.

– Ну, что ж... Я согласен. Можешь вступать в контакт: санкционирую...

Глава двадцать первая

– Товарищ Император Восточной Римской империи? Это Вас приветствует некий Иванец Васильев!

«Император» Вожак рассмеялся.

– Ну, если Интриган всея Руси с утра в настроении, значит, наверняка придумал какую-нибудь замечательную гадость!

Теперь уже – и не в порядке соблюдения очередности – расхохотался Глава Администрации.

– Напротив, я хочу предложить Вам дружбу и сотрудничество! Ну, как виконт Болингброк – герцогине Мальборо в известной пьесе Скриба!

– Приятно, что Московия начинает признавать реалии... Итак?

Глава нарочито долго и громко откашлялся. Так, чтобы собеседник на том конце сразу же догадался о том, какого характера «першинка» застряла у него в горле.

– По телефону?!

Ответ не замедлил себя ждать: похоже, на том конце провода были готовы к такому предложению.

– Ну, что ж: милости просим! В аэропорту Омска Вас встретят наши люди. Поскольку визит неофициальный, думаю, нет необходимости в многочисленной свите.

– Никакой свиты! Со мной будут только один из моих по-

мощников, «топливный» министр и главы «Росгаза» и «Роснефти». Последние «будут ждать за дверями». Не возражаете?

В ожидании ответа Глава перестал дышать. И напрасно: мог бы не истязать себя.

– Не возражаю, – не стал оппонировать Вожак.

Глава задышал полной грудью – частично в трубку: забылся от облегчения.

– Послезавтра, в это же время Вас устроит?

– Ждём, – коротко ответил Вожак, и положил трубку...

...Точно в назначенное время личный самолёт Главы Администрации Президента России совершил посадку в аэропорту Омска. Никаких «эксклюзивных» условий для него принимающая сторона создавать не стала. Не было ничего: ни «закрытого неба», ни объявления о закрытии аэропорта по причине «плохой видимости» или «обледеневшей полосы». Даже почётного эскорта и ковровой дорожки – и тех не было.

Правда, чёрные «Мерседесы» были подогнаны к самому трапу. И Главу Администрации – второго человека правящего режима, встречал сам Полковник – второй человек «режима противостоящего». Глава Администрации прекрасно был осведомлён об иерархии «Структуры», и потому не имел оснований потрясаться отсутствием Вожака. Что он и не стал делать.

Проезжая по чистым и спокойным улицам старинного

русского города, Глава с удивлением и тревогой думал:

«Надо же, как близко к Москве подобралась „Структура“!»

Через час, приняв ванну и выпив рюмку армянского коньяка – другого он не признавал – Глава был готов к переговорам. Спутники его – в согласованном «ассортименте» – тоже. Однако прежде Глава и Вожак встретились «в сокращённом формате»: с глазу на глаз.

– Мы с Вами – политики, – в традиционной манере Глава сразу же «взялся за рога». – Поэтому не буду «темнить»: я приехал не для увещеваний и не для выяснения отношений. Я приехал с предложениями мира.

В момент оглашения даже неизменного «Мefистофеля» не было на его лице: «забыл пригласить». А, может, тот и сам почувствовал неуместность пребывания на физиономии подшефного.

– Мы знаем действительное положение вещей и готовы его принимать. Надеемся на аналогичное понимание и с Вашей стороны.

– Вы имеете в виду западный сегмент общей трубы?

Отхлебнув чай, Вожак «как бы невзначай» «выглянул» из-за края чашки. Глаза его при этом насмешливо блеснули.

– В основном – да.

В другое время Глава попытался бы завуалировать или, напротив, развернуть ответ, чтобы замаскировать суть уймой околичностей. Но сейчас он понял, что делать этого

не стоит. Что откровенность в данном случае только на пользу делу.

Вожак оценил лаконичность гостя: насмешливое выражение ушло с его лица.

– Я слушаю Вас.

Глава раскрыл папку, которую доселе нервно сжимал обеими руками. Несколько извлечённых из неё листов бумаги с «президентским верхом» легли на стол перед Вожак.

– Это – наши предложения по вопросу. Здесь содержатся полные данные о трубе: длина, пропускная способность, тарифы. Даже...

Он выдержал паузу и усмехнулся.

– ... «сектор ответственности» каждой из сторон.

– Красиво определили, – оценил Вожак. – И правильно по существу.

– Таким образом, нам только остаётся лишь согласиться с этим в принципе. Или же не согласиться.

Вожак склонился над бумагами – и почти тут же поднял удивлённые глаза на собеседника.

– А почему это Вы поделили доходы от продажи сырья?

Мастер заставлял теряться кого угодно, Глава вдруг потерялся сам.

– Т-то есть?

От волнения он даже начал заикаться. Если бы он мог сейчас взглянуть на себя со стороны, то решительно отказался бы от самого себя.

Вожак резким движением отодвинул бумаги на край стола.

– Дико извиняюсь, но я вынужден напомнить слова одного мультперсонажа: «На чужой вершок не разевай роток!» Продукт и доходы от его реализации не могут быть предметом переговоров и не будут!

– Но почему?!

Теряя «все лица сразу», Глава почти выкрикнул свой вопрос. Да и не до «сохранения лиц» уже было! Ведь на кону стояло... даже не финансовое благополучие режима: его, Главы, собственное реноме! Благополучие ещё может восстановиться – реноме никогда!

– Потому, что мы можем обсуждать только то, что не находится под нашим контролем. А именно западный участок трубы! И ничего больше!

Глава сделался живой иллюстрацией своей любимой «White Shadow of The Pale» группы «Procol Harum»: «Бледнее тени бледной»!

– Вы хотите сказать... словом, если я Вас правильно понял... доходами от продажи нефти и газа делиться Вы не намерены?!

– Вы меня правильно поняли.

– Но это невозможно!

– А по-другому не будет!

Переговоры грозили закончиться, по существу и не начавшись. Непримиримые позиции сторон исключали возмож-

ность принятия условий друг друга. Срочно требовалось новое предложение, которое изменило бы настроение другой стороны. И оно последовало. От Вожака.

– Я хочу сделать шаг навстречу. Именно шаг: не считайте это снисходительным жестом победителя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.